

Виктор Точинов

*Остров без сокровищ
Одиссея капитана Флинта*

Медиа СПб

Виктор Точинов

**Одиссея капитана Флинта,
или Остров без сокровищ-2**

«Точинов Виктор»

2021

Точинов В. П.

Одиссея капитана Флинта, или Остров без сокровищ-2 /
В. П. Точинов — «Точинов Виктор», 2021

ISBN 978-5-93835-276-6

Эта книга – продолжение романа-расследования «Остров без сокровищ», в ней расшифрованы новые загадки самого знаменитого романа Р. Л. Стивенсона. Кто был реальным прототипом знаменитого пирата, капитана Флинта? Как и где он раздобыл колоссальные богатства, закопанные на далеком острове? Вернулись ли кладоискатели, чтобы забрать две оставшиеся части клада, серебро и оружие? Спойлер: вернулись, и дело не обошлось без новых схваток, погонь, интриг и заговоров, – о них рассказано в художественных главах книги. Приключения Джима Хокинса продолжаются!

ISBN 978-5-93835-276-6

© Точинов В. П., 2021
© Точинов Виктор, 2021

Содержание

Глава первая. К вопросу о читательской понятливости	6
Глава вторая. Идентификация Флинта	14
Глава 3. «Пиастры! Пиастры!»	27
Глава 4. Одиссея Флинта: вожаденные манильские галеоны	34
Глава 5. Блуждающий остров	45
Глава 6. Еще раз о бочке с яблоками, или Откуда пошли лайми	60
Глава 8. При чем здесь Сингапур, или Торжественная порка господина Д.	75
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Виктор Точинов

Одиссея капитана Флинта или Остров без сокровищ-2

– Остановитесь! – вскричал иезуит. – Остановитесь, этот текст граничит с ересью! Почти такое же положение имеется в «Augustinus», книге ересиарха Янсения, которая рано или поздно будет сожжена рукой палача. Берегитесь, мой юный друг, вы близки к лжеучению! Вы погубите себя, мой юный друг!

А. Дюма-отец, «Три мушкетера»

Глава первая. К вопросу о читательской понятливости

Главная претензия к «Острову без Сокровищ», сформулированная многими читателями, звучала примерно так: Стивенсон сочинил незамысловатую пиратскую историю для своего двенадцатилетнего пасынка Ллойда Осборна, а потом издал для целевой аудитории примерно того же возраста. А столь юные читатели попросту не способны уловить подтексты, вторые-третьи-четвертые смысловые слои, зашифрованные намеки... И замечать нестыковки, неточности и прочие мелкие огрехи текста они тоже не станут. Так что все свои построения автор «ОбС» напридумывал, взял с потолка, высосал из пальца.

Детская история, значит... Разберемся.

Ну да, именно так воспринимаются сейчас, например, «Путешествия Гулливера» Свифта – острейшие политические памфлеты своего времени. И «Робинзон Крузо», книга изначально вполне взрослая и полная скрытых намеков, ныне числится по ведомству детской литературы. С романом Стивенсона произошла та же метаморфоза.

Однако для кого бы ни начал сочинять мэтр «Остров окровищ», после публикации знаменитый британский политический деятель Гладстон провел всю ночь за чтением, до утра глотал текст, пока не добрался до финала – и не представляется убедительной версия о том, что политик семидесяти четырех лет от роду, к тому же занимавший пост премьер-министра Соединенного Королевства, до такой степени фанател от сугубо детских книжек.

Но почему же, спрашивают критически настроенные читатели «ОбС», Стивенсон – если действительно хотел донести до читателей «второе дно» романа – спрятал свои намеки так глубоко, что для расшифровки тайнописи «Острова Сокровищ» пришлось предпринять самое натуральное детективное расследование?

Ответ прост: современные российские читатели очень отличаются от английских современников Стивенсона. Те намеки схватывали на лету, нашим же приходится долго и доказательно растолковывать. И не в том, разумеется, дело, что англичане сообразительные и продвинутые, а мы туповатые и малообразованные. Просто российские читатели росли совершенно в иной социокультурной среде. В кардинально отличающемся информационном поле.

Уже вступительные фразы «Острова Сокровищ» – дескать, перед вами воспоминания, написанные в 17.. году – должны были насторожить читателя-современника. И заставить весьма скептически отнестись к рассказу Джима Хокинса, сына трактирщика.

Дело в следующем: на протяжении семнадцатого и большей части восемнадцатого века художественно-развлекательная литература в подавляющем большинстве была мемуарной. Книжный рынок переполняли всевозможные «Записки», «Дневники», «Воспоминания», «Исповеди»... Фальшивые записки и фальшивые дневники.

Бойкие литераторы подделывали мемуары людей известных, действительно существовавших (самый известный пример – «Мемуары г-на д'Артаньяна, капитан-лейтенанта королевских мушкетеров», сочиненные после смерти гасконца памфлетистом де Куртилем).

Сочинялись фальшивки и от имени людей, никогда не существовавших, но якобы проживших яркую и богатую приключениями жизнь. «Записки Фанни Хилл, женщины для утех» – яркий тому пример, автобиография никогда не существовавшей проститутки стала настоящим бестселлером. Да и воспоминания моряка из Йорка, просидевшего двадцать восемь лет на необитаемом острове, выдавались издателями за чистую монету, имя Даниэля Дефо поначалу на обложке не стояло.

Разумеется, встречались и подлинные мемуары, хоть и редко, – люди с бурной биографией не так уж часто склонны к бумагомаранию. Но и авторам воспоминаний, признанных впоследствии аутентичными, доверять безоговорочно не следовало. Врали мемуаристы о себе,

любимых, как могли и умели. Весьма превратно излагали действительные события, умалчивая о многом, способном повредить их имиджу.

В конце восемнадцатого века начался обратный процесс: некоторые псевдомемуары и прочие литературные мистификации разоблачили, имена их подлинных авторов стали известны широкой публике, а Рудольф Эрих Распе сочинил своего «Мюнхгаузена», едкую пародию на лжемемуаристов: записки реально существовавшего человека, однако нашпигованные такими невероятными выдумками, что даже самому доверчивому читателю ясно – врет рассказчик, как сивый мерин.

Но это были еще цветочки и первые ласточки... С настоящим размахом разоблачать и опровергать стали во второй половине девятнадцатого века. Досталось на орехи всем: и фальшивым мемуаристам, и настоящим, грешивших враньем и самовосхвалениями. Литераторы, писавшие беллетристику, перестроились – сочиняли в основном от третьего лица, а если все-таки от первого, на обложке непременно стояло имя подлинного автора.

Вспомните романы Жюль Верна и Дюма-отца – сплошь взгляд со стороны на сюжет, рассказ от первого лица идет крайне редко. Да и Роберт Льюис Стивенсон, например, написал «Черную стрелу» именно от третьего лица, хотя все до единого события показаны глазами главного героя, Дика Шелдона, и дать ему слово было бы логично и естественно...

А «Остров» написан не просто от первого лица... В первых же строках сказано: перед вами, господа, мемуары восемнадцатого века. Для читателей, воспитанных на массовых опровержениях и разоблачениях подобных мемуаров, такой пассаж – маркер, метка, огромный жирный штамп во всю страницу: псевдомемуаристу доверять нельзя.

* * *

Разумеется, все помнят, какое имя носил корабль знаменитого капитана Флинта? Правильно, «Морж». А кто-нибудь задумывался, что название это не совсем типичное для судна, плававшего в тропических и субтропических широтах?

При желании можно придумать тысячу и одну причину того факта, что корабль Флинта получил имя полярного зверя, в теплые воды не заплывающего и жителям теплых мест в восемнадцатом веке практически не известного. Не было у них, жителей, телевизоров с «Миром дикой природы» и каналом «Дискавери».

Но мы не будем придумывать. Мы вместо того вспомним, чем питался Бен Ганн, на три года застрявший на Острове Сокровищ. А питался он козлятиной, ягодами и устрицами...

Устрицы, надо заметить, существа привередливые, где попало не водятся. Слишком соленую воду не любят, но и пресную тоже, океанские глубины им не нравятся, нужно прибрежное мелководье...

Во времена Бена Ганна европейских устриц добывали и разводили в Европе, на прибрежных отмелях, образовавшихся неподалеку от устьев впадающих в Атлантику и Средиземное море рек. В Японии культивировали другой вид, тихоокеанскую устрицу.

Позже, в свете гастрономического устричного бума, устриц развезли и акклиматизировали по всему свету – где не было подходящих отмелей, там насыпались искусственные и строились устричные садки; где океанские воды оказались слишком солонаты – начали выращивать в бассейнах, разбавляя морскую воду пресной...

Но кто в середине восемнадцатого века развел устриц у берегов затерянного в Атлантике острова? И зачем? Как представляется, развел их там Р. Л. Стивенсон. И лишь потому, что корабль Флинта назывался «Моржом».

Морж, устрицы... Авторский намек понемногу проясняется, не правда ли? Да и Плотник где-то неподалеку – коли уж матрос Абрахам Грей числится помощником судового плотника «Испаньолы».

Время написания «Острова Сокровищ» пришлось на самый пик увлечения англичан творчеством Льюиса Кэрролла. Совсем недавно вышла из печати «Охота на Снарка». Книги о приключениях Алисы в Стране Чудес и в Зазеркалье активно переиздавались, изучались, толковались на все лады... Книги по видимости детские, но прямо-таки наспигованные намеками и скрытыми смысловыми слоями, адресованными вовсе не детям.

В истории Моржа, Плотника и устриц (это стихотворение, если кто позабыл, входит в текст «Алисы в Зазеркалье») – происходят вещи несуразные и нелогичные: например, солнце светит глубокой ночью. Смысл всех этих несурaziц современники Стивенсона выясняли весьма активно. И меседж столь явной отсылки к Кэрроллу вполне очевиден для современников. Предупреждение читателям: перед вами отнюдь не детская книга, читайте внимательно, попытайтесь понять, что вам на самом деле хотел сказать автор. И не доверяйте псевдомемуаристу, не уподобляйтесь наивным устрицам, поверившим Моржу.

Но надо признать, что мэтр слегка перестарался... Целиком и полностью вскрыть зашифрованную в «Острове Сокровищ» историю пока никому не удалось. Даже мы – автор «Острова без Сокровищ» и его пытливые читатели – кропотливо исследуя сюжетную канву романа и опровергая выдумки Джима Хокинса, вскрыли лишь один подтекст, событийный. И, увлекшись пальбой и рукопашными схватками, практически не затронули другие смысловые слои – философский, этический, литературно-исторический, религиозный... И даже, не удивляйтесь, эротический. Они есть, их можно выделить при внимательном чтении – и этим мы займемся тоже, порой ненадолго отвлекаясь от захватывающих приключений пирата Флинта.

* * *

Целиком и полностью замысел Стивенсона не сумел пока восстановить никто. Но, повторимся, отдельные намеки первые читатели «Острова Сокровищ» понимали сразу, не утруждаясь долгой дешифровкой.

Вот лишь один пример: сквайр Трелони пишет в письме, что наwerbовал двадцать бравых морячков и теперь шхуна «Испаньола» может успешно вступить в схватку хоть с фрегатом.

Ну и как воспринимают эту фразу наши российские читатели?

Те из них, кто никогда не интересовался парусниками минувших веков, воспринимают спокойно. И шхуна, и фрегат – нечто с парусами и пушками, отчего бы шхуне и не одолеть фрегат, эка невидаль...

Читатели, знакомые с военно-морской историей, сразу понимают: сквайр Трелони и в самом деле трепач и хвастун редкостный. Либо полный профан во флотских делах. Потому что шхуна, даже специально оснащенная для боевых действий, против фрегата все равно что автомобиль «Запорожец» против танка. Нет шансов ни при артиллерийской дуэли, ни при abordage. Даже у двух шхун против одного фрегата – нет: когда английский фрегат «Ласточка» сошелся в бою с двумя судами Бартоломью Робертса, итог оказался плачевен для самого удачливого пирата восемнадцатого века. Сражение длилось менее двух часов, сам Робертс погиб, а пиратские шхуны получили такие повреждения, что уцелевшие джентльмены удачи были вынуждены спустить вымпелы и сдаться на милость победителей.

Так примерно воспримет фразу сквайра Трелони современный российский читатель, достаточно подкованный.

А для английского читателя, современника Стивенсона, в ней содержится куда более глубокий намек. Дело в том, что один-единственный раз за всю историю морских сражений приватирская шхуна умудрилась-таки в открытом бою одолеть фрегат. Историческое событие случилось в октябре 1814 года: американский приватир «Принц Невшательский» победил сорокапушечный английский фрегат «Эндимион». Для сравнения: «Принц» имел всего лишь 16 пушек значительно меньшего калибра.

В этой истории наложились многие благоприятные для американцев случайности (внезапно наступившее полное безветрие, например), плюс к тому британцы умудрились допустить все возможные в такой ситуации ошибки.

Вопиющий случай на многие десятилетия остался в памяти англичан: выходили книги и статьи, по косточкам, в мельчайших подробностях разбиравшие тот морской бой. Ну как, как такое могло произойти? Если сегодня на ринг выйдет мальчишка, второй месяц занимающийся боксом, и нокаутирует Николая Валугева, информационное эхо наверняка будет меньше.

В общем, случай с «Принцем Невшатальским» для англичан во время первой публикации «Острова Сокровищ» – все равно что история с Чернобылем для россиян конца века двадцатого: разъяснить, что к чему, не требовалось...

Но в чем здесь намек? Какая связь между Островом Сокровищ и победой шхуны над фрегатом?

Намек есть, и для британских читателей последней четверти девятнадцатого века – хорошо знакомых и с тем боем, и с его действующими лицами – более чем ясный. Дело в том, что в знаменитом бою абордажными шлюпками, отправленными ввиду полного безветрия на захват шхуны, командовал офицер по фамилии... кто догадается? Ну да, Хокинс. Шхуну он не захватил, погиб в схватке.

Хокинс – не Смит, не Джонсон и не Браун, далеко не самая распространенная английская фамилия, и связь с Джимом Хокинсом, плывущим на челноке захватывать «Испаньолу» (тоже, на минуточку, шхуну), для современников и соотечественников Стивенсона была очевидна. И легко понять намек, предупреждение автора: не стоит излишне доверять мемуаристу в том, что он насочинял про этот захват, – не захватывали Хокинсы шхун, ни тот, ни другой.

Ну и на закуску: в пиратских хрониках хорошо известен еще один Хокинс. Пират, кстати, – но совсем иного разбора, чем Долговязый Джон и его сообщники. Из той плеяды елизаветинских пиратов-джентльменов, что делились с королевой награбленными в испанских колониях миллионами и получали за то титулы сэров.

Дрейк, Кавендиш, Рэли... Джон Хокинс (дальний родственник и соратник Френсиса Дрейка) из того же ряда, а мать его в девичестве – фанфары, барабанная дробь! – носила фамилию Трелони.

Для двенадцатилетнего пасынка, говорите? Ну-ну...

* * *

Еще один пример. В «Острове без Сокровищ» мы вычисляли вторую ипостась трактира «Адмирал Бенбоу», служившего контрабандистам перевалочной базой, по косвенным признакам, тщательно выискивая в тексте первоисточника замаскированные авторские намеки.

У английских читателей, современников Стивенсона, не было нужды заниматься столь кропотливыми изысканиями. Им уже название трактира – «Адмирал Бенбоу» – говорило о многом.

Разумеется, сам знаменитый адмирал отношения к занятиям контрабандой не имел, наоборот, преследовал и топил суда контрабандистов. Хотя Джон Бенбоу известен не только подвигами, совершенными в морях и океанах, и прочими военно-морскими делами. Произошла и на суше с адмиралом одна история, причем непосредственно связанная с нашей страной, посему стоит ее вкратце вспомнить.

Илл. 1. Адмирал Джон Бенбоу, слуга королю, отец матросам. Лишился ноги в морском сражении у мыса Санта-Марта, но ампутацию – в отличие от Джона Сильвера – перенес неудачно, несколько месяцев болел и умер на Ямайке.

В 1698 году в Англии, в доме адмирала Бенбоу, гостил царь Петр Первый. Российское Великое посольство добралось до Британских островов, там Петра весьма заинтересовали вопросы кораблестроения – и почти три месяца царь со свитой провели, наблюдая за работами на верфях. Для жилья им предоставили самый приличный особняк в округе – дом адмирала Бенбоу, в те времена курировавшего постройку боевых кораблей для британского флота.

Наконец иностранные гости съехали, и в оценке дальнейшего мнения расходятся.

Западные историки (и примкнувшая к ним часть российских) утверждают, что русские дикари во время своих попок изгадили дом до невозможности: перебили посуду, раскурочили мебель, разбили статуи и прихватили кое-какие ценные мелочи на память о гостеприимных хозяевах. Досталось и окружающему дом ухоженному саду: газоны и клумбы вытоптаны, живые изгороди изломаны...

Российские историки патриотической направленности утверждают, что ущерб был преувеличен в разы; к тому же Бенбоу не был владельцем дома, сам арендовал его у придворного архитектора, причем остались свидетельства: арендодатель еще до вселения русских жаловался, что наниматель относится не слишком бережно к чужой собственности. Дескать, Бенбоу сам в пьянках со своими офицерами накуролесил, а придумал свалить все на русских варваров.

Вероятнее всего, истина лежит где-то между этими двумя полярными мнениями. На дикарей из варварской страны и в самом деле можно было навесить все, что угодно, в том числе разрушенную в тринадцатом веке часовню. С другой стороны, царь Петр и среди родных берез предавался в пьяном виде всевозможным чудачествам, не слишком полезным для мебели и интерьеров.

Как бы то ни было, Джон Бенбоу подал королю прошение о возмещении убытков, и получил в качестве компенсации триста пятьдесят фунтов стерлингов, деньги по тем временам немалые.

Но вернемся к контрабандистам и к трактиру, носящему имя знаменитого флотоводца.

Во времена Стивенсона в газетах обсуждалось громкое уголовное дело: в прибрежном городишке Пензанс (на юго-западе Британии, в Корнуолле) полиция накрыла разветвленную организацию, промышленявшую контрабандой. Несколько поколений контрабандистов орудовали там чуть ли не два века, при пособничестве таможенников и местных властей. Нарушители закона даже пробили подземный ход между своим притоном и морским берегом, в целях незаметной транспортировки партий контрабандного товара.

Притон находился в трактире, стоявшем на отшибе от городка. А трактир задолго до написания «Острова Сокровищ» назывался «Адмирал Бенбоу».

Историческое здание сохранилось до сих пор, и даже по-прежнему функционирует в качестве распивочной, традиции в Англии – вещь святая. Приезжие посетители интересуются: не из знаменитого ли романа позаимствовано название? (Благодаря Стивенсону в наше время название «Адмирал Бенбоу», по крайней мере в России, носят не только заведения общепита, но и самые разные непрофильные организации: клуб дайверов, предприятие по производству не помню уж чего и т. д.) Хозяин современного «Бенбоу» с легкой обидой объясняет: названию уже три века с лишним, так что большой вопрос – кто, что и у кого позаимствовал.

Илл. 2. Так выглядит трактир «Адмирал Бенбоу» в наши дни – городок разросся, и стоявшее на отшибе заведение окружено теперь домами. На крыше – пластиковая статуя контрабандиста, готового отстреливаться от королевских таможенников.

В общем, первым читателям «Острова Сокровищ», следившим за газетной хроникой, не надо было заниматься кропотливым анализом текста, чтобы понять: Хокинс-отец активно сотрудничал с контрабандистами. Толстый-толстый намек на это обстоятельство дан уже в начальных строках романа, в заглавии его первой части.

Любопытно, что информацию о реальном трактире «Адмирал Бенбоу» автор этих строк получил уже после выхода в свет «Острова без Сокровищ» (прочитал в интернете отчет ЖЖ-блогера, посетившего историческое место, спасибо Юрию Завражному за наводку). Ну что же, все закономерно: если теория правильная, то она не только объясняет известные на момент своего создания факты, но и подтверждается новыми, вновь открытыми.

Нам могут возразить, что для привлечения доверчивых туристов подобные байки в массовом порядке сочиняются для мест, на самом деле ничем в истории не прославленных. Да, сочиняются. Но, согласитесь, проще было бы врать туристам, что именно здесь, в Пензансе, когда-то проживал Билли Бонс, а бывшие владельцы «Адмирала Бенбоу» носили фамилию Хоукинс, – «Остров Сокровищ» куда известнее, чем какие-то давно позабытые контрабанди-

сты. Да и долбить в реламных целях протяженный туннель в прибрежных скалах – это уж чересчур.

Глава вторая. Идентификация Флинта

Как мы видим на примере Хокинса, Р. Л. Стивенсон позаимствовал фамилию для персонажа «Острова Сокровищ» из пиратских хроник былых времен, но отнюдь не биографию: что общего между сыном трактирщика – и лейтенантом королевского флота или елизаветинским пиратом-джентльменом?

Пример не единичный. Том Морган, старый пират и подручный Сильвера, носит ту же фамилию, что и знаменитейший флибустьер семнадцатого века, Генри Морган. И вновь совпадает лишь один штрих в биографии – оба Моргана занимались пиратством, но этим сходство исчерпывается: туповатый Том Морган не то что до поста губернатора Ямайки не допиратствовался – даже боцманом в свои изрядные года стать не сумел. И боцманоматом, помощником боцмана, не сумел тоже.

Израэль Хендс, боцман «Испаньолы», тоже носит имя и фамилию исторической личности. Реальный Хендс – пират, помощник капитана на судне Эдварда Тича (он же Тийч, он же Черная Борода). Тич, как известно, отличался отмороженностью и специфическим чувством юмора. И однажды раздробил своему помощнику ногу пистолетной пулей – просто так, развлечения ради. Играли в каюте вчетвером в карты, Тич незаметно скрестил под столом два пистолета – да и пальнул из обоих, не целясь: на кого, дескать, бог пошлет... В результате охромевший Хендс не смог принять участие в последних бесчинствах Черной Бороды, когда пиратский капитан окончательно пошел вразнос (в блокаде Чарлстонского порта, например). А позже, когда Тич был убит в абордажном бою и остатки его шайки предстали перед судом, Израэль Хендс сумел-таки разжалобить судей и получить помилование, как жертва пиратского произвола. К моменту отплытия «Испаньолы» из Бристоля хромой экс-пират нищенствовал в Лондоне, рассказывая посетителям трактиров байки за еду и выпивку. В том же году скончался...

А вот реальный Билли Бонс – юный пират из экипажа Бартоломью Робертса – тщетно просил британскую Фемиду о снисхождении. Очень старался, произнес на суде длинную прочувствованную речь, напирая на трудное детство и дурное влияние окружающих – не помогло, повис сушиться на солнышке вместе с коллегами.

Тенденция налицо. Можно сделать вывод: когда Стивенсон заимствовал из пиратских хроник имена и фамилии персонажей второго-третьего ряда, биографию своим героям, поименованным таким образом, автор сочинял сам.

Верно и обратное: когда мэтр заимствовал реальную пиратскую биографию, имя для ее обладателя он придумывал.

Пиратов с позаимствованными биографиями на страницах романа Стивенсона немного. Всего трое. С одним, с Джоном Сильвером, мы разобрались в «Острове без Сокровищ»: человек с таким именем на страницах пиратских хроник не встречается, но идентичность Долговязого Джона с одноногим верзилой-пиратом из экипажа Инглэнда сомнений не вызывает.

Второй – доктор, окончивший, по словам Сильвера, колледж, позднее подвизавшийся в экипаже знаменитого пиратского капитана Бартоломью Робертса и повешенный по приговору суда вместе с Билли Бонсом (реальным, не персонажем) и другими пиратами. «Его вздернули в Корсо-Касле, как собаку, сушиться на солнышке», – так дословно поведал Долговязый о судьбе врача, ампутировавшего ему ногу.

Дипломированные врачи среди джентльменов удачи встречались в исчезающе малом количестве. Хотя порой медики попадали в лапы пиратов при захвате судов, и даже лечили своих пленителей, – но именно оставаясь в статусе пленных. И, разумеется, не было никаких

оснований судить этих бедолаг и вешать «сушиться на солнышке» после разгрома пиратской команды.

Так что нет ни малейшего труда выяснить, кого имел в виду Долговязый Джон. Повешенного врача звали Питер Скадемор и его случай особый: поневоле попав на борт корабля Роджерса, он занялся там врачеванием не под угрозами и не следуя клятве Гиппократата, – добровольно и осознанно вступил в пиратские ряды, подписал договор, получил долю в общей добыче, причем даже повышенную, как особо ценный член экипажа... И вполне закономерно не отвертелся от виселицы.

(Кстати, в пиратских кодексах восемнадцатого века можно встретить такую компенсацию за утерянную ногу: несколько сотен монет и четыре-пять рабов. И поневоле вспоминается темнокожая супруга Сильвера, оставшаяся в «Острове Сокровищ» за кадром, – женскими персонажами роман, мягко говоря, не богат. Более чем вероятно, что спутницу жизни Долговязый Джон заполучил именно в качестве платы за увечье.)

Третий персонаж, чью биографию, но не имя позаимствовал в пиратских хрониках Р. Л. Стивенсон – сам капитан Флинт.

На страницах романа Стивенсона капитан не появляется, отправившись в мир иной за несколько лет до начала описанных событий. Но весь сюжет строится вокруг его фигуры.

Нешуточная борьба разворачивается сначала вокруг бумаг Флинта, а затем вокруг сокровищ Флинта. В укреплении, построенном Флинтом, положительные герои отбиваются от пиратов, пиратствовавших опять-таки под началом Флинта. Незадолго до финала Бен Ганн пугает пиратов, прикинувшись привидением, призраком Флинта, – и вполне успешно пугает. А когда обман Бена вскрылся, выяснилось: мертвый Флинт страшит пиратов гораздо сильнее Бена Ганна, хоть живого, хоть мертвого. Да уж, надо было изрядно потрудиться при жизни, чтобы заработать такую посмертную славу.

Но почему мы постоянно называем капитана по прозвищу – Флинт да Флинт? Ведь была у человека и фамилия... И Стивенсон особо ее не скрывает.

Тем удивительнее, что исследователи творчества Стивенсона ни разу эту фамилию не называли (по крайней мере в тех исследованиях, что попадались на глаза автору этих строк), а записывали в прототипы капитана Флинта совсем иных людей.

Рассмотрим для начала несколько чужих версий, имеющих мало общего с действительностью.

Известная в Сети стивенсоноведка Диана Янссен пишет (цитирую по памяти): общепризнанно, что прототипом Флинта был пират Эдвард Тич по прозвищу Черная Борода. Диана права, заблуждение это распространено очень широко, даже в Википедию угодило, но основания у него достаточно шаткие.

Илл. 3. Пиратский капитан Эдвард Тич по прозвищу Черная Борода, ставший, по мнению некоторых исследователей, прототипом Флинта. Тянущиеся от головы капитана дымки объясняются его манерой перед боем вплетать в волосы тлеющие фитили для воспламенения от них запалов ручных гранат (это оружие и пираты Тича, и их оппоненты весьма активно использовали при абордажных схватках).

Одно из оснований мы уже упоминали (службу Израэля Хендса в экипаже Черной Бороды). Второе – упорные слухи, ходившие о зарытых где-то в укромном месте сокровищах капитана. Наконец, в характере и Тича, и Флинта хорошо просматривается качество, названное века спустя «отмороженностью», в сочетании со склонностью к самому черному юмору: «шутка» Тича с пистолетами, скрещенными под столом, и «указательная стрелка», сделанная Флинтом из трупа Аллардайса, – явления примерно одного порядка.

Доводов против кандидатуры Эдварда Тича гораздо больше. Истории о его закопанных сокровищах вообще рассматривать не стоит, такие легенды сочинялись о любом пиратском капитане, получившем широкую известность. Причем фигурантами легенд становились не только пираты, промышлявшие в Южных морях.

В Средиземноморье активно муссировались слухи о кладах, закопанных знаменитыми мусульманскими пиратами братьями Барбаросса.

На севере Европы долго толковали о спрятанных несметных сокровищах Клауса фон Алкума по прозвищу Штёртебекер (Потрошитель чаш), долгие годы терроризировавшего Балтийское и Северное моря.

А идея о том, что клад самого знаменитого русского пирата можно разыскать и сейчас, до сих пор имеет фанатичных приверженцев.

Последний момент стоит раскрыть чуть подробнее, отвлекшись ненадолго от пиратов заморских. Потому что сложилась парадоксальная ситуация: стоит попросить кого-либо назвать имена русских пиратов, – и обычным ответом становится недоуменное молчание. Иные более продвинутые граждане вспоминают корсаров Ивана Грозного (хотя и Карстен Роде, получивший от царя каперское свидетельство, и нанятые им моряки русскими не были).

Еще более продвинутые вспоминают Августа-Морица Беневского, после побега с Камчатки не чуравшегося морского разбоя и заявившегося на Мадагаскар в поисках пиратской республики Либерталия (республика оказалась вымыслом в духе утопий Мора и Кампанеллы, но Беневский не первый, кто купился на мистификацию: даже Петр Великий планировал экспедицию к Мадагаскару, желая принять «береговое братство» под свой протекторат). Оснований считать австрийского подданного «русским пиратом» несколько больше, по крайней мере команда его состояла из наших людей, из участников Камчатского бунта.

Но самого прославленного русского пирата почти никто не вспоминает. Именно как пирата не вспоминает, в другой своей ипостаси известность этот персонаж имеет широчайшую.

* * *

Случается такое, и нередко: историки предпочитают не упоминать в своих трудах, предназначенных для широкой публики, «пиратские страницы» в биографиях некоторых исторических деятелей. Не скрывают, но и не рекламируют.

Например, Магеллан и его спутники по первому кругосветному путешествию широко известны нам как герои-первопроходцы: открыли западный путь в Индию (в настоящую, а не в те края, что принял за Индию Колумб), первыми пересекли Тихий океан, и прочая, и прочая. И мало кто вспоминает, что в ходе исторической кругосветки благородные идалго промышляли самым заурядным пиратством, и записки рыцаря Антонио Пифагетты, историографа экспедиции, пестрят упоминаниями о захваченных и ограбленных туземных кораблях. А когда были достигнуты заветные Молуккские острова и наступило время закупать пряности, служившие целью дальнего путешествия, Пифагетта с присущей ему непосредственностью написал: «Большинство пущенных нами в обмен предметов были с джонок, которые мы в свое время захватили». Справедливости ради стоит отметить, что сам Магеллан в пиратских бесчинствах не участвовал, погиб к тому времени в стычке с туземцами.

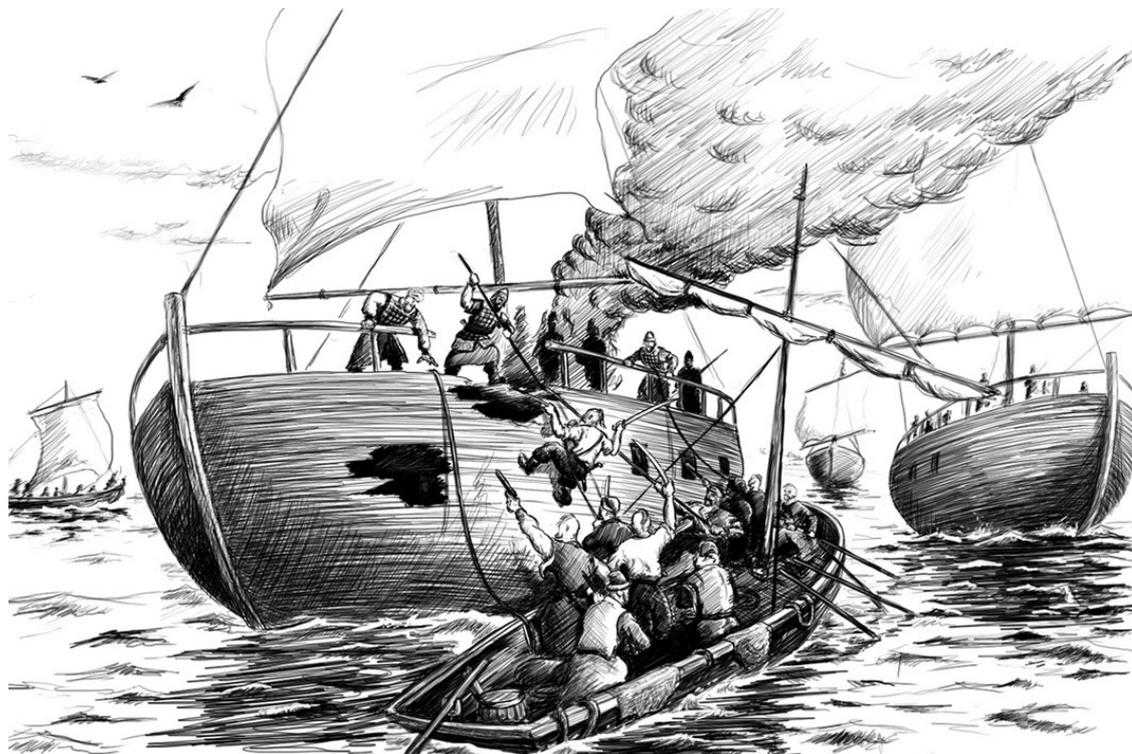
Не менее известен другой мореплаватель, португалец Васко да Гама, проложивший восточный путь в Индию. Да Гама – национальный герой Португалии и других португалоязычных стран: его именем назван мост и футбольный клуб, город и кратер на Луне, его изображение украшало монеты и купюры. Но привезенные из Индии богатства Васко да Гама раздобыл не торговлей, а заурядным морским грабежом. Восточные купцы попросту посмеялись над товарами, привезенными им для обмена: у самих такое есть, причем гораздо лучшего качества. И тогда великий мореплаватель пустил в ход то, чего не имели его несостоявшиеся торговые партнеры. Пушки, порох и ядра. Причем отличался запредельной даже для того сурового века жестокостью.

Самый знаменитый русский пират в качестве первооткрывателя не прославился. Его постфактум произвели в народные заступники, в бунтари, чуть ли не в революционеры...

Все, конечно, уже догадались: речь о Степане Разине. До того, как возглавить крестьянскую войну, названную впоследствии его именем, Разин с размахом пиратствовал на Волге и на Каспии, имея под началом эскадру в несколько десятков вымпелов. Грабил не только купеческие суда, но и прибрежные торговые города.

Да, легкие парусно-гребные струги разинцев не годились для переходов через океаны, их скорее можно отнести к классу «река-море». Но и не были они и теми легкими прогулочными лодками, что изображены в первом российском художественном фильме 1908 года «Стенька Разин и княжна».

Когда в морском сражении у Свиного острова разинцы схватились с персидской эскадрой, посланной на их поимку, персам не помогло превосходство ни в артиллерии, ни в числе и водоизмещении кораблей, – были наголову разгромлены.

Илл. 4. Так представляется современному художнику сражение у Свиного острова. Неточностей в картине много, но разница в водоизмещении персидских и казачьих кораблей передана достаточно точно.

В том бою суммарное число кораблей с обеих сторон доходило до сотни, в баталии участвовало несколько тысяч бойцов. Многие ли западные флибустьеры могли похвастаться

участием в боевых действиях подобного масштаба? Пожалуй, только Генри Морган на пике карьеры.

Но нет пророков в отечестве, и никто не отметил флибустьерские заслуги Разина, назначив его вице-губернатором Ямайки или хотя бы воеводой Астрахани. На родной Дон каспийские пираты вернуться сумели, но никакой возможности легализовать громадные захваченные богатства у них не было. Потому что Персия – не Турция и не Крым, на грабительские экспедиции казаков против которых русское правительство взирало сквозь пальцы. Персия в те времена постоянно враждовала с Турцией, что автоматически, силой обстоятельств, делало Тегеран союзником Москвы. Пиратская деятельность Разина никак в этот внешнеполитический вектор не вписывалась, и всё шло к тому, что главарей шайки, покуролесившей на Каспии, схватят и выдадут персам.

В попытке избежать такое развитие событий Разин предпринял самую масштабную авантюру в своей жизни – попытку изменить общественно-политический строй Русского царства. Иных причин не просматривается: на бедственное положение крепостных крестьян Разину, потомственному казаку, было по большому счету наплевать...

Дальнейшая история деяний Степана Тимофеевича к пиратским хроникам уже не относится, а посему вернемся к пиратам Западного полушария, в частности к Эдварду Тичу по прозвищу Черная борода.

* * *

Прототипом Флинта никак не мог быть Эдвард Тич. Ничто не совпадает. Не сходится хронология: Джон Сильвер еще плывал в экипаже Ингланда, когда Черная Борода был убит в бою и его отрубленная голова украсила бушприт корабля победителей. Место действия совпадает лишь частично: вся недолгая пиратская карьера капитана Тича прошла у восточного побережья Американского континента, он не побывал ни на Мадагаскаре, ни у индийских берегов (а Флинт, как мы выясним далее, пиратствовал на трех океанах, совершив кругосветное путешествие).

Кроме того, масштаб действий Тича маловат, несмотря на всю распиаренность его «подвигов». Да, судов ограблено и потоплено много. Но это были отнюдь не испанские галеоны, плывущие с золотом в Европу, их эпоха к тому времени миновала. Тич грабил купеческие суда, совершавшие местные перевозки, и обычная добыча после удачного абордажа бывала невелика: груз дерева, или кожи, или еще чего-то в том же духе, плюс пара сотен монет в судовой кассе. Захваченные грузы Тич не мог доставить в порт и продать за адекватную цену, не имея каперского свидетельства, в лучшем случае мог сбить за бесценок торговцам, рискующим скупать пиратскую добычу. Короче говоря, неоткуда было взяться у Черной Бороды сокровищу, где только золота было на семьсот тысяч фунтов.

Стивенсон и сам понимал, что Тич не того калибра личность, и вложил в уста сквайра Трелони следующие слова:

«Слышал ли я о Флинте?! – воскликнул сквайр. – Вы спрашиваете, слышал ли я о Флинте? Это был самый кровожадный пират из всех, какие когда-либо плавали по морю. Черная Борода перед Флинтом младенец».

Эта реплика сквайра окончательно закрывает вопрос, и «младенца» Эдварда Тича мы решительно вычеркиваем из списка кандидатов.

Следующий кандидат – пиратский капитан француз Ла Буше (правильнее, конечно, читать французское написание *La Bouche* как Ла Буш, но неправильное прочтение утвердилось и стало каноном).

Настоящее имя Ла Буше – Оливье Левассёр, и оно наверняка знакомо всем читавшим роман Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада», хотя соперник Питера Блада имеет очень мало

общего с реальным пиратом. А вот с известной нам биографией Флинта деяния Ла Буше соотнести можно, чем с успехом занимаются многие стивенсоноведы.

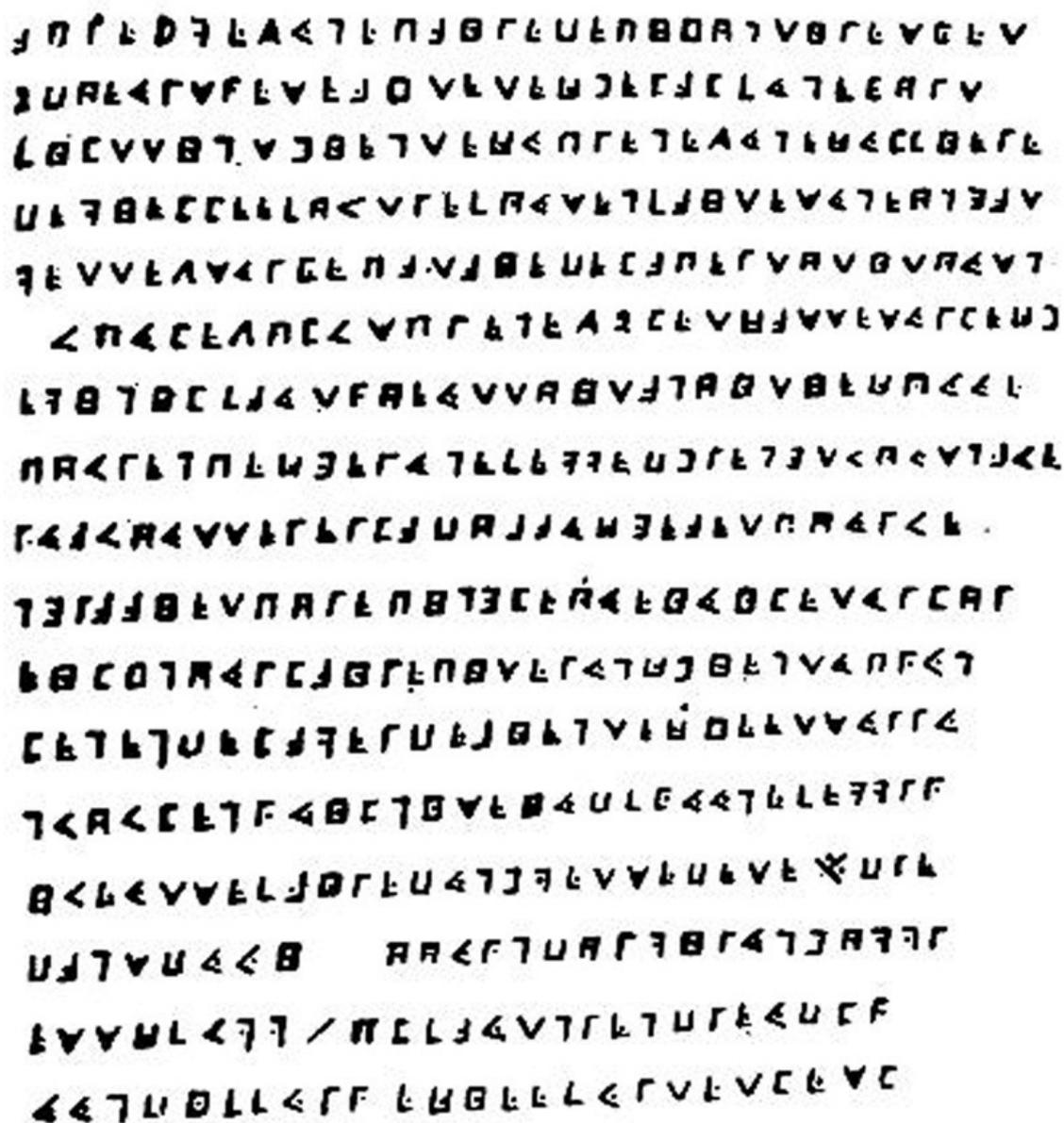
* * *

Итак, Ла Буше. У этого пиратского деятеля гораздо больше общего с капитаном Флинтом, чем у Эдварда Тича.

Ла Буше разбойничал не только в Атлантике, но и в Индийском океане – бывал на Мадагаскаре, у Малабарского побережья, то есть в местах, упомянутых Джоном Сильвером в рассказе о своей «трудовой» биографии.

Кроме того, Ла Буше был богат. К тому времени (в первой половине восемнадцатого века) захватить богатый груз золота у Американских берегов стало практически невозможно, «золотые караваны» испанцев канули в прошлое. А вот богатства Индийского субконтинента европейцы активно грабили и вывозили в Европу – и у джентльменов удачи, стремящихся урвать свою долю, порой случались баснословно удачные нападения.

Возможностей зарыть на необитаемом острове несколько тонн золота у Ла Буше было гораздо больше, чем у Тича, промышлявшего по мелочам. И легенды о его спрятанном сокровище имеют под собой гораздо более веские основания, чем домыслы о других мифических кладах, упомянутых выше. Слух о зарытом богатстве распустил сам пиратский капитан. Более того, оставил документ, позволяющий отыскать сокровища! Но это была не карта, как у Флинта, с четкими и ясными указаниями: в каком направлении сколько шагов отсчитывать, где копать... Это была так называемая «криптограмма Левассёра», тайный шифр, до сих пор не раскрытый.

Илл. 5. Знаменитая «криптограмма Левассёра». Любой желающий может попытаться её расшифровать. Многие пытались, но вдруг именно вам повезет?

Историю с «криптограммой Левассёра» использовал Эдгар Аллан По в своем рассказе «Золотой жук», приписав авторство документа другому известному пирату, капитану Кидду. Разумеется, персонаж По шифр «раскол» и клад отыскал.

В реальной жизни всё иначе... Покрытый таинственными значками лист Ла Буше стоит в том же ряду криптографических загадок, что и «рукопись Войнич», и Сингапурский камень: расшифровке не поддается, несмотря на все многолетние, даже многовековые усилия. Современные компьютерные методы тоже не помогли. Нельзя исключать, что пиратский капитан страдал извращенным чувством юмора и пошутил над современниками и потомками, подкинув им псевдошифровку, никакого смысла не имеющую. Однако факт налицо: параллель с картой Флинта здесь просматривается.

Еще одно веское доказательство идентичности Флинта и Ла Буше: последний пиратствовал в Индийском океане зачастую совместно с Инглендом, в команде которого начал свою карьеру Джон Сильвер и некоторые другие ветераны, оказавшиеся впоследствии на борту

«Испаньолы». Отчего бы не предположить, что после низложения Ингланда взбунтовавшейся командой произошел раскол и часть экипажа перешла под начало Ла Буше, благо тот находился где-то неподалеку? Вполне логичное и здравое допущение.

Таковы доводы «за», и выглядят они достаточно убедительно. Однако доводов «против» не меньше.

Финал биографии Ла Буше не совпадает с известными нам обстоятельствами смерти капитана Флинта, скончавшегося, по официальной версии, от неумеренного потребления рома. Ла Буше-Левассёра повесили, хоть он и не был пойман на море с поличным: завершил пиратскую карьеру, легализовался, выправив за огромную взятку задним числом приватирский патент, пытался вести мирную жизнь плантатора, проживая нажитые несправедливые богатства... Не сложилось. Не помогли даже большие деньги. Владельцы многочисленных потопленных и ограбленных кораблей были не менее богаты и влиятельны: все оправдательные бумаги пирата объявили липой и он повис сушиться на солнышке.

Еще один не совпадающий момент: Ла Буше никак не мог побывать в Порто-Белло. Там побывал Сильвер, именно там его попугай научился кричать «Пиастры!», присутствуя при подъеме груза серебра с затонувших испанских кораблей. С Инглэндом Сильвер никак не мог там оказаться, Инглэнд попросту не действовал в тех краях. Значит, в Порто-Белло побывал Флинт, под началом других капитанов Сильвер не плавал. Теоретически и Ла Буше мог там оказаться – в 1739 году, когда этот сильно укрепленный испанский порт захватила английская эскадра под началом адмирала Вернона, в ее состав входили вспомогательные суда амнистированных пиратских капитанов. Но даты не сходятся: к тому времени Ла Буше уже «завязал» и вскоре (в июле 1730 года) был повешен. К подъему серебра со дна в бухте Порто-Белло мы еще вернемся, а пока лишь отметим: этот эпизод с биографией Ла Буше никак не стыкуется.

Еще одно веское возражение: Ла Буше был француз, и надписи на карте наверняка оставил бы на родном языке. Если уж оставляешь кому-то указания, как найти клад, нет смысла пользоваться чужим наречием и рисковать всей затеей из-за неточного словоупотребления.

Хуже того, Стивенсон сам говорит нам о том, что Флинт был англичанином, и снова устами сквайра Трелони: «Испанцы так боялись его, что, признаюсь вам, сэр, я порой гордился, что он англичанин».

Экипаж под началом Ла Буше плавал интернациональный, но все же соотечественники капитана составляли там большинство. Если версия Флинт = Ла Буше верна, то права на спрятаные сокровища у французов те же, что и у остального экипажа, – так почему же никто из них не оказался на борту «Испаньолы»? Да, между Англией и Францией шла в тот момент война, но это не мешало воюющим странам привечать перебежчиков: во Франции благоденствовали британцы-якобиты, в английских владениях охотно принимали французов-гугенотов и т. д. Но ни единого француза в экипаже «Испаньолы» нет. «И только подумать, что все они англичане! – воскликнул сквайр. – Право, сэр, мне хочется взорвать весь корабль на воздух!» Сквайр немного погорячился, ему стоило сказать не «англичане» (Englishmen в оригинале), а «британцы» (the British), или «подданные Его Величества», – ведь ирландца О'Брайена к англичанам никак не отнести. Но о французах речь в любом случае не идет.

Сторонников идентификации Флинта как Ла Буше-Левассёра эти соображения не убеждают. Стивенсон, объясняют они, вполне мог использовать лишь отдельные эпизоды из биографии реального пиратского капитана. Звучит опять-таки здраво, и можно было бы принять версию с Ла Буше как рабочую, если бы...

Если бы в пиратских хрониках не отыскался капитан, чья история идеально стыкуется со всеми поведенными нам Стивенсоном эпизодами с участием Флинта, и даже с противоречивыми свойствами его характера.

Однако об этом персонаже речь пойдет чуть позже, а пока для полноты картины упомянем еще две версии, выдвинутые стивенсоноведом, выступающим под сетевым никнеймом Zalk.

* * *

Первый кандидат-соискатель на роль Флинта, как считает Zalk, – некий пиратский капитан Эрик Кобхэм, в классических трудах по истории пиратства не отмеченный. Доказательств два: необычайно долгая (как и у Флинта), свыше 20 лет, пиратская карьера Кобхема, и совпадающая по датам (1720-40 годы). Случай редкий, пиратское счастье переменчиво, и обычно праздник жизни у джентльменов удачи на такие сроки не растягивался. Второе доказательство: Кобхем любил употреблять поговорку «Мертвые кошки не мяукают», по смыслу очень близкую к знаменитым словам «Мертвые не кусаются» – их употреблял штурман Билли Бонс, но вполне мог позаимствовать свою присказку у капитана Флинта.

Разбирать подробно эту версию смысла нет. Потому что, изложив ее, Zalk сам в конце пишет: «И самое главное – Стивенсон про Кобхэма НИЧЕГО ЗНАТЬ НЕ МОГ. История капитана впервые всплыла в 1924 году, при анализе архивов одной из семей Гавра. Многие исследователи вообще считают, что Эрик Кобхэм – плод мистификации».

Нет, ну нельзя же так с читателями... Написать множество букв, изначально зная, что к делу они не относятся, и в конце дезавуировать все свои выкладки. Фу так писать.

Вторая версия за тем же авторством: под именем Флинта выведен пиратский капитан Генри Джонсон по прозвищу Генрих-Англичанин. Здесь ни совпадений с «Островом Сокровищ», ни доказательств нет вообще. Не представлены. Не утруждает себя их поиском Zalk. И упомянута эта версия лишь для полноты картины.

* * *

А теперь внимание, правильный ответ.

Прототипом Флинта стал достаточно известный пиратский капитан Тейлор. И этот факт можно подтвердить многочисленными доказательствами.

Доказательство № 1: имя, фамилия и подпись

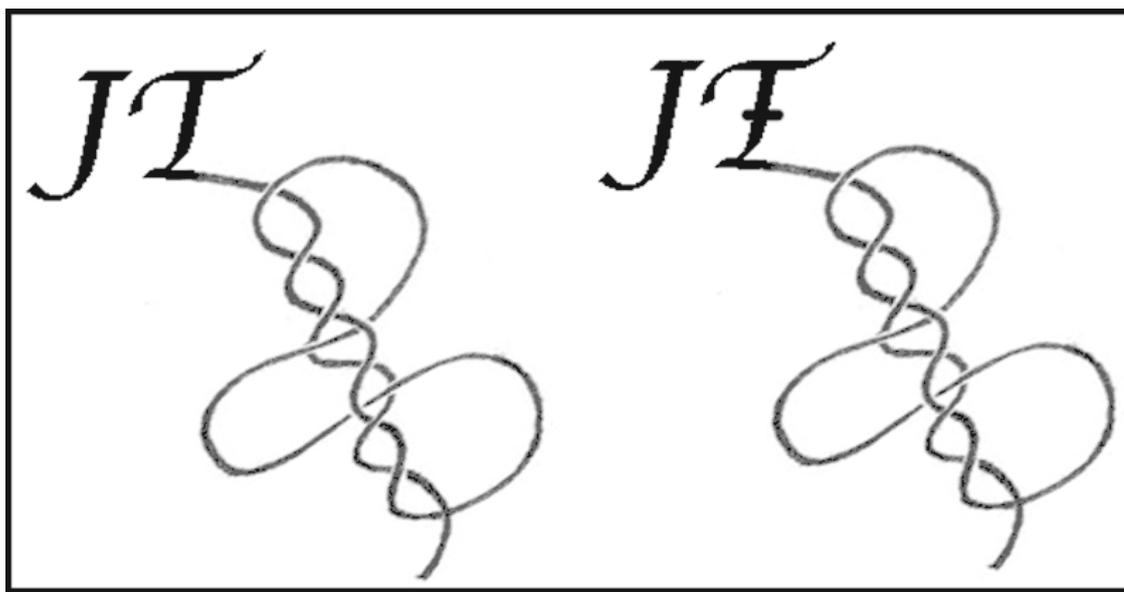
Фокус в том, что имя Тейлора никто в точности не знает, хотя составители всевозможных современных «энциклопедий пиратства» порой именуют его то Джоном, то Джеймсом, то Джорджем. Но составители лукавят, лишь изображая всеведение для доверчивой публики. На деле же в документах эпохи капитан фигурирует под фамилией и инициалом: Дж. Тейлор.

К чести Стивенсона, он путем лукавых составителей не пошел. И домысливать имя Флинту-Тейлору не стал. Но инициал в «Острове Сокровищ» упоминает, причем тот же самый: Дж. (английская J). Дословно: «Да, – сказал один, – это подпись Флинта, можете не сомневаться. „Дж. Ф.“, а внизу шлюпочный узел. Он всегда подписывался так».

Надо отметить, что порой джентльмены удачи, преследуемые законом, меняли фамилии и пытались начать жизнь с чистого листа. Хороший пример тому – история отставного майора Боннета, барбадосского плантатора. Из-за финансовых неурядиц сей джентльмен решил поправить дела, занявшись приватирством. Особо не преуспел, ударился в откровенное пиратство под черным флагом, сотрудничал с Эдвардом Тичем, ограбил энное число судов, – и «завязал», воспользовавшись Актом амнистии. Но дома Боннету не сиделось, да и на плантации дела вновь пошли неважно, – и предприимчивый майор опять тайно вышел в море на пиратский

промысел, но теперь взял псевдоним «капитан Томас». Закончилось все для пирата-плантатора плохо (честно говоря, страницы его жизнеописания рисуют нам человека жадного и глупого), – майора изловили, опознали, повесили сушиться на солнышке.

Но если допустить, что Тейлор, чья фамилия получила широкую и печальную известность, проделал тот же трюк и начал представляться «капитаном Флинттом», то ему даже подпись практически не пришлось менять. Английские инициалы J.T. и J.F. отличаются лишь в печатном варианте. В рукописном достаточно добавить лишь крохотную горизонтальную черту, чтобы одна подпись трансформировалась в другую.

Илл. 6. Примерно так могла выглядеть подпись Флинта, описанная Стивенсоном (справа), легко и просто трансформировавшись из подписи Тейлора (слева). Предупреждение для «заклепочников»: изображен здесь не «шлюпочный узел», не «мертвый» и не «выбленочный» (так он именуется в разных вариантах перевода), а достаточно условный образец каллиграфии. Речь ведь не об узле, а об инициалах.

Доказательство № 2: слова Сильвера

Джон Сильвер отмечает кровожадность Флинта, причем сравнивает его с гораздо более мягким Инглендом: «Что же, по-твоему, с ними сделать? Высадить их на какой-нибудь пустынный берег? Так поступил бы Ингленд. Или зарезать их всех, как свиней? Так поступил бы Флинт или Билли Бонс».

Однако в том же разговоре Окорок вспоминает и другое: «Одни боялись Пью, другие – Флинта. А меня боялся сам Флинт. Боялся меня и гордился мной...»

Эти слова идеально стыкуются с историей о пленении капитана Макрэ, описанной во «Всеобщей истории пиратства». Кратко напомним суть дела: между пиратскими вожаками разгорелся спор касательно судьбы капитана Макрэ, угодившего на борт их корабля. Ингленд предлагал капитана отпустить, а Тейлор настаивал на его убийстве. Кончилось тем, что на ют заявился одноногий пират, обвешанный пистолетами, вступился за капитана, – и спор очень быстро завершился, кровожадный Тейлор немедленно дал задний ход.

Доказательство № 3: завершение карьеры

«Золотой век» пиратства миновал к тому времени, когда на этом поприще подвизался Флинт-Тейлор. И главарям пиратов не светили должности губернаторов и титулы сэров от благодарных английских монархов. Известные пираты 18 века в большинстве своем заканчивали жизнь однотипно: или гибелью в морском бою, или казнью на виселице. Однако Стивенсон описал далеко не традиционную кончину Флинта: он скончался в Саванне от неумеренного потребления рома (так, по крайней мере, считали его подчиненные). Мэтр имел полное право сочинить такой финал биографии: как закончил свои дни Тейлор, не знает никто. Он тихо, и в буквальном, и в переносном смысле по-английски, исчез со страниц пиратских хроник. Последнее его упоминание во «Всеобщей истории пиратства» такое: Тейлор пересек Атлантику и поступил на службу с испанцам. И всё, о дальнейшем гробовое молчание. Тейлор мог погибнуть при кораблекрушении, в котором не осталось выживших и рассказавших об обстоятельствах гибели. Мог снова поменять имя и долгие годы жить богатым и уважаемым человеком в Англии или в одной из колоний. А мог и скончаться в Саванне от передозировки этанолом – ничему, что мы знаем о Тейлоре, такое допущение Стивенсона не противоречит.

Доказательство № 4: двойственная натура Флинта

В том, что пишет о капитане Флинте Стивенсон, явно просматривается некий дуализм, некая двойственность.

С одной стороны, капитан, без сомнения, человек культурный и образованный. Он обладал навыками картографирования и крокирования, сумел составить достаточно точную карту острова, а пираты, как справедливо отметил Сильвер, «народ неученый», и на такое неспособны. Примечания на карте написаны, по словам Хокинса, «мелким, четким почерком, совсем не похожим на каракули капитана». (Мы помним, что «капитаном» Джим именовал Билли Бонса.)

С другой стороны, ведет себя Флинт, как последний маргинал. Напивается до посинения, причем хлещет не виски и не бренди, а ром, самый плебейский из доступных тогда крепких напитков – называя вещи своими именами, плохо очищенный тростниковый самогон. Шутки дурные шутит в пьяном виде. В конце концов спивается и умирает.

Этот дуализм не выдуман Стивенсоном. Вот как «Всеобщая история пиратства» изображает Тейлора:

«Посему он (Ингленд – В. Т.) присоветовал Макрэ успокоить и укротить нрав капитана Тейлора, малого самого варварского склада, ставшего всеобщим любимцем среди них не по какой иной причине, но потому лишь, что был большею скотиною, нежели остальные».

Удивляться не приходится. Первоисточник у Джонсона (Дефо), сочинившего «Историю», в данном случае сам Макрэ, а уж тот не жалел черной краски для человека, требовавшего его смерти.

Однако вот что сообщает Петер Герхард в книге «Пираты Новой Испании» о порядках, царивших на приватирском судне «Успех», где начинал свою карьеру Тейлор: капитан Клиппертон большую часть времени проводил, напиваясь в своей каюте, судном же в это время командовал его помощник Тейлор, моряк образованный и грамотный, и судовой журнал вел тоже он.

Разумеется, Р. Л. Стивенсон не мог быть знаком с трудами Герхарда, тот родился четверть века спустя после смерти мэтра. Но первоисточник (в данном случае это мемуары пиратского капитана Бетага, на русский язык не переведенные) был вполне доступен в Англии в момент написания «Острова Сокровищ».

Вот так, из двух противоречащих друг другу источников, на свет родился образ Флинта-Тейлора, тоже достаточно противоречивый.

Доказательство № 5: эпизоды пиратской карьеры

Джон Сильвер упоминает эпизоды своей биографии: захват вице-короля Индии, возвращение на «Кассандре» на Мадагаскар, подъем затонувших сокровищ в Порто-Белло... И все они связаны с именем капитана Тейлора. Именно он руководил захватом отбившегося от эскадры, потрепанного штормом, потерявшего мачты и пушки корабля с вице-королем на борту (Ингленд к тому времени был низложен). Вернувшейся из Индии на Мадагаскар «Кассандрой» командовал тоже он. При этом Сильвер утверждает, что плывал под командованием лишь двух капитанов, Ингленда и Флинта, и объяснение этому факту возможно единственное: под именем Флинта в его рассказах фигурирует Тейлор и никто иной.

Теперь не надо гадать, как и зачем часть команды Ингленда оказалась на корабле Ла Буше. И уж тем более не надо строить дикие домыслы, как Сильвер и его товарищи телепортировались с Индийского океана в Атлантику, под начало Эдварда Тича. Всё произошло просто, естественным путем: корабль остался тем же, и экипаж тем же, сменился только капитан: был Ингленд, стал Флинт-Тейлор.

В Порто-Белло Флинт-Тейлор тоже побывал и участвовал в подъеме затонувшего серебра. Причем он был единственным из английских пиратов и приватиров своего времени, кто смог это сделать.

Однако история с Порто-Белло достаточно занимательна, в двух словах ее не рассказать. Посвятим ей отдельную главу.

Глава 3. «Пиастры! Пиастры!»

Когда речь заходит о сокровищах Флинта, зарытых на острове, все в первую очередь обращают внимание на золото, на монеты и слитки, на задерживаясь на двух других тайниках – с серебром и с оружием. Оно и понятно, золото – самая ценная часть клада, именно за золотом отправились через океан Ливси, сквайр и Хокинс. Их оппоненты с Сильвером во главе тоже надеялись заполучить золото, серебро и оружие игнорируя. Даже когда стало ясно, что тайник с золотом опустел, и давно, никто из пиратов даже не вспоминает, что где-то неподалеку находится яма с серебром, а ведь она вполне могла остаться не разграбленной. «Где наше золото, Сильвер?!» – подступают они к главарю с вопросами и угрозами, прочим не интересуясь.

Но если поразмыслить о серебре Флинта, исходя не из меркантильных соображений, а руководствуясь бескорыстным интересом исследователя, то сразу возникает несколько вопросов. Сколько серебра зарыл на острове Флинт? Когда? Раньше, чем золото, одновременно с ним, или позже? И где пиратский капитан раздобыл это серебро в количестве, потребовавшем оборудовать отдельный тайник?

Ответы на все эти вопросы в романе Стивенсона есть. Но, как обычно, не лежат на поверхности. Сам капитан Флинт ответить на них не пожелал. Скупко написал в примечании к карте: «Слитки серебра в северной яме. Отыщешь ее на склоне восточной горки, в десяти сажнях к югу от черной скалы, если стать к ней лицом». И всё, больше никакой полезной информации, не указано ни количество слитков, ни их общий вес и стоимость.

В «Острове без Сокровищ» мы достаточно умозрительно предположили, что вес серебра не уступал весу спрятанного на острове золота, а того Флинт закопал шесть с лишним тонн.

Но это более чем умозрительная оценка. Понятно, что для одного сундука или мешка с серебряными слитками трудиться над отдельным тайником смысла нет. Не стоит копать яму, маскировать ее, запоминать и записывать приметы, позволяющие потом найти это место. К чему лишний труд? Положить тот сундук к золоту или оружию, да и дело с концом. Тем более, что серебро относительно дешевый металл, стоит в десять раз меньше золота того же веса.

Однако можно предположить, что серебра было значительно больше, счет шел не на тонны, а на десятки тонн. Недаром Джон Сильвер говорил: «Не менял своего прозвища и „Морж“, старый корабль Флинта, который до бортов был полон кровью, а золота на нем было столько, что он чуть не пошел ко дну». Можно допустить, что Сильвер прихвастнул. Перегруз на судне водоизмещением около 200 тонн может вызвать золото стоимостью многие миллионы по курсу того времени. Экипаж Флинта попросту взбунтовался бы, отказался бы дальше пиратствовать, захватив такой небывалый куш.

А вот если «Морж» взял хороший груз менее ценного металла, стоимость у того получалась не столь уж запредельная.

Испанское происхождение серебра сомнений не вызывает. Главным его поставщиком на мировой рынок в восемнадцатом веке была именно Испания. В ее владениях добывалось серебра больше, чем во всех остальных частях света, вместе взятых, – примерно две трети общемировой добычи.

Илл. 7. Серебряные слитки 18 века, экспонируемые в музее Севильи. Именно такие могли быть закопаны на острове Флинтотом.

Надо заметить, что еще до того, как зашел разговор о сокровищах, один серебряный слиток уже фигурирует на страницах рукописи Хокинса: Джим вместе с матерью обнаруживает его в сундуке Билли Бонса. Был ли он наподобие тех, что изображены на илл. 7? Едва ли... Каждый такой серебряный кирпич весит 24 с лишним килограмма – при кочевой жизни Билли Бонса стал бы он таскать такой тяжеленный «сувенир», никак не используя, всего лишь как память о давнем успешном налете? Не верится.

Скорее всего, лежал у Бонса слиток другой, небольшой и цилиндрический, весом менее килограмма.

Испанцы часть отправляемого в метрополию серебра вывозили уже в виде монет, отчеканенных на колониальных монетных дворах, но их мощностей не хватало, чтобы переработать весь огромный поток благородного металла. Другая часть серебра пересекала Атлантику в виде небольших, круглых в сечении слитков, – полуфабрикатов, заготовок, их резали на части

и превращали в монеты уже в Испании, на Севильском монетном дворе. Очевидно, именно такой слиток возил с собой Бонс как память о былых временах. Ну а большие, почти четверть центнера весящие слитки, при нужде можно было пустить на что угодно: хоть на монеты, хоть на серебряную посуду, хоть на что-то еще.

Можно даже с большой вероятностью назвать точное место, откуда происходит серебро Флинта. Это Потоси, город, расположенный в те времена в вице-королевстве Перу (ныне оказавшийся на территории Боливии). Залежи серебряной руды там богатейшие, до сих пор не исчерпанные за четыре века добычи. В 18 веке Потоси давал восемьдесят процентов серебра, добываемого на американском континенте, – и всё оно шло на вывоз, местные потребности обеспечивали другие рудники, не столь богатые. Там же, в Потоси, серебро переплавляли в слитки двух видов, там же чеканили монеты. Те самые пиастры, что так любил поминать Капитан Флинт, попугай Сильвера.

Илл. 8. Пиастры, отчеканенные в Потоси. От тех, что чеканились в Испании, отличались крохотной деталью: испанский король назван на них «Hispan. et Ind. Rex» (Король Испании и Индии), а на монетах метрополии значилось «Hispaniarum Rex» (Король Испании). А размер, вес и содержание чистого серебра полностью совпадали, следили за этим строго.

Производимые в огромных количествах, пиастры использовались по всему миру, не только в странах Европы, но и Азии, и Северной Африки. Фактически они были резервной мировой валютой, совсем как доллар в наше время. Причем доллар – прямой потомок испанского пиастра, тот имел обращение в колониях Новой Англии под названием «испанский доллар» или «мексиканский доллар». И когда США завоевали независимость, без затей позаимствовали для своей суверенной валюты и название, и несообразные характеристики монеты. И многие другие страны брали за образец для своих монет популярный испанский пиастр, в том числе Россия: серебряные рубли, что впервые начал чеканить Петр Первый, весом, диаметром и содержанием серебра соответствуют пиастру. Вот такую прославленную валюту громко рекламировал попугай...

Итак, серебро Флинта появилось на свет, вероятнее всего, в Потоси. Но свой путь к Острову Сокровищ начало (совершенно точно) в Порто-Белло. Иных вариантов нет. Вывоз серебра в Европу проходил без какой-либо самостоятельности, был строго централизованным мероприятием. В Порто-Белло и только там формировались большие и тщательно охраняемые «серебряные караваны» судов, доставлявших драгоценный груз в Севилью.

* * *

Сейчас Порто-Белло ничем не примечательный поселок на Панамском перешейке, славный только своим историческим прошлым. Некогда же был он городом и важным транзитным центром в вывозе в Европу золота, а позже серебра, заветной целью пиратов и приватиров, но далеко не всем джентльменам удачи хорошо укрепленный город был по зубам...

Но начать стоит не с этого. А с того, что испанцы всегда были на редкость хреновыми мореходами. Удивительно, но факт: Испания весьма активно принимала участие в эпохе Великих географических открытий, вот только совершали те открытия под испанским флагом отнюдь не испанцы.

Судите сами.

Первую колониальную экспедицию Кастилии (пока не ставшей Испанией) в западном направлении – еще до открытий Колумба, к Канарским островам – возглавили французские мореплаватели де Бетанкур и де Ла Салль.

Новый Свет открыл Кристобаль Колон, он же Христофор Колумб, итальянец на испанской службе (открытие, совершенное викингами и прочно к тому времени позабытое, учитывать не будем: никакого заметного влияния на судьбы ни Европы, ни Америки оно не оказало).

Исследовал и описал берега вновь открытого континента, доказав, что никакого отношения к Индии он не имеет, Америго Веспуччи, еще один итальянец на испанской службе.

Западный путь в настоящую Индию проложил Магеллан, португалец, перешедший на службу испанской короне.

А закончил дело погибшего Магеллана и вернулся в Испанию, совершив первую в истории кругосветку, капитан Эль-Кано, баск по национальности. Причем не совсем приличная для романских языков фамилия капитана намекает, что происходил он вообще из крещеных мавров, был в средневековой Испании такой обычай: крестившимся евреям давали «ботанические» фамилии (Оливейра, Перейра и т. п.), а мусульманам, перешедшим в христианство, – «зоологические» (Сап, происходящий от латинского *capis*, означает на испанском «пёс»).

В делах военно-морских та же картина. Пока испанскими флотилиями на Средиземном море командовали итальянские адмиралы (например, знаменитый Андреа Дориа), дела шли неплохо. А вот когда руководить предприятием века – вторжением Непобедимой Армады на Британские острова – назначили потомственного испанского гранда, герцога Медина-Сидония, всё закончилось в 1588 году бесславным потоплением громадного флота, который строили и снаряжали два десятилетия.

Трудно сказать однозначно, отчего нация, жившая на полуострове, почти со всех сторон окруженном водой, оказалась такая сухопутная. Одна из причин, очевидно, в том, что войны Реконкисты, объединившие пиренейские королевства в единую Испанию, велись в основном на суше. И в сухопутной войне испанские кабальеро поднаторели. Когда пришла необходимость завоевать вновь открытые земли, сокрушить громадные империи ацтеков и инков, испанцы проявили себя совсем иначе. Кортес, братья Писарро, прочие конкистадоры были, без сомнения, авантюристами и беспощадными убийцами, готовыми на любые преступления ради вожаемого золота. Но воевать умели отменно. На суше.

Всё это к чему?

А к тому, что открытый Магелланом пролив между Атлантическим и Тихим океанами оказался по существу бесполезен для стремительно растущей Испанской колониальной империи. Место было не самым благоприятным для судоходства: протяженный запутанный фарватер, ложные рукава, никуда не ведущие, рифы, мели...

Магеллан, мореплаватель старой португальской школы, провел свою эскадру через пролив без потерь. (В Португалии к мореходству почти весь пятнадцатый век относились

системно, на государственном уровне развивали навигацию, картографию, кораблестроение, – и в результате Испания в начале эпохи колониального раздела мира была вынуждена догонять в этой сфере соседнюю страну, заметно уступавшую и населением, и ресурсами.)

У испанских же капитанов дела с проливом не заладились. Они там топили свои корабли. Разбивали о рифы, сажали на мели. Для следующей испанской экспедиции, двинувшейся за пряностями проложенным Магелланом путем, своего адмирала-португальца не нашлось. Через пролив флотилия пробиралась семь недель (Магеллан уложился в четыре). Эти цифры: семь и четыре, – вообще оказались роковыми для испанцев в том плавании. В пролив из Атлантики вошли семь кораблей. Вышли из него в Тихий океан четыре.

Как началось, так и продолжалось. Пролив исправно собирал дань за его прохождение погибшими кораблями и людьми. Оказался непригоден для плавания. Но лишь для испанцев, плохих мореходов. Английские пираты (Дрейк, Кавендиш и другие) пользовались проливом вполне успешно. Тоже порой теряли корабли, место опасное, – но все же не в таких катастрофических масштабах, как испанские капитаны.

В результате испанцы изобрели довольно замысловатую схему торговли с Индией и Китаем через Тихий океан. Возвели на Тихоокеанском побережье Мексики порт Акапулько с мощными верфями, где строили большие корабли, способные совершать трансокеанские плавания, т. н. «манильские галеоны», – те доставляли азиатские товары к Панамскому перешейку, разгружались. Дальше грузы перевозили по суше на побережье Атлантики, где вновь грузили на корабли, плывущие в Европу.

Конечной точкой сухопутной части маршрута был Порто-Белло, расположенный в большой и удобной бухте, способной вместить большое количество кораблей (счет порой шел на сотни). Туда же стекалось золото со всего континента, сначала награбленное у ацтеков, инков и майя, а позже добытое на их рудниках, захваченных испанцами. В восемнадцатом веке, когда золотые рудники Испанской Америки истощились, через Порто-Белло активно вывозилось серебро.

Корабли принимали на борт грузы, предназначенные для Испании, но сразу в путь не отправлялись. Ждали, когда возвратится из очередного трансатлантического плавания Гаванский флот – его боевые корабли сопровождали караваны торговых испанских судов в Европу, ибо карибские воды буквально-таки кишели пиратами и приватирями всех мастей и национальностей, и все они охотились в первую очередь за испанскими судами.

Разумеется, сам Порто-Белло тоже манил джентльменов удачи. Склады города ломились от всевозможных ценных товаров, на рейдах в больших количествах ждали отправки суда, под завязку нагруженные ценностями.

Но у большинства приватиров и вольных пиратов руки оказывались коротки добраться до вожаемых богатств. Испанцы хорошо понимали значение важнейшего транзитного пункта и надежно охраняли его – и эскадрами сторожевых кораблей, и тремя фортами с мощной артиллерией.

За все время существования Порто-Белло лишь один пират сумел его захватить и разграбить – Генри Морган в 1668 году. Но то был Морган, единственный в своем роде, благодаря репутации самого удачливого пирата собиравший для налетов на прибрежные города эскадры в несколько десятков кораблей и настоящие пиратские армии, способные на масштабные действия на суше. Флибустьерам меньшего размаха Порто-Белло был не по зубам. К тому же после разгрома и резни, учиненных Морганом, испанские власти сделали выводы и укрепили город и форты еще сильнее.

Порто-Белло окончательно стал неприступным и оставался таким вплоть до англо-испанской войны с очень странным названием «Война из-за уха Дженкинса». Капитан Флинт-Тейлор в то время уже служил под испанским флагом.

* * *

В книгах и на сайтах, посвященных пиратской теме, часто можно встретить такое утверждение: Тейлор, покончив с пиратством, стал офицером испанского военного флота.

Из одного текста в другой кочует этот бездумно повторяемый бред. А запустил его первым, причем всего лишь как ничем не подтвержденный слух, Джонсон-Дефо, автор «Всеобщей истории пиратства». Со временем слух незаметно превратился в общеизвестный факт.

На самом деле достоверно известно одно: «Кассандра» под командой Тейлора покинула Индийский океан, обогнула Африку, пересекла Атлантику и прибыла в испанскую Вест-Индию. Где пираты сдались на милость губернатора Порто-Белло.

Губернатор оказался на удивление милостивым. Никого не повесил и даже не посадил, позволил спокойно и свободно жить в подведомственном городе. Нет никаких сомнений, что в столь благодушное настроение губернатора привел небольшой презент от джентльменов удачи: драгоценные камни из той богатой добычи, что была захвачена вместе с вице-королем Индии.

Но чтобы иностранец и иноверец за взятку получил патент офицера испанского военного флота?! Не бывает. Ладно бы еще ирландец-католик, но англосакс-протестант Тейлор? Не известны такие случаи в истории.

На испанскую службу он мог поступить лишь одним способом: получив свидетельство гвардакостаса.

Наверное, надо объяснить, кто такие гвардакостасы, термин не самый известный.

Испанские гвардакостасы (*guardacostas* в переводе означает «береговая охрана») были сродни приватирам и каперам других европейских стран: частные лица со своими кораблями на службе государства, действующие за долю в добыче. Но задачи перед ними стояли иные: охранять побережье испанских колоний, порты, корабли и торговые пути, а захватывать и топить, соответственно, иностранных пиратов и контрабандистов.

Контрабанда, надо отметить, приносила в 18 веке ущерб интересам испанской короны даже больший, чем пиратство. Времена Моргана, собиравшего целые флотилии и громившего прибрежные города, прошли. Настало время предприимчивых людей, сообразивших, что разбогатеть на незаконной торговле можно если и не быстрее, чем на пиратских нападениях, то в любом случае с гораздо меньшим риском.

Итак, Тейлор стал гвардакостасом.

Но перед этим он непременно должен был изменить фамилию. Даже немного раньше, перед тем, как интернироваться в Порто-Белло.

Иначе никак. Если даже не Флинтом, то кем-то иным, каким-то чужим или выдуманым именем Тейлор непременно должен был назваться. Иначе затея со сдачей испанцам могла обернуться для него очень скверно.

* * *

Вообще-то случай это редкий, можно сказать уникальный: английский пират переходит на службу к испанцам. Долгие века эти две страны, Англия и Испания, были непримиримыми антагонистами, ведущими борьбу за господство в колониях: иногда экономическую, но чаще вооруженную. К политическим разногласиям добавлялись религиозные. В Испании нетерпимо относились в еретикам-протестантам (а соседней Португалии, например, господствующий католицизм никак не мешал тесному и многолетнему союзу с Британией). Англичане платили той же монетой, по полной программе щемили тех своих соотечественников, кто остался приверженцем католической веры: принимали законы, ущемлявшие в правах, запрещавшие занимать государственные должности и т. д.

Конечно, нравы в восемнадцатом веке изрядно смягчились, и перспектива сгореть на костре инквизиции Флинту-Тейлору уже не грозила. Но и радушного приема у испанцев ему и его людям ждать не приходилось.

Однако жизненные обстоятельства не оставляли капитану другого выхода после его художеств в Индийском океане. Там Тейлор умудрился всерьез рассориться со всеми серьезными участниками азартной и сложной стратегической игры «Захвати и разграбь Индию».

Британской Ост-Индской компании Тейлор насолил так, что когда через пару лет после завершения индийского этапа его карьеры прошел слух, что Тейлор никуда не уплыл, а скрывается со своими людьми и награбленными богатствами в дебрях Мадагаскара, – компания отнеслась к этому слуху более чем серьезно. Направила специальную экспедицию: Тейлора схватить и повесить, награбленное вернуть. Никого, понятно, не нашли и не схватили, но факт показательный.

Французов Тейлор, не смотревший на флаги, когда приходила блажь кого-то ограбить, тоже пощипал изрядно. И, поразмыслив, не поддался на уговоры своего поделщика Ла Буше, предлагавшего купить за большие деньги амнистию у французского правосудия. Жизнь показала, что прав был таки Тейлор, а Ла Буше-Левассёр совершил фатальную ошибку: и деньги заплатил, и от виселицы не отвертелся.

О португальцах даже размышлять не стоило после истории с их захваченным вице-королем, вариант отпадал сразу.

Тейлор сумел крупно нагадить местным коллегам по ремеслу, индийской корсарской династии Ангриа, а те были очень серьезные ребята: кроме многочисленных эскадр, владели несколькими островами у побережья, плюс к тому контролировали приличный кусок континентальной суши с укрепленными портами, – в общем, создали настоящее пиратское «государство в государстве».

Хуже того, Тейлор побил горшки даже с голландцами, а те всегда его поддерживали: скупали добычу, снабжали припасами, предоставляли порты для ремонта и кренгования. Но тут надо признать, что сердечное согласие порушилось по вине самих голландцев: помutilи им разум и сбили с пути истинного слухи о захваченных Тейлором и Ла Буше громадных богатствах вице-короля. Тейлор ответил на попытку его обмануть и завладеть драгоценностями в своем фирменном стиле: разгромил форт голландской Ост-Индской компании в бухте Делагоа, был тот слабо укреплен и имел для обороны всего шесть пушек.

Ну и куда после всех этих дел бедному Тейлору было податься? (Бедному – выражаясь фигурально. Капитан в материальном смысле был богат, но в основном драгоценными камнями, а превратить их в деньги по адекватной стоимости было очень проблематично.)

Если отбросить экзотические варианты продолжения карьеры, вроде службы китайскому императору или кому-то из индийских раджей, то податься Тейлор мог только к испанцам. Иных безопасных мест в колониях для него не осталось.

Но и здесь имелся один неприятный нюанс. Да, в своих пиратских бесчинствах в Индийском океане Тейлор с испанцами не сталкивался.

Однако если вспомнить более ранний этап его карьеры... Испанцам нашлось бы, что припомнить и за что спросить.

Впрочем, обо всем по порядку.

Глава 4. Одиссея Флинта: вожделенные манильские галеоны

В марте 1719 года из британского Плимутского порта отплыла крохотная эскадра: всего два корабля, полностью снаряженные для приватирских действий.

Один из них, «Success» («Успех»), находился под командованием Клиппертона, имел на своем борту 36 пушек и команду численностью 180 человек.

Второй, «Speedwel» (переводится в русскоязычных источниках как «Вероника»), нёс на борту 24 пушки и 106 человек экипажа. Командовал «Вероникой» Шелвок.

Происхождение у двух командиров было в корне разное. Джон Клиппертон имел за плечами богатый пиратский бэкграунд: служил помощником у известнейшего пирата Дампьера (он же Дампер, Демпер и Дампье, как только не транслитерируют эту фамилию). Дезертировав от Дампьера, Клиппертон возглавил свою команду, пиратствовал, попал в плен к испанцам, сумел избежать виселицы и вернуться в Англию.

Шелвок же до того пиратством никогда не промышлял, он служил лейтенантом в Королевских военно-морских силах.

Есть непроверенная информация, что и Тейлор, помощник на «Успехе», имел отношение к королевскому военному флоту, и был приставлен приглядывать за Клиппертоном, как бы тот не натворил чего лишнего по старой памяти.

Все эти предосторожности людей, снаряжавших и комплектовавших экспедицию, оказались тщетными. Потому что отправились «Успех» и «Вероника» в Тихий океан, где контролировать их действия из Англии было практически невозможно.

Оказавшись вдали от пригляда британского Адмиралтейства, и Клиппертон, и Шелвок, и Тейлор очень быстро пустились во все тяжкие. Наплевали на ограничения, налагаемые приватирским патентом, и ударились в самое откровенное пиратство.

Но, прежде чем перейти к их подвигам, надо сказать несколько слов об особенностях действий английских пиратов и каперов на Тихом океане – они резко отличались от того, к чему привыкли джентльмены удачи у берегов Индии, Мадагаскара или в Карибском море.

* * *

Честно говоря, стать пиратом, даже пиратским капитаном Карибского моря мог любой дурак, имеющий деньги на снаряжение корабля либо сумевший как-то его захватить. Пример недалекого майора Боннета хорошо подтверждает эту мысль.

Тихий океан – иное дело. Туда было не так-то легко попасть (мы помним об опасностях плаваний Магеллановым проливом). А все же добравшись до тихоокеанских вод, приходилось действовать там в полнейшей изоляции, с опорой лишь на свои силы.

На всем громадном протяжении тихоокеанского побережья двух континентов, Северной и Южной Америк, – ни одного дружественного порта. Все до единого враждебные, испанские. Никуда нельзя зайти, чтобы пристроить добычу, пополнить экипаж, отремонтировать потрепанный в боях корабль, запастись провиантом, пресной водой и боеприпасами.

Не стоит удивляться, что мало кто из джентльменов удачи рисковал действовать в таких неблагоприятных условиях. В иные годы (и суммарное их число достаточно велико) у тихоокеанских берегов Испанской Америки английские пираты вообще не появлялись.

Однако у любой медали имеется обратная сторона. Тихоокеанское пиратство имело ряд существенных плюсов.

Чрезвычайно редкие визиты пиратов избаловали местных жителей. Прибрежные городки не имели гарнизонов и фортов с мощной артиллерией, захватить их можно было даже силами команды одного корабля. Прибрежные воды не бороздили сторожевые эскадры, охотящиеся за пиратами, гвардакостасы отсутствовали как класс. Торговые суда плавали не в составе хорошо охраняемых караванов, а в одиночку, причем зачастую не несли на борту пушек и становились легкой добычей.

Короче говоря, пиратствовать у тихоокеанских берегов Америки было одновременно и очень просто, и очень трудно. Диалектика, единство противоположностей.

Но не прибрежные городки и деревушки были главной целью прорвавшихся в Тихий океан английских пиратов и приватиоров. Самой заветной мечтой каждого джентльмена удачи был манильский галеон. Захватить его – и можно навсегда покончить с пиратством, на всю жизнь хватит, и детям останется, и внукам.

Как уже отмечалось, мореходами испанцы были неважными, но весьма богатыми. Денег на флот не жалели. Строили дорогие и здоровенные галеоны, оснащали их большим количеством пушек, включали в состав экипажа отряды морской пехоты, не имевшие иных обязанностей, кроме отражения пиратских нападений. Рассуждали испанские корабельщики просто: такая махина и шторму не поддастся, и от пиратов в одиночку отобьется, если вдруг отстанет от конвоя. Срабатывала эта логика не всегда. Медлительные и неповоротливые галеоны тонули и от естественных причин, и от малой компетентности командовавших ими капитанов, и с легкими и маневренными пиратскими кораблями тягались в бою не всегда успешно.

Но манильские галеоны – это нечто особенное даже на фоне других испанских кораблей. Галеоны Атлантики имели водоизмещение в среднем 600 тонн. У манильских оно было втрое больше, у некоторых доходило до 2000 тонн. Монстры. Авианосцы парусного флота.

Путь от Филиппин до Америки медлительные громадины преодолевали в одиночку и тратили на него четыре месяца, сделать за год больше одного рейса туда-обратно не получалось. Из Манилы галеон возвращался, нагруженный золотом и всевозможными драгоценными товарами из Индии и Китая (фарфором, шелками, пряностями, жемчугом и сапфирами). Но и следовавший от американских берегов был завидной целью, ибо нес на борту серебро на несколько миллионов.

Илл. 9. Манильский галеон (современная реконструкция). Впечатляет даже в наше время, после «Титаника», «Куин Мэри» и прочих железных монстров, рассекавших моря и океаны.

Томас Кавендиш, первым из английских корсаров увидевший в 16 веке манильский галеон «Санта-Анна», пришел в изумление. Два его корабля казались скорлупками на фоне небывалой парусной громадины, их суммарное водоизмещение уступало «Санта-Анне» раз в десять.

Однако как Кавендиш ни удивлялся, но галеон захватил и разграбил. Как сумел? Очень просто: не сближаясь и не помышляя об abordage, издали обстреливал из пушек, пока испанцы не спустили флаг. Ответить они не могли, не имели на борту артиллерии. Вообще. Ни единого орудия. Никто не ожидал встретить англичан в заповедных тихоокеанских водах, Кавендиш стал первопроходцем, – считалось, что для борьбы с лодками туземных пиратов пушки не нужны, достаточно многочисленного отряда солдат с аркебузами.

Из горького урока испанцы сделали правильные выводы. Снабдили манильские галеоны мощными орудиями, и повторить легкий успех Кавендиша стало не так-то просто. За два с половиной века, что манильские галеоны совершали свои неторопливые рейсы, пиратских попыток завладеть ими случилось множество. Успешными стали лишь четыре (включая упомянутый захват «Санта-Анны»).

И все равно джентльмены удачи отправлялись на Тихий океан именно за манильскими галеонами. Не стали исключением и Шеллок с Клиппертоном. Тейлор, надо полагать, тоже мечтал о манильском галеоне. Должна же быть у человека, пусть даже у пирата и убийцы, хоть какая-то мечта.

* * *

Совместные действия у двух приватирских капитанов не задались. Оба обладали характерами сложными и неуживчивыми, и очень быстро разругались. «Успех» и «Вероника» разошлись в разные стороны и дальше действовали самостоятельно. Шансы захватить манильский галеон, и без того небольшие, стали вовсе уж иллюзорными. Клиппертон, командовавший лучше вооруженным кораблем, продолжал еще надеяться, однако ни во что реальное надежды не воплотились.

После года с лишним автономных действий Клиппертон и Шелвок вновь случайно встретились. К тому времени последний потерял «Веронику», разбившуюся о скалы, и пиратствовал на трюфейном корабле «Хесус-Мария».

Капитаны помирились, начали действовать совместно, и даже стали планировать, как бы им ловчее захватить манильский галеон «Санта-Кристо-де-Бургос», как раз готовившийся к очередному рейсу.

Но тут их приватирству, и без того формальному, проходившему с множеством нарушений, пришел конец.

Война завершилась. В феврале 1720 между Англией и Испанией был подписан мир. Известие об этом добиралось до тихоокеанских владений Испании долго, но все же добралось, и местные власти при первой возможности известили о том через парламентаря Клиппертон и Шелвока: дескать, приватирство ваше закончилось, патенты силы больше не имеют, так что возвращайтесь подобиру-поздорову туда, откуда приплыли.

– Ничего не знаем, – хором ответили бравые капитаны. – Врете вы всё, католики проклятые.

– Дело ваше, – давил парламентар, – но с этого момента вы пираты и после поимки повисните на реях.

– А вы сначала поймайте! – отмахнулись капитаны и продолжили заниматься, чем занимались. О судьбе парламентаря история умалчивает.

Мир и согласие между капитанами длились очень недолго. Вновь разругались и разошлись, на сей раз окончательно. Пиратствовали теперь в одном районе, и время от времени встречались, но о захвате галеона и других совместных проектах речь больше не заходила.

* * *

Расписывать в подробностях и даже перечислять все тихоокеанские «подвиги» Клиппертон и помогавшего ему Тейлора нет необходимости. Ничего интересного, заурядные пиратские будни. Захват купеческих судов. Захват прибрежных городков. Захват богатых и знатных пленников ради выкупа. Захват негров-рабов ради последующей продажи. Рутинка. Манильский галеон Клиппертон не захватил, никакая другая особо богатая добыча ему не подвернулась. Средней руки пиратское плавание получилось.

Но два значимых момента, важных для нашего исследования, необходимо отметить.

Во-первых, хоть и был в той экспедиции Тейлор на вторых ролях, но в розыскные листы его фамилия попала вне всякого сомнения. Некто Бетаг, назначенный капитаном призовой команды на одно из захваченных Шелвоком судов, – дезертировал и добровольно сдался испанцам. Был ими отпущен после завершения войны, но до того рассказал всё, что знал о руководящем составе экспедиции, отплывшей из Плимута.

К тому моменту, когда Тейлор интернировался в Порто-Белло, после его тихоокеанских деяний прошло едва три года, память о них потускнеть не успела. Сдаваться под своей фамилией было безумием, Тейлору пришлось бы ответить за дела и свои, и Клиппертон, умершего

в 1722 году, – особенно за последние, совершенные в статусе уже не приватилов, а откровенных пиратов. Сомнительно, что кто-нибудь опознал бы Тейлора в лицо на другом побережье Америки. Но фамилия стала токсичной, и ее непременно надо было сменить.

Так что литературная выдумка Стивенсона о том, что Дж. Тейлор стал Дж. Флинтом, основу под собой имеет железобетонную.

* * *

Второй значимый момент плавания Клиппертон и Тейлора уже упомянут: у них на Тихом океане напрочь отсутствовал порт базирования.

При этом пиратствовать месяцами, даже годами без базы невозможно. В теплых водах днище корабля очень быстро обрастает водорослями и ракушками, надо его регулярно, раз в три-четыре месяца, очищать, иначе неизбежно существенное замедление хода – мирное судно не догнать, от охотников за пиратами не спастись. А если швы и сочленения деревянного корпуса регулярно не конопатить заново, то откроются обильные течи, команда умается, работая помпами.

Илл. 10. Так кренговали пиратские корабли в полевых условиях: в высокий прилив заводили на отмель, дожидались ухода воды, затем чистили днище накренившегося корабля, искали и заделывали повреждения.

База нужна, без нее никак. И пираты (не только из экипажа Клиппертон) оборудовали небольшие импровизированные базы на необитаемых островах, время от времени меняя дислокацию, чтобы испанцы не пронюхали и не прислали карательную эскадру.

Клиппертон и Тейлор использовали для своих стоянок архипелаг Хуан-Фернандес (где задействовали помещения старой базы, возведенной не то Дампьером, не то Вудсом), остров Кокос, или Кокосовый, и безымянный в то время островок напротив побережья Коста-Рики (сейчас он носит имя Клиппертон, непонятно за какие заслуги).

И вот что любопытно: на Кокосе подчиненные Клиппертонна возвели небольшое деревянное укрепление: сруб, стоявший на пригорке, а вокруг, в некотором отдалении от него, глухая высокая ограда.

Ничего не напоминает?

Так и есть, описание до боли напоминает крепость Флинта, построенную на Острове Сокровищ.

И эта крепость – очередное доказательство идентичности Флинта и Тейлора, уже шестое по счету.

А заодно строение на острове Кокос дает ответ на вопросы, которые наверняка озадачивали любого вдумчивого читателя «Острова Сокровищ»: а зачем вообще Флинт отгрохал свое укрепление? С кем он собирался воевать? От кого обороняться?

Ни диких туземцев, ни иных враждебных обитателей на Острове Сокровищ нет, стычки с ними исключены. А если к острову приплывет военный корабль, охотящийся за пиратами, то в блокаузе от него не отсидеться. Тут одно спасение: торопливо рубить якорные канаты и поднимать паруса. Либо, если судно вытащено на отмель для кренгования, – бежать со всех ног и прятаться в чаще леса, надеясь, что у вражеского командира не найдется времени или людей для прочесывания. Отсидеться в блокаузе можно было от полутора десятков головорезов Сильвера. С командой, например, фрегата, нечего и пытаться сыграть в такую игру.

Так зачем и для чего Флинт построил свою крепость?

* * *

Разумеется, талантом Ванги-провидицы Флинт-Тейлор не обладал. И не мог предполагать, что в вооруженной борьбе за его наследство на острове схлестнутся две группировки наследников, и одной из них очень пригодится бревенчатое укрепление...

Дело в том, что однотипный блокауз на острове Кокос вообще не был предназначен для целей обороны. Он выступал в двух ипостасях: лазарета и тюрьмы.

Заболевших товарищей пираты при возможности сразу отправляли на берег, на свою временную базу. Здравая практика, если вдуматься: в тесноте матросского кубрика инфекции могли распространиться очень быстро и выкосить весь экипаж. Так что пусть заболевшие поживут на берегу – выживут, так вернутся в строй. Умрут – похоронить дело недолгое.

Туда же, на базу, отправляли захваченных негров, чтобы не путались на корабле под ногами. Пусть на берегу дожидаются, пока найдется торговец, не побрезгующий купить рабов у пиратов. (Но случались у Клиппертонна и пленники иного сорта. Однажды, например, посчастливилось захватить испанского аристократа, маркиза Вилла-Роша с семейством. Тех, разумеется, ожидала другая судьба и другое обращение.)

Понятно, что на острове выздоравливающие пираты жили, как белые люди, в срубе. А негры... хм... те как негры, вокруг на вольном воздухе, благо теплый климат позволял. За ними надзирали, чтобы не вздумали перелезть через высокую ограду (возможны и варианты с колодками на ногах или схожими приспособлениями, затрудняющими побег). Разумеется, с острова без лодки не сбежать, но кому охота прочесывать потом джунгли в поисках беглецов? А если те выберутся на берег? Если начнут сигналить проплывающим мимо испанским судам?

Вспомним, что блокауз Флинта был расположен недалеко от берега, но при этом его полностью скрывала от взглядов с моря стена деревьев. Точно так же был замаскирован и блокауз Клиппертонна-Тейлора на острове Кокос.

Вспомним и еще одну характерную деталь. Когда к блокаузу Флинта явился Сильвер в роли парламентаря, он легко преодолел ограду снаружи, даже отсутствие ноги не помешало. А вот обратно вернулся с трудом: лез, срывался, падал... пока его буквально не перетащил наружу пират, сопровождавший на переговоры.

Но Сильвер инвалид, с него какой спрос. Однако вот как преодолевали, по свидетельству Хокинса, частокол вполне здоровые пираты. Туда, при штурме: «Нападающие лезли через частокол, как обезьяны». Обезьяны лазают что по деревьям, что по частоколам быстро и ловко, но при отступлении вся обезьянья ловкость куда-то подевалась: «Из четверых пиратов, перелезших через частокол, в живых остался только один. Бросив свой кортик на поле сражения, он, полный смертельного ужаса, карабкался на частокол, чтобы удрать, и все время срывался».

В «Острове без сокровищ» высказано предположение, что пираты столь по-разному преодолевают частокол снаружи и изнутри оттого, что с внешней стороны были загода и скрытно расставлены пустые бочонки и ящики. Предположение умозрительное и ничем не подтвержденное, но хоть как-то объясняло странные факты.

Но можно допустить, что не было ни бочонков, ни ящиков. Что дело в особенностях конструкции частокола. Колья вбиты в землю глубоко, но изнутри часть земли рядом с ними срезана, переброшена наружу и утрамбована. Именно для того, чтобы снаружи перелезть было легко, а изнутри трудно без лестницы. Для укрепления, для обороны, – бессмыслица. А вот для импровизированного лагеря военнопленных – в самый раз.

Конечно же, при таком строительном новшестве резко вырастут трудозатраты. Но кто их, извините, считал, если над созданием своей будущей тюрьмы трудились сами захваченные рабы?

Клиппертон, кстати, повел себя в конце тихоокеанской эпопеи как последняя свинья. Бросил в блокаузе группу подчиненных вместе с поднадзорными неграми. Попросту не забрал их с Кокоса и уплыл восвояси.

Другие члены экипажа не возражали, подойдя к вопросу цинично и прагматично: пускай, доля остальных вырастет. Они, бедолаги, не знали, что и для них у капитана заготовлен сюрприз.

* * *

Можно считать, что назначение блокауза на Острове Сокровищ мы вычислили.

Нет никаких сомнений, что Флинт, обнаружив затерянный в океане остров, посещал его потом неоднократно. Причем не только для того, чтобы припрятать сокровища. Иначе и быть не могло. Остров имел три колоссальных, просто бесценных достоинства для любого пирата, лишенного возможности появляться в портах.

Во-первых, он изобилует пресной водой. Там имелся большой ручей, или даже речка, били из земли родники. Это редкость для относительно небольших островов. Исследователи творчества Стивенсона, помещающие Остров Сокровищ на Багамские или Виргинские острова, забывает о том, что с водой там дело обстоит туго. Ручьев и речек нет, местные жители издавна строят искусственные резервуары для сбора и хранения осадков, изобильно выпадающих в сезон дождей.

Во-вторых, на острове растет строевой лес, Хокинс называет деревья соснами, но скорее всего это бразильские араукарии. Впрочем, особой разницы нет, если надо произвести серьезный ремонт корабля, – например, восстановить сломанные штормом мачты.

В-третьих, на острове всегда можно пополнить запас провианта, там изобильно водятся одичавшие козы.

Рай, а не остров. Мечта любого джентльмена удачи.

А раз там регулярно бывал Флинт-Тейлор, то и больных членов команды наверняка оставлял в спрятанном в лесу блокаузе, и пленных.

И вот здесь нам могут задать ехидный вопрос: да зачем же Флинту-Тейлору секретная база в Атлантике, если там он подвизался вполне легально? Если служил гвардакостасом и мог

пользоваться услугами любого испанского порта? Если мог спокойно там отправить заболевших в лазарет, а трофейных рабов законно выставить на продажу?

Вопрос закономерный. А для ответа на него еще раз вспомним слова Трелони: «Испанцы так боялись его (Флинта – В.Т.), что, признаюсь вам, сэр, я порой гордился, что он англичанин».

Относятся ли эти слова к начальному этапу карьеры Флинта-Тейлора, к тихоокеанскому?

Практически исключено. Сквайр на Тихом океане не бывал, он встречался с Флинт-Тейлором (издалека, заметив лишь мачты пирата над горизонтом) на Антилах, в районе острова Тринидад. Но даже на Тихом океане испанцев могло пугать имя Клиппертон, никак не его помощника. А на Антилах эти имена вообще никто не знал бы (кроме людей, занимающихся розыском пиратов по долгу службы), если бы все конфликты Флинта-Тейлора с испанцами ограничились тихоокеанскими эпизодами.

Нет, не такой был Флинт-Тейлор человек, чтобы тихо и мирно прослужить до конца карьеры гвардакостасом, а потом уйти на покой. Мы помним, как он распрощался с привечавшими его голландцами: с пушечной пальбой, с разгромом форта...

Расставание с испанцами и возвращение на вольные пиратские хлеба получились не менее эффектными. Произошло это во время «Войны из-за уха Дженкинса», но не будем пока забегать вперед. Необходимо коротко рассказать, чем завершились тихоокеанские приключения Клиппертон, Шелвока и Тейлора.

* * *

Бросив оставшихся на Кокосе подчиненных на произвол судьбы, Клиппертон пересек Тихий океан и прибыл в Китай. Финансовые итоги экспедиции оказались достаточно скромными. Капитан рассудил, что если поделить добычу на всех, а до того отстегнуть долю арматорам, снарядившим корабль, то останутся вообще кошкины слезы. В результате раздумий он бросил и экипаж, и обветшавший «Успех», – сбежал в Европу на голландском судне, прихватив судовую кассу. Но долго там плодами несправедливых трудов не пользовался, скончался летом 1722 года.

Шелвок оказался более жадным и задержался у берегов Новой Испании, хотя от его первоначального экипажа уцелела едва треть, проводить успешные налеты было все более затруднительно. Кончилось тем, что Шелвок повторил путь Клиппертон через Тихий океан и пришвартовался в порту Макао, где продал свой корабль и вернулся в Англию пассажиром уже после смерти Клиппертон. Там его (лейтенанта военного флота Его Величества, если кто забыл) уже поджидали и немедленно собрались отдать под суд за пиратство, но Шелвок ускользнул в Голландию.

А что же Тейлор?

Увы, мы не знаем в точности, как именно он завершил свою тихоокеанскую эпопею. Дело в том, что Шелвок и Бетаг, сочинившие позже записки об экспедиции, с какого-то времени (Бетаг раньше, Шелвок позже) перестали встречаться с кораблем Клиппертон и оставили читателей в неведении о последних происходивших на нем событиях.

Но вариантов два. Либо Тейлор возглавил остатки экипажа и двинулся на «Успехе» дальше к западу, в прилегающие к Индии воды, весьма заманчивые для любого джентльмена удачи. Либо он покинул Клиппертон раньше, перейдя на захваченное судно во главе призовой команды, и двинулся туда же.

Как бы то ни было, недолгое время спустя Тейлор неожиданно объявился и у Малабарского побережья, и на страницах «Всеобщей истории пиратства»: ни слова нет у Джонсона-Дефо ни о его прошлом, ни об обстоятельствах появления в Ост-Индии... Словно с неба свалился и стал командовать одним из кораблей в небольшой эскадре Ингланда.

* * *

Наверное, не стоит ничего добавлять к тому, что уже сказано об индийском периоде в жизни Флинта-Тейлора. Этот период и без того многократно и подробно описан.

Гораздо интереснее разобраться с приключениями знаменитого пирата в Атлантике – с теми, что происходили и под испанским флагом, и под Веселым Роджером. Здесь надо кропотливо восстанавливать истину, просеивая тонны информации из разных источников в поисках отдельных фрагментов нашей мозаики.

Но прежде чем заняться этой увлекательной работой, отвлечемся ненадолго от одиссеи капитана Флинта. Необходимо ответить на некоторые вопросы и претензии, возникшие у читателей «Острова без сокровищ», позже будет не до того.

* * *

Критики первой книги часто муссируют такую мысль: автор «Острова без сокровищ», дескать, строит все свои конструкции на основе непреднамеренных ошибок Р. Л. Стивенсона, а на самом деле никакого второго дна, никаких глубинных смысловых слоев нет в приключенческом романе, написанном для подростков.

Самое смешное, что такие нападки было нетрудно предугадать заранее, и прямо в тексте книги озвучено предложение критикам такого сорта: а попробуйте сделать то же самое! Возьмите любую грешащую ошибками книгу, какая приглянется, и попробуйте из тех ошибок выстроить свою версию описанного, альтернативную и непротиворечивую.

Причем предложение даже не подразумевало, что попытка непременно завершится неудачей. Есть авторы и их книги, где альтернативные версии вычисляются даже легче, чем при анализе «Острова сокровищ».

Однако критики подтвердить практикой свои обвинения не спешат, критикуют голословно. Не стоило бы их вообще вспоминать, но может сложиться превратное мнение, что случайных ошибок Стивенсон вообще не допускал, что каждая его якобы ошибка – на самом деле элемент игры, деталь мозаики, лежащая именно там, где нужно.

Это, конечно, не так.

Всем людям случается ошибаться, а писатели тоже люди, и Стивенсон допускал непреднамеренные ошибки в своей книге. Но в «Острове без сокровищ» они остались вне рассмотрения именно потому, что хорошо видно: никакого тайного смысла тут не заложено, налицо банальная авторская невнимательность либо незнание какого-то нюанса.

Несколько примеров.

Странные вещи происходят с яликом «Испаньолы».

Кратко напомним историю вопроса: шлюпок на «Испаньоле» было три. Две из них – большие мореходные гички. На них можно было доставить на берег большую группу людей либо приличное количество груза, можно было спастись в бурном море с затонувшего судна. И был ялик, небольшой и ходкий, способный перевезти по спокойной воде на берег или другое судно одного-двух пассажиров или самый минимум груза.

Но так уж получилось, что на обеих гичках уплыли на остров матросы во главе с Сильвером. И их оппонентам остался для эвакуации со шхуны в блокауз только ялик. Маленькой шлюпке пришлось совершить три рейса: первый – разведывательный, а при последнем ялик оказался настолько перегружен людьми и припасами, что затонул рядом с берегом, где глубина была примерно по грудь. Кладоискатели вброд выбрались на берег, обосновались в блокаузе. А с яликом начали происходить чудесные вещи. Позже капитан Смоллетт отправил двоих добровольцев, Грея и Хантера, – забрать припасы из ялика, который из-за отлива должен был

показаться из воды. Мысль была правильная, но запоздала, спасательными работами уже занимались люди Сильвера, весь груз затонувшего суденышка достался им.

А потом произошло странное. Вода отступила еще дальше, ялик оказался на суше. И пираты его уничтожили. Изрубили топорами. Свидетельствует Хокинс, весь день самодельно блуждавший по острову и до блокгауза к тому моменту не добравшийся:

«На берегу, как раз против частокола, несколько человек рубили что-то топорами. Впоследствии я узнал, что они уничтожали несчастный наш ялик».

Трудно понять мотивы Сильвера, отдавшего такой приказ: разве лишним в хозяйстве было быстроходное и никак не пострадавшее суденышко, позволяющее при нужде быстро спогнать налегке на «Испаньолу» без возни с тяжелой гичкой?

Трудно понять, но можно. Одноногий видел, что происходит: пираты дорвались до рома в неограниченных количествах, «спасибо» новоявленному квотермастеру Джобу Эндерсону. И скоро события полностью выйдут из-под контроля. Кладоискатели при желании захватят и ялик, и «Испаньолу» с его помощью, а подчиненные Сильвера будут в это время спать мертвым алкогольным сном.

Уничтожение ялика – паллиатив и полумера. Повальная пьянка действительно завершилась тем, чего опасался Сильвер. И Ливси с товарищами мог спокойно захватить в ту ночь шлюпки, «Испаньолу», оставшегося трезвым Долговязого Джона вместе с попугаем, – попутно истребив в дупель пьяных пиратов. Иное дело, что Ливси к такому развитию событий не стремился. Ему хотелось еще немного повоевать и под шумок боевых действий оставить сквайра без лично преданных тому людей.

Ладно, уничтожили ялик и уничтожили, хотя бы от одной проблемы в ту ночь Сильвер избавился.

Но вот что увидел Хокинс позже, уже после штурма блокгауза:

«Испаньола» вся, от вершины мачты до ватерлинии, с повисшим черным флагом, отражалась, как в зеркале. Возле корабля я увидел ялик. На корме сидел Сильвер. Его я узнал бы на любом расстоянии. Он разговаривал с двумя пиратами, перегнувшимися к нему через борт корабля.

Что за чудесное воскрешение ялика? Или опять накосячил переводчик, перепутал ялик с гичкой?

Нет, в оригинале тоже ялик. Позабыл Р. Л. Стивенсон, что...

Стоп.

Отставить.

Всё не так.

Ведь Хокинс видел «воскресший» ялик, когда якобы отправился якобы захватывать «Испаньолу»! А в «Острове без сокровищ» доказано, что никакого захвата не было, что Хокинс его полностью выдумал. Доказано, но один из намеков Стивенсона на ложь Джима ускользнул от внимания.

М-да... Первая попытка поймать мэтра на непреднамеренной ошибке не удалась. Попробуем еще раз.

Второй заход снова связан с яликом. Когда кладоискатели выбрались после его затопления на берег, мокрые до нитки, у них остались два не подмокших, пригодных для стрельбы мушкета: Ливси инстинктивно поднял свой над головой, а у опытного капитана он висел за спиной замком кверху. Очень скоро эти мушкеты выстрелили – по группе пиратов с Эндерсоном во главе. И кладоискатели тут же зарядили разряженное оружие.

А как зарядили? Вернее, чем? Где они, промокнув до нитки, взяли сухой порох?

Ответ: взяли в герметично закрытой и оттого не промокшей пороховнице, – не подходит. В конце 17 века произошла самая настоящая революция в деле зарядания мушкетов и ружей: переход на бумажные патроны. С современными унитарными патронами они имели

мало общего – бумажные пакетики с отмеренным количеством пороха и пульей. Патрон вскрывали, причем зубами, именно так было записано в воинских уставах и наставлениях, малую часть пороха пускали на затравку, остальной вместе с пулей отправлялся в ствол, а бумага патрона при этом служила пыжом. В середине 18 века оружие в развитых европейских странах заряжали только так, у Ливси и его товарищей не было оснований пользоваться архаичными пороховницами, в разы увеличивающими время зарядки.

Однако, при всем своем удобстве, герметичными и водостойкими бумажные патроны не были. И непременно все промокли бы при затоплении ялика. Налицо явная ошибка.

А вот еще одна. Сквайр Трелони говорит: «Однажды возле Тринидада я видел вдали верхушки его (Флинта – В.Т.) парусов, но наш капитан струсил и тотчас же повернул обратно, сэ, в Порт-оф-Спейн».

Не мог повернуть капитан в Порт-оф-Спейн. Не было такого города в то время. Даже если верны самые поздние датировки событий «Острова Сокровищ» – все равно не было. Будущая столица островного государства Тринидад-и-Тобаго получила имя Порт-оф-Спейн в 1797 году, а до того город именовался Конкерабия, в честь индейской деревушки, на месте которой был построен. Явный анахронизм.

Честно говоря, шхуна «Испаньола» – сама по себе плавучий анахронизм. Не строили в те годы трехмачтовые гафельные шхуны, только двухмачтовые. А описанный Стивенсоном тип судов впервые появился позже, в 1770-е годы, на верфях США в ходе Войны за независимость.

Достаточно, наверное. Тезис подтвержден: непреднамеренные ошибки у Стивенсона встречаются, хоть и в небольшом числе. Но кто из авторов сам без греха, пусть первым бросит камень.

Глава 5. Блуждающий остров

Дотошные «заклепочники», прочитав о координатах Острова Сокровищ, вычисленных на основании косвенных данных, тут же бегут изучать карту Атлантики и возвращаются с радостными криками: «Нет там никакого острова! Нет! Все наврал автор! Ату его!»

Успокойтесь и поставьте глобус на место. Есть такой остров. Просто он особого рода: литературный. И оттого активно блуждает по морям-океанам, куда там мифической Земле Санникова.

Появился впервые он на Тихом океане, недалеко от побережья Чили (недалеке, разумеется, по океанским меркам, а так-то счет идет на сотни километров). Затем остров сместился в Атлантику, в устье великой реки Ориноко. Затем – снова Тихий океан, на этот раз самый глухой его угол, вдали от побережий континентов, от других островов и морских торговых путей. Затем – вновь Атлантика, именно при этом его появлении шхуна «Испаньола» бросила якорь у берегов острова.

В своих дальних путешествиях остров менялся, но не сильно, основные его характеристики остаются неизменными. Он отличается гористым рельефом, по крайней мере одна гора над местностью господствует, а иногда и несколько. Неподалеку находится небольшой остров-спутник, отделенный проливом, иногда вовсе уж небольшой, буквально скала, но чаще более солидного размера. С пресной водой на острове все хорошо: протекает небольшая речка, в устье которой могут заплывать шлюпки и плоты, на худой конец есть полноводный ручей. На острове непременно водятся дикие козы, в прибрежных водах обитают тюлени либо другие ластоногие, прочая фауна – опционально. Флора возможна самая разная, в зависимости от конкретной климатической зоны, но есть неперменная константа: кроме прочего, растут нормальные строевые деревья, пригодные для постройки лодок, домов и особенно оград.

Все, наверное, уже догадались, как называется этот блуждающий по океанам остров?

Правильно, называется он Остров Робинзона (не путать с тем реальным о. Робинзона, что находится в архипелаге Хуан-Фернандес; этот – литературный). Другие названия: остров Селькирка, Остров Сокровищ, остров Линкольна.

Разумеется, перечислены не все местоположения и не все названия нашего острова, на самом деле их гораздо больше. Лишь самые популярные, из тех приключенческих романов, что всей классике классика.

«Кто-то говорит: плагиат, а я говорю: традиция», – заявил один мультперсонаж, и слова эти как нельзя лучше подходят к острову, кочующему между океанами и романами.

Преимущество получается такая: реальная история высаженного на необитаемый остров пирата Александра Селькирка вдохновила Дефо и на свет появился бессмертный «Робинзон Крузо», став, в свою очередь, источником вдохновения для Жюль Верна: его «Таинственный остров» – робинзонада нового времени, эпохи победившего капитализма и бурного развития науки и техники. Главный герой теперь не плантатор и работороговец, как незадачливый Робинзон, – очутившимися на острове американцами руководит предприимчивый инженер и всю строит привычную капиталистическую экономику: плавит металл, заводит гончарное, текстильное, стекольное и прочие производства, даже телеграфную линию протягивает. И название острову обитатели придумали подходящее: остров Линкольна. Увековечили президента, сокрушившего патриархальный Юг в угоду капиталистическому Северу.

Но традиции – вещь святая. Без пиратов наш блуждающий по океанам литературный остров обойтись не может. Он их прямо-таки притягивает, как магнит железные опилки.

Жюль Верн в своем романе традицию поддержал. К острову Линкольна приплыл пиратский бриг, даром что на этих глухих задворках Тихого океана суда не появлялись десятилетиями... И немедленно началась и продолжалась несколько глав война пиратов с островитянами.

Ход этой войны очень напоминает Войну за наследство Флинта. Чрезвычайно напоминает. Если описывать фабулу тех или иных эпизодов, не упоминая имен, невозможно определить, о каком романе идет речь.

Хронологически боевые действия развернулись на Острове Сокровищ за век с лишним до того, как пираты посягнули на остров имени президента с пятидолларовой купюры. А вот с временем написания и публикации двух романов ситуация обратная: Жюль Верн выпустил свою книгу в 1875 году, за восемь лет до публикации «Острова Сокровищ». Роман знаменитого француза мгновенно был переведен на европейские языки, только в одной России в том же самом году его опубликовали сразу в трех разных издательствах. Разумеется, перевели и на английский. Разумеется, Стивенсон его прочитал.

Не мог не прочитать. Иначе ничем не объяснить огромное количество совпадений.

Но вот что интересно – Жюль Верн источники своего вдохновения не скрывал, так прямо и писал на склоне лет:

«Робинзонады» были книгами моего детства, и я сохранил о них неизгладимое воспоминание. Я много раз перечитывал их, и это способствовало тому, что они запечатлелись в моей памяти. Никогда впоследствии при чтении других произведений я не переживал больше впечатлений первых лет. Не подлежит сомнению, что любовь моя к этому роду приключений инстинктивно привела меня на дорогу, по которой я пошёл впоследствии. Эта любовь заставила меня написать «Школу Робинзонов», «Таинственный остров», «Два года каникул», герои которых являются близкими родичами Дефо и Виса. Поэтому никто не удивится тому, что я всецело отдался сочинению «Необыкновенных путешествий».

Стивенсон же ни «Таинственный остров», ни его автора ни словом не упоминает. Словно и не слышал никогда о таком романе. Утверждал, что вдохновили его совсем другие писатели и их книги (влияние которых, на самом деле, гораздо меньше прослеживается в «Острове Сокровищ»).

* * *

Читающая публика приняла творение Стивенсона с восторгом. Обладавший до того весьма умеренной известностью, он мгновенно переместился на вершину топа, стал одним из самых популярных в Британии авторов.

Но то читатели... А со стороны критиков раздавались порой осторожные попреки во вторичности и заимствованиях.

Мэтр попытался оправдаться. Но сделал это, мягко говоря, своеобразно. Вот что он написал в статье «Моя первая книга: Остров Сокровищ», опубликованной в год смерти Стивенсона:

«Я начинал (и кончил) много книг на своем веку, но не припомню, чтобы хоть за одну из них садился в столь безмятежном расположении духа. Оно и неудивительно: недаром говорится, что краденое яблочко всегда слаще. Я вынужден коснуться сейчас щекотливого предмета. Да, несомненно, попугай принадлежал когда-то Робинзону Крузо. Да, скелет, несомненно, заимствован у По. Но не они меня тревожат: это все мелочи, ничтожные пустяки; никому не позволено присваивать себе исключительное право на скелеты или объявлять себя единовластным хозяином всех говорящих птиц. Частокол, как утверждают, взят из „Мичмана Риди“. Пусть так, мне совершенно все равно».

Любопытно... Даже если не останавливаться на том, что оправдания явно запоздали, роман был напечатан за одиннадцать лет до статьи, – все равно принять за чистую монету эти слова не получается. Стивенсон пишет о сущих мелочах: попугай, частокол... какая ерунда, право. А слона упорно не замечает, даже отводит от него читательское внимание. Слон этот – глубокие параллели с «Таинственным островом».

И дальше продолжается в том же духе, мэтр вспоминает Вашингтона Ирвинга, у которого, дескать, позаимствовал атмосферу, царящую в трактире «Адмирал Бенбоу». Не то, всё не то... Да еще какой-то «Мичман Риди» приплетен, не доводилось слышать о такой книге, хотя у капитана Марриета выходил роман «Мичман Изи», и вероятно опечатка либо ошибка переводчика. Но в любом случае высокий глухой частокол – ни калитки, ни ворот, перелезть можно только по лестнице – впервые описал Даниэль Дефо, именно таким укреплением окружил своё жильё Робинзон Крузо.

Хорошо. Разберемся со слонем самостоятельно. Не бином Ньютона.

* * *

Началось всё с карты, что скучавший Стивенсон нарисовал для приболевшего пасынка, а затем стал сочинять (пока в устной форме) и рассказывать мальчику истории о приключениях, происходивших на изображенном острове.

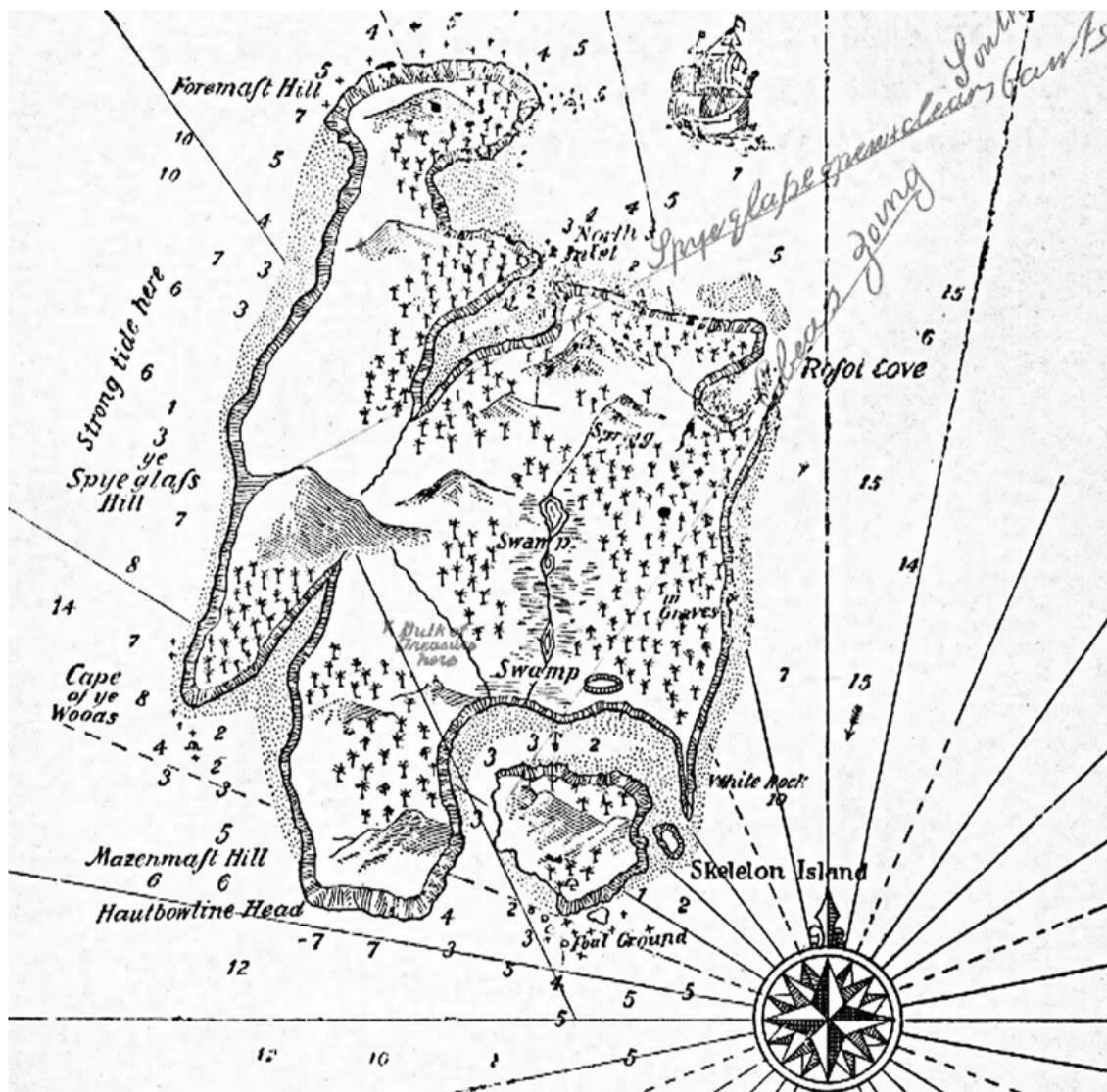
Тот самый первый набросок карты не сохранился. Но на его основе Стивенсон с помощью своего отца сделал другую карту, подробную и точную, несколько не условную, полностью соответствующую происходившим в романе событиям. Вот что он писал о ней в упомянутой выше статье:

«Одно дело – нарисовать карту как придется, поставить в уголке масштаб наудачу и применительно к этому сочинить историю. Совсем другое дело – досконально обследовать всю книгу, составить перечень всех имеющихся в ней ссылок на те или иные места и, вооружившись циркулем, старательно подогнать под них карту. Я все это проделал, и карта была нарисована заново в рабочей комнате моего отца, украшена китами, пускающими фонтанчики, и кораблями с раздутыми парусами; а тут еще отец использовал свое умение писать разными почерками и мастерски „подделал“ подпись капитана Флинта и путевые указания Билли Бонса».

Такую карту и впрямь можно было бы применять в исследовании тайного смысла происходивших в романе событий, чем очень любит заниматься стивенсоноведка Диана Янссен. Можно, но не получится. «Ту самую» карту в издательстве самым банальным образом потеряли.

«Я отослал рукопись, а вместе с ней и карту издательской фирме „Кесселл“. Пришли гранки, я держал корректуру, но о карте не было ни слуху ни духу. Я написал, спрашивая, что случилось; мне сообщили, что карты никакой не получали. У меня просто ноги подкосились», – сокрушался Стивенсон.

Можно представить, как был расстроен и рассержен мэтр. Издатели чувствовали свою вину, их художники восстановили карту по своему разумению, и с тех пор она кочует с теми или иными изменениями из одного издания в другое.

Илл. 11. Карта, восстановленная художниками издательства и кочующая с тех пор из одного издания в другое.

Карта, изображенная на илл. 11, никакого отношения к тексту романа не имеет. Существует сама по себе. Убедиться в этом очень просто.

Вот что Хокинс сообщает нам об острове, изображенном на карте: «Остров имел девять миль в длину и пять в ширину». То есть два измерения соотносились между собой как 1 к 1,8.

Запомним эту цифру и проведем несложный эксперимент при помощи линейки и калькулятора: измерим остров с рисунка 11 и подсчитаем соотношение. Оно получается примерно 1 к 1,4. Такие пропорции, без сомнения, более удобны для размещения на книжной странице. Но далеки от задумки мэтра. (Линейку и калькулятор далеко не убирайте, еще пригодятся).

Хокинс продолжает описывать остров с карты Флинта: «Он напоминал жирного дракона, ставшего на дыбы».

В другом варианте перевода дракон стоит на хвосте, а в оригинале не конкретизируется, на чем именно он стоял, сказано лишь, что находился в вертикальном положении: *standing up*.

Беда в том, что на рисунке 11 дракона не разглядеть. Автор этих строк долго медитировал, но смог увидеть лишь какого-то грызуна, не то белку, не то бурундука (северо-западная оконечность острова), забирающегося на пенек. Ни разу не дракон, а ведь Хокинс определил его с первого взгляда, не сидел, долго вглядываясь в карту.

Можно считать теорему доказанной: карта, описанная в тексте, и карта, к нему приложенная, – две совершенно разные карты. И старательные штудии второй из них, предпринятые стивенсоноведкой Дианой Янссен, ни малейшей ценности не имеют.

А теперь давайте посмотрим на другую карту нашего блуждающего по океанам острова. Она из другого романа, к делу отношения, казалось бы, не имеет. Однако дракон на ней виден сразу: стоит на хвосте во всей своей красе.

Илл. 12. Карта «Таинственного острова им. президента Линкольна». Ну чем не дракон?

Все, что нам известно об Острове Сокровищ, на карте острова им. Линкольна присутствует. Есть небольшой остров-спутник, отделенный проливом (именно в этом проливе бросила якорь «Испаньола»).

В пролив впадает речка (безымянная у Стивенсона, р. Благодарения у Жюль Верна), в устье которой пираты держали свои шлюпки. Джим Хокинс упоминает, что речка не единственная: «Заросли, становясь все выше и гуще, спускались с песчаного откоса к широкому, поросшему тростником болоту, через которое протекала одна из впадающих в пролив речек».

На о. Линкольна мы тоже видим еще один водный поток, текущий в пролив из озера, плюс имеется речка в западной части острова.

Неподалеку от пролива болото, на краю которого Сильвер и его люди разбили лагерь. У Жюль Верна оно называется «Утиное болото», и не просто так, надо полагать. А вот что сообщает Хокинс: «Пар поднимался над болотом, и очертания Подзорной Трубы дрожали в знойном тумане. Вдруг зашуршал камыш. С кряканьем взлетела дикая утка, за нею другая, и скоро над болотом повисла огромная туча птиц, с криком круживших в воздухе».

Любопытно, правда? А вот возникни вдруг у Джима необходимость как-то окрестить это безымянное болото – какое название пришло бы ему в голову при виде неба, потемневшего от вставших на крыло уток?

На севере острова имеется бухта Северная, она же Северная стоянка, где Хокинс якобы спрятал якобы захваченную им шхуну. Только называется она у мсье Верна иначе: залив Акулы.

Воля ваша, но не встречаются случайные совпадения в таких количествах. Нет никакого сомнения, что для развлечения пасынка Стивенсон перерисовал карту из книги Жюль Верна. Едва ли скопировал ее со стопроцентной точностью, но и слишком далеко от оригинала не отклонился.

Сделаем контрольный выстрел. Вновь возьмем линейку с калькулятором и повторим те манипуляции, что производили с картой с илл. 11, но теперь применительно к о. Линкольна. Соотношение длины к ширине получится округленно 1 к 1,7, что гораздо лучше стыкуется со словами Джима Хокинса, описавшего карту, чем соотношение 1 к 1,4.

И вот какой в результате возникает вопрос: а действительно ли в издательстве «случайно потеряли» присланную Стивенсоном карту?

Всё могло происходить несколько иначе. Примерно так: некий сотрудник издательства «Кесселл» пришел в кабинет главреда или кого-то иного, руководившего процессом. Выложил на стол полученную от автора карту Острова Сокровищ. Рядом положил раскрытый на соответствующей странице томик Жюль Верна. И ненавязчиво поинтересовался: готово ли издательство к судебному иску о нарушении авторских прав? Или, по меньшей мере, к публичным обвинениям в плагиате?

Главред поразмыслил, переводя взгляд с одного рисунка на другой, и вынес вердикт:

– Нахрен надо, свою карту нарисуем!

И оригинальная (вернее, условно оригинальная) карта Острова Сокровищ немедленно «потерялась» в корзине для бумаг, – все труды и Стивенсона, и его отца, и Дианы Янссен (в тот момент еще предстоявшие) пошли прахом.

Эта история могла остаться скрытой от автора, и он, возможно, вполне искренне переживал потерю карты.

Но мог и знать истинную подоплеку, но с читателями знанием делиться не стал. Момент куда более щекотливый, чем якобы позаимствованный у Эдгара Аллана По скелет (не мог Стивенсон при всем желании позаимствовать у По аж целый скелет: в рассказе «Золотой жук», повествующем о поисках пиратского клада, задействована лишь отдельная его деталь – череп, приколотенный к дереву).

* * *

Справедливости ради надо отметить и пару серьезных отличий между двумя островами. Остров Сокровищ значительно меньше Таинственного, девять миль длины против тридцати (острова со схожей конфигурацией будут различаться в таком случае по площади примерно в десять раз), но при этом на нем значительно больше гор: Подзорная Труба, Двуглавая, и еще три, носящие названия мачт: Фок, Грот, Бизань. На о. Линкольна гора единственная и носит имя персонажа с другой американской купюры, стодолларовой: Франклина.

(Чтобы закрыть тему: американские политические деятели задействованы в топонимике острова Линкольна в количестве трех персон. И третий, Улисс Грант, давший имя озеру, – тоже угодил на купюру, на пятидесятидолларовую: три из трех, бинго! Причем Линкольна в те времена, когда герои Жюль Верна угодили на остров, изображали на купюре большего номинала, на 10-долларовой, и лишь в двадцатом веке переместили на «пятерку».)

Но с различиями двух островов не всё просто. Есть подозрения, что они внесены задним числом в уже готовый текст романа. Именно для того, чтобы немного замаскировать режущую глаз схожесть. А изначально гора на Острове Сокровищ была в единственном числе. Другие попросту не нужны, задействована в сюжете лишь одна – в пещере на ее склоне обитает Бен Ганн, туда же переселяются кладоискатели, покинув блокгауз.

Однако после изменений Остров Сокровищ, в десять раз ужавшись в размерах, стал гораздо менее правдоподобным, чем тихоокеанский собрат. У каждой речки, даже у ручья есть

такая характеристика, как площадь водосборного бассейна. Водосборные бассейны нескольких речек на скукожившемся по воле автора острове никак не поместятся. Гор тоже получился переизбыток. Любой небольшой остров по сути своей одна гора, чье подножие находится на дне океана, а вершина торчит над поверхностью (в случае атолла – не торчит, надстроенная кораллами). Изредка вершины гор бывают раздвоенные, но сразу пять вершин на небольшом клочке суши – нонсенс.

Короче говоря, достаточно реалистический рельеф о. Линкольна с его единственной горой в результате изменений стал фантастическим и небывалым. (Хотя мсье Верн тоже проявил себя изрядным фантастом: животный, растительный и минеральный миры его острова неправдоподобно изобильны, там есть всё, что может потребоваться персонажам, даже дикий табак обнаружился к радости одного из них, заядлого курильщика.)

К тому же в одном месте Стивенсон прокололся. Недоглядел. Не переделал первоначальный вариант. Описания острова перекроил, а про карту позабыл, и на ней гора по-прежнему единственная: Подзорная Труба, да и то небольшая, Хокинс называет ее холмом, говоря о первом своем знакомстве с картой Флинта: «Мы заметили две гавани, хорошо укрытые от бурь, и холм посередине, названный „Подзорная Труба“».

* * *

С карты все началось. Причем Стивенсон отмечал, что для него карта не просто некое второстепенное дополнение к тексту. Он писал:

«Я его (роман „Остров Сокровищ – В.Т.) написал по карте. Собственно говоря, карта отчасти породила фабулу“»

Отчасти, наверное, да... Приключения в чужой локации Стивенсон придумывал сам. Но лишь отчасти. Множество деталей в тех приключениях и отдельных сюжетных ходов позаимствовано опять-таки у Жюль Верна. Доказать это несложно, сличив внимательно тексты двух романов. Этим и займемся.

* * *

Прежде чем заняться слоном, разберемся с козами.

За них многие Стивенсона попрекают, даже те, кто не склонен к особо вдумчивому чтению. Дескать, эта копытная и рогатая деталь пейзажа Острова Сокровищ – не что иное, как реверанс в сторону Даниэля Дефо и его «Робинзона Крузо», а так-то козы не живут в тех краях и широтах.

На самом деле всё не так однозначно.

В естественных условиях крупные млекопитающие чаще всего на небольших островах не живут.

Причин тому две. Во-первых, небольшие клочки суши могли никогда не иметь сухопутной связи с материком, либо иметь во времена слишком давние, когда эволюция еще млекопитающих не породила. И на отдаленные острова прилетали птицы, приплывали по воде тюлени и родственные им виды, ведущие полуводный образ жизни. И всё. Исключения – места северные, где моря замерзают. Там четвероногие обитатели континента вполне успешно заселяют острова. Мамонты, например, заселили по льду остров Врангеля – и обитали там, как в заповетнике, очень долго, многие тысячелетия после того, как их материковые собратья были полностью истреблены и съедены. Островные же мамонты лишь обмельчали на скудной диете.

Вторая причина состоит в том, что кормовая база небольшого острова способна прокормить лишь малочисленную популяцию крупных животных, и даже таких относительно крупных, как коза. И такие популяции очень уязвимы перед всевозможными случайностями: выда-

лись из-за погодных условий два-три бескормных года подряд, и условные козы на острове вымирают, им некуда откочевать в поисках пищи. А позже, когда дела с кормом поправятся, новые копытные не могут занять опустевший ареал по причинам, изложенным в п. 1.

Но закономерности эти неизбежно действуют лишь на длинных дистанциях (изолированная популяция может благоденствовать и век, и два, и три, и дольше, даже не на тысячелетия история может растянуться, как у мамонтов Врангеля) и не учитывают влияние человека.

А люди, едва началась эпоха океанских плаваний, занялись расселением на островах новых видов животных, иначе говоря интродукцией, хотя этот термин не был тогда придуман. Иногда все получалось случайно (корабельные крысы, сбежавшие с кораблей собаки и кошки), но гораздо чаще моряки вполне осознанно выпускали домашних животных, пригодных в пищу.

Метод сохранения мяса на долгий срок использовался тогда один: засолка. Иногда просолившиеся мясо коптили, но гораздо чаще засаливали в бочках, в них же и хранили для большей сохранности от крыс.

Но солонина продукт не самый полезный. Голод утолить позволяет, но теряет многие полезные для организма микроэлементы. Помогающие, например, избежать цинги, в те годы обычной в дальних плаваниях.

Короче говоря, моряки создавали себе кладовые свежего полезного мяса на будущее – на островах, где обитают лишь птицы да ящерицы, трудно запастись провизией. С особой охотой занимались этим делом пираты, имевшие возможность пополнять запасы далеко не в каждом порту (а порой вообще не имевшие такой возможности, как мы видели на примере тихоокеанских приключений Флинта-Тейлора).

Но не только пираты и не только европейцы практиковали вселение новых видов. На многих изолированных островах Океании живут дикие свиньи (мелкие, заметно уступающие размерами европейским кабанам), чужие для местных биоценозов. Они в незапамятные времена расселены там полинезийцами.

Процесс интродукции шел бессистемно: какие животные случались на борту, тех и высаживали на подвергнувшийся островок. Приживутся – хорошо, а нет, так островов в океане много.

По результатам выяснилось, что самый пластичный и приспособленный к выживанию вид домашних животных – европейская коза. Козы успешно приспособлялись и размножались на островах самым разных климатических зон в трех океанах. Они реально водились на острове, где бедовал Александр Селькирк. А в романах Дефо и Стивенсона козы вполне достоверная деталь. (У Жюль Верна иначе, на его о. Линкольна мореходы никогда не высаживались, европейским козам взяться было неоткуда – и автор заменил их муфлонами, якобы изначально жившими на острове).

Второе-третье места в заочном чемпионате по приживаемости на островах поделили свиньи и кролики, иногда соседствуя с козами. А на острове Гаити, например, одичали и в огромных количествах размножились быки и коровы. На Виргинских островах (на Британских) до сих пор существует на радость туристам достаточно экзотическая популяция одичавших ослов – а козы там не прижились, о чем напрочь забывают стивенсоноведы, отправляющие в те края Остров Сокровищ. На отдельных островах Антилов тоже можно встретить диких осликов, снова ставших почти ручными от близкого соседства с людьми.

Илл. 13. Вот такие дружелюбные ишачки водятся на острове Бонэйр (Малые Антилы).

А вот стада одичавших овец на островах не встречались. Овца животное своеобразное, тупое и ленивое, козы в сравнении с ними настоящие интеллектуалы, даже не вспоминая свиней, умом не уступающих собакам. Овца жрет и жрет свой подножный корм, пока не сожрет подчистую, оставив голую землю. Потом переходит на другое место, где всё повторяется. Без пастухов, перегоняющих с места на место, не позволяющих безвозвратно погубить пастбища, жизнь овец на острове долгой не бывала. Едва размножившись, все подчистую сжирали и подыхали от голода.

На этом зоологический экскурс заканчиваем и переходим к давно анонсированным пиратским войнам, случившимся на двух островах, Линкольна и Сокровищ. К сходству этих войн, явно не случайному.

* * *

Начнем с нумерологии. С числительных.

Когда к о. Линкольна прибывает пиратский бриг, островитян, который предстоит противостояние с пиратами, семеро.

Правда, седьмой из них, капитан Немо (отставной индийский принц Даккар), – человек нелюдимый, живет на отшибе в тайной пещере, с остальными не общается. Но существование Немо для островитян не тайна, они его вычислили, даже касательно его личности имеют кое-какие догадки (позже выяснится, что правильные). Так что сосчитать бывшего принца необходимо, тем более что именно он внес коренной перелом в противостояние, подорвав и потопив бриг под Веселым Роджером чем-то вроде мощной самодельной торпеды.

Кстати, о бригах. Шхуна «Испаньола» изначально задумана Стивенсоном как бриг, о чем он сам писал. Вернее, не задумана, а... в общем, понятно. Дословно: «С бригом (а „Испаньоле“

по-настоящему полагалось быть бригадом) мне было не управиться, но я полагал, что сумею избежать публичного позора, если пушусь в плавание на шхуне».

С численностью протагонистов Острова Сокровищ разобраться труднее. Она постоянно меняется: одних убивают, взамен присоединяются другие.

Пройдемся по реперным точкам сюжета.

Самое начало противостояния, Хокинс только-только ошарашил кладоискателей известием о зреющем пиратском мятеже и констатирует: «Из двадцати шести человек мы могли положиться только на семерых». Семеро, все как у Жюль Верна.

Бросим взгляд на финал: клад добыт, «Испаньола» отплывает от острова. На борту опять великолепная семерка. Трое слуг сквайра погибли. Но взамен на сторону кладоискателей перешли Сильвер и Абрахам Грей, плюс присоединился островитянин Бен Ганн, и списочная численность осталась прежней.

Третья контрольная точка: самый разгар вооруженного противостояния, его кульминация. Проще говоря, битва за блокгауз. Обороняют его семь человек, не больше и не меньше: сквайр и двое его слуг, капитан, доктор, Джим Хокинс и матрос Грей.

Как ни меняется число протагонистов, далеко от изначальной семерки Стивенсон не уходит.

Но цифра – это всего лишь цифра. Тем более считающаяся счастливой «семерка». В конце концов, фильмы «Семеро смелых», «Семь самураев» и многие другие никак не связаны с романами Жюль Верна и Стивенсона.

Однако мысль о случайном совпадении цифр на корню режет сравнение персоналий этих семерок.

Вот кого мы обнаруживаем среди протагонистов «Таинственного острова».

1. Несовершеннолетний юноша Герберт. Аналог у Стивенсона – Джим Хокинс.

2. Бывший разбойник и пират Айртон, высаженный в одиночестве на необитаемый остров, перевоспитавшийся там и порвавший с преступным прошлым. Полный его аналог – Бен Ганн.

3. Среди островитян Жюль Верна три профессиональных моряка, один из них капитан (Немо). У Стивенсона моряков в числе протагонистов четверо, один из них капитан (Смоллетт).

4. Врачеванием на о. Линкольна занимается военный журналист Спилет. На Острове Сокровищ тем же занимается Ливси, в главной своей ипостаси офицер-якобит (отметим, что у Спилета дела шли лучше, ни единого пациента он не потерял).

5. Реальный глава островитян Жюль Верна (инженер Смит) и номинальный руководитель кладоискателей (сквайр Трелони) не схожи ни в чем. Но век другой, инженеры еще не существовали как сколько-то заметная прослойка, когда «Испаньола» отплыла из Бристольского порта.

6. На о. Линкольна живет негр Навуходоносор (для своих Наб), бывший раб инженера Смита, получивший вольную и ныне находящийся в статусе слуги. На Острове Сокровищ прибыли аж трое слуг сквайра – оно и понятно, все-таки он не инженер, а богатый помещик. Но вот что любопытно: есть версия, что один из этих слуг был темнокожим!

Об этой версии стоит рассказать отдельно.

* * *

Версия о том, что слуга сквайра Трелони был черным, высказана в одной из экранизаций «Острова Сокровищ».

«Па-а-аятно, – могут разочарованно протянуть читатели. – Кого только не перечисляют нынче в темнокожих в угоду толерантности и прочим новым веяниям...»

Не спешите с выводами. Негр угодил и на борт «Испаньолы», и на Остров Сокровищ не по голливудской квоте для афроамериканцев. Речь о фильме давнем, в этом году мы будем отмечать его полувековой юбилей, а в те времена даже в Америке не считалось чем-то чудовищным назвать негра негром.

Тем более что экранизация 1971 года снята в СССР, где отношение к неграм всегда было вполне толерантным (в нормальном, не в нынешнем извращенном понимании этого термина), и никто не считал, что они нуждаются в каких-то дополнительных привилегиях. И причина была не в том, что негры в заметных количествах в СССР не жили.

А они, кстати, жили. Речь не об отдельных эмигрантах из Америки, не о «детях фестиваля» и не о потомках студентов института им. Лумумбы – о небольшом негроидном этносе, обитавшем в многонационально Абхазии. Происхождение их до конца не выяснено. По одной из версий, их предков еще во времена турецкого владычества над всем побережьем Черного моря купил один из местных абхазских князей для обработки своих мандариновых и прочих плантаций. По другой – неподалеку от побережья затонул перевозивший невольников корабль, опять же турецкий, и они сумели добраться до берега.

Илл. 14. Абхазские негры в начале двадцатого века

Но вернемся к экранизации 1971 года. Ее создатели, надо признать, заслуживают изрядного уважения. Общая беда всех сценаристов, пишущих для экранизаций в том, что они зачастую меняют литературный первоисточник, жертвуя здравым смыслом. Этот же фильм стал исключением из общего правила: сценаристы прекрасно видели нестыковки и логические ошибки романа Стивенсона. Альтернативных версий на их основе строить не стали, но

где могли – исправили либо замаскировали, внося очень аккуратные правки, дозированные и деликатные.

Илл. 15. Темнокожий слуга сквайра (Том Редрут) на борту «Испаньолы». Кадр из советской экранизации 1971 года.

Подбор актеров в фильме был на редкость удачным. Один Сильвер-Андреев чего стоил, идеальное попадание в образ. И возраст Джима Хокинса вполне адекватный, допускающий участие в перестрелках и рукопашных схватках, – никакого сравнения с нелепым пухлощеким второклассником из нелепой трехсерийной экранизации следующего десятилетия.

Но вот зачем Тома Редрута произвели в негры? До популярного ныне объяснения: «А у Стивенсона нигде не указан цвет его кожи!» – опускаться не будем. Признаем, что мотивы допущения сценаристов понять трудно. Однако бредовой их идею назвать нельзя. Выдумка вполне здравая и логичная, в отличие от какой-нибудь темнокожей Джульетты в пьесе Шекспира. Мы знаем, что сквайр Трелони побывал в Вест-Индии. Привозить оттуда черных слуг было самой обычной практикой английских джентльменов: выгодно, не надо ничего платить, в отличие от английской белой прислуги, – вывезенные из колоний невольники оставались в метрополии в том же рабском статусе.

Фильм «Остров сокровищ» приобрел большую популярность, но Редрут-негр не вызывал ни малейшего недоумения у юных зрителей, составлявших изрядную часть аудитории фильма. По крайней мере автору этих строк допущение сценаристов не помешало пересмотреть любимое кино раз десять, если не больше. С больших экранов «Остров» уже сошел, и приходилось ездить на электричке в Павловск, в притаившийся там на задворках крохотный кинотеатр «Авангард» – чтобы раз за разом смотреть на известные уже наизусть приключения.

А вот по ТВ эту экранизацию, одну из лучших, отчего-то не показывали. Сначала там крутили невероятно унылый черно-белый фильм с ирландским революционером «доктором Лавесси» и Хокинсом-девушкой, потом его сменил уже упоминавшийся нелепый Хокинс-Стуков, куда уместнее смотревшийся в сюжетах «Ералаша» о школьниках.

Однако пора вернуться от фильмов к двум романам и их сравнению.

* * *

Еще немного нумерологии.

Пираты Жюль Верна десантируются на о. Линкольна на двух шлюпках (пираты Стивенсона тоже на двух), их в сумме восемнадцать человек (столько же осталось под командой Силь-

вера после перехода матроса Грея к кладоискателям), но в строю уже не все, есть пострадавшие от ружейного огня островитян: раненые, возможно даже убитые. У Сильвера та же картина: один его человек подстрелен у пушки, другой у частокола.

Позже, в завершающей фазе противостояния, пиратов уцелеет ровно шесть – на обоих островах и в обеих книгах. Причем шестерка с о. Линкольна сумеет взять в плен одного их протагонистов, Айртона. Шестерка с Острова Сокровищ решила не отставать – и в плен к ним попал Джим Хокинс.

Замена Айртона на Хокинса происходит еще в одном совпадающем эпизоде. Айртон плывет на примитивной пироге из древесной коры к пиратскому кораблю, чтобы уничтожить его, подорвав скрыт-камеру. Хокинс на примитивном челноке из козьих шкур плывет к «Испаньоле», чтобы перерезать якорный канат, после чего шхуну вынесет на мель или на рифы.

Цели не достигли ни тот, ни другой. Бриг «Быстрый» избежал взрыва, а «Испаньола» рифов и мелей.

И все-таки бриг прикончил именно взрыв – другой, подводный, организованный капитаном Немо. Есть подозрения, что и у Стивенсона бродила мысль о взрыве, как-то подозрительно часто говорят о нем персонажи. Сначала Трелони высказывает намерение взорвать «Испаньолу» вместе с замышляющим недоброе экипажем. Позже капитан поднимает ставки, он хотел бы взорвать уже весь остров, о чем и говорит Сильверу: «Я с удовольствием взорвал бы на воздух и вас, и его, и весь этот дьявольский остров! Вот что я думаю обо всей вашей шайке, любезный».

Казалось бы, чистой воды гипербола: это сколько же черного пороха надо (а иной взрывчатке в те времена не было), чтобы «взорвать на воздух» остров размером девять на пять миль? Всего, производимого за год в Англии, хватит? Может и хватит, но без гарантии.

Однако же вспомним, чем завершилась история острова Линкольна. Он именно взорвался! Море прорвалось в жерло вулкана и случился большой бабах на манер Кракатау, ничего не осталось, лишь крохотная скала торчала над поверхностью океана.

Еще один эпизод, срисованный словно под копирку.

Островитяне Верна после первых стычек сидят в своем убежище, в Гранитном дворце, а пираты, разозлившись от понесенных потерь, ведут его артобстрел. В цель попал лишь один снаряд, но никого не убил и не ранил.

Кладоискатели Стивенсона после первых стычек сидят в своем убежище, в блокгаузе Флинта, а пираты, разозлившись от понесенных потерь, ведут его артобстрел. В цель попало лишь одно ядро, но никого не убило и не ранило.

Хватит примеров, наверное. Всем уже понятно, что совпадения в таких количествах случайными быть не могут.

* * *

Необходимо отметить, что позаимствовав множество деталей и мелких сюжетных ходов, – в главном, в построении фабулы романа, Стивенсон проявил себя куда более искусственным литератором, чем Жюль Верн. Скрытые в недрах острова богатства капитана Флинта железно мотивируют всех действующих лиц и служат безотказным двигателем сюжета.

Хотя, если вдуматься, имелся такой двигатель и в распоряжении мсье Верна, да только приспособить его к делу тот не сумел. Ведь в недрах острова Линкольна тоже скрыты сокровища, награбленные пиратским капитаном Немо. Да, да, был он не только борцом за свободу Индии и исследователем тайн океанов. Пиратством тоже активно промышлял. Таранил «Наутилусом» корабли, предпочитая английские, те тонули, ложились на дно, – и подчиненные бывшего индийского принца в водолазных скафандрах спокойно собирали добычу. И с дру-

гих судов собирали, утонувших давно и без участия Немо. Субмарина, спрятанная в потайной подводной пещере о. Линкольна, была буквально набита золотом и драгоценностями.

Кладоискатели Стивенсона забрали с острова большую часть спрятанных богатств, а островитяне Верна – малую, незначительную: объемистый ларец с алмазами, отборным жемчугом и т. п. При этом стоимость вывезенного была сопоставима.

Но сокровища Немо к началу военных действий «вещь в себе», никто о них не знает: ни инженер Смит с друзьями, ни пираты, ни читатели романа. Война начинается просто так, беспричинно, исключительно по воле автора.

Пираты притазились к острову Линкольна непонятно зачем. Плыли много дней по пустынному океану на своем бриге «Быстрый», никакой цели не имея. О наличии острова знать не могли, на карты он не был нанесен. Тем более не стоило надеяться повстречать в том районе судно, чтобы ограбить его и потопить, – морские торговые пути проходят далеко в стороне, в тысячах миль.

Ну и зачем явилась к острову и на страницы романа компания под «Веселым Роджером»? Нет ответа. Пираты действуют, как последние дебилы. Шляются по океану без смысла и цели, полностью отключив мозги.

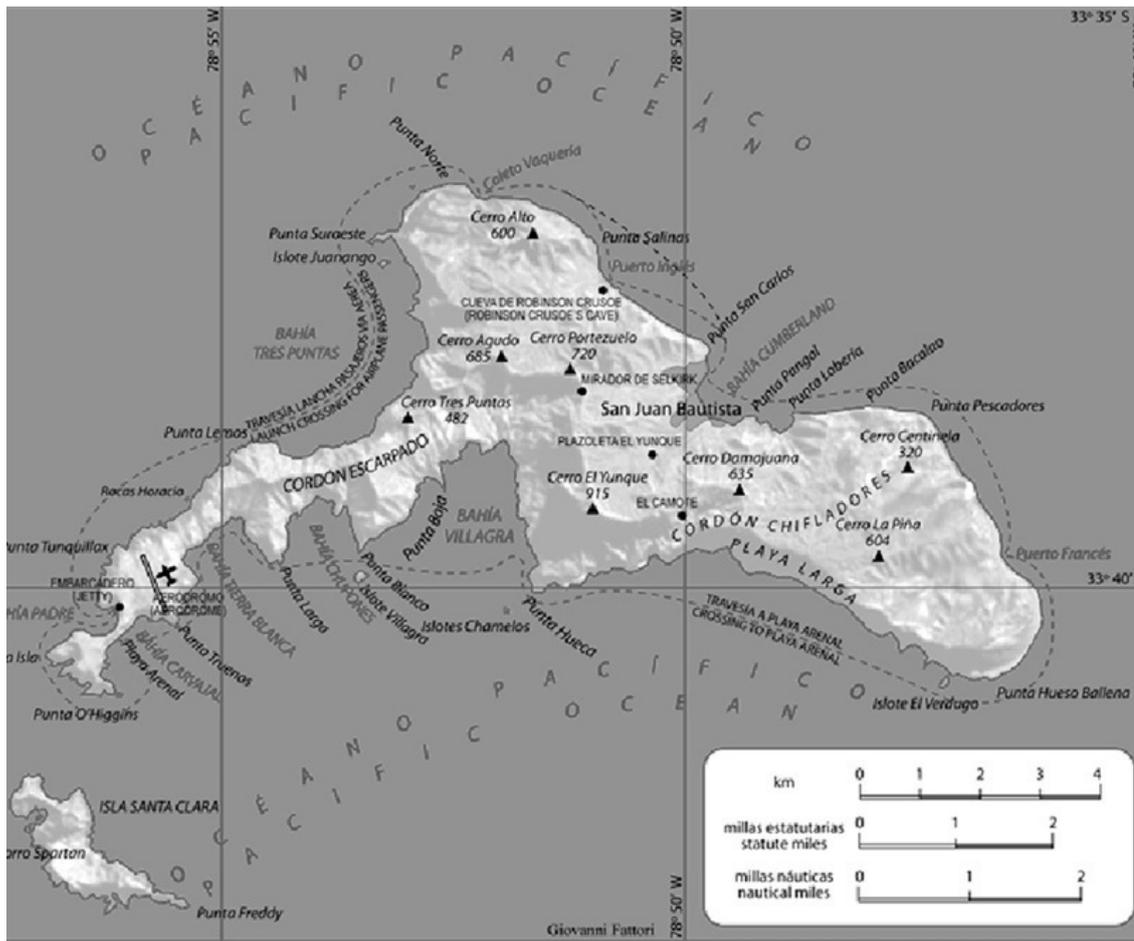
Островитяне ничем не лучше. Вместо того, чтобы сидеть при появлении пиратов тихонько и не высовываться, тут же затеяли взрывать их бриг. Руки, видать, чесались. Поражаться хотелось, – заскучали, истомились за годы изоляции.

Но им Жюль Верн придумывает хотя бы какое-то слабое подобие мотива: боялись, дескать, что пираты здесь обоснуются всерьез и надолго, базу свою устроят.

Мысль, конечно, бредовая. Остров Линкольна для пиратской базы был удобен, спору нет. Но кому нужна база для нападений там, где нападать вообще не на кого? Кто, например, будет тащиться несколько тысяч миль туда-обратно из района проводимых операций, чтобы высадить на остров заболевших членов экипажа? Да они все либо поумирают к тому времени, либо поправятся. Лютый бред выдумал мсье Жюль Верн, уж извините.

Придуманные Стивенсоном приключения гораздо более логичные и непротиворечивые, если сравнивать с первоисточником. История складная и гораздо интереснее, даже если рассматривать лишь внешнюю канву событий и не выискивать тайные смыслы.

Возможно, именно поэтому Стивенсон не любил вспоминать, откуда позаимствовал столь многое для своего романа. «Всеобщую историю пиратства», где почерпнул ничуть не меньше фактуры, хоть мельком, но упомянул, а «Таинственный остров» – нет. Потому что обидно: сложил из тех же самых кирпичиков куда более изящное здание, а набегут тупые критиканы – и обхают, и обвинят во всех смертных грехах... лучше не заострять вопрос и не привлекать их внимание.

Илл. 16. А вот так выглядит самый первый остров, исходный и реальный, именно на него был высажен Александр Селкирк, прототип всех робинзонов. Все на месте: несколько бухт, удобных для стоянок судов, несколько горных вершин, островок-спутник.

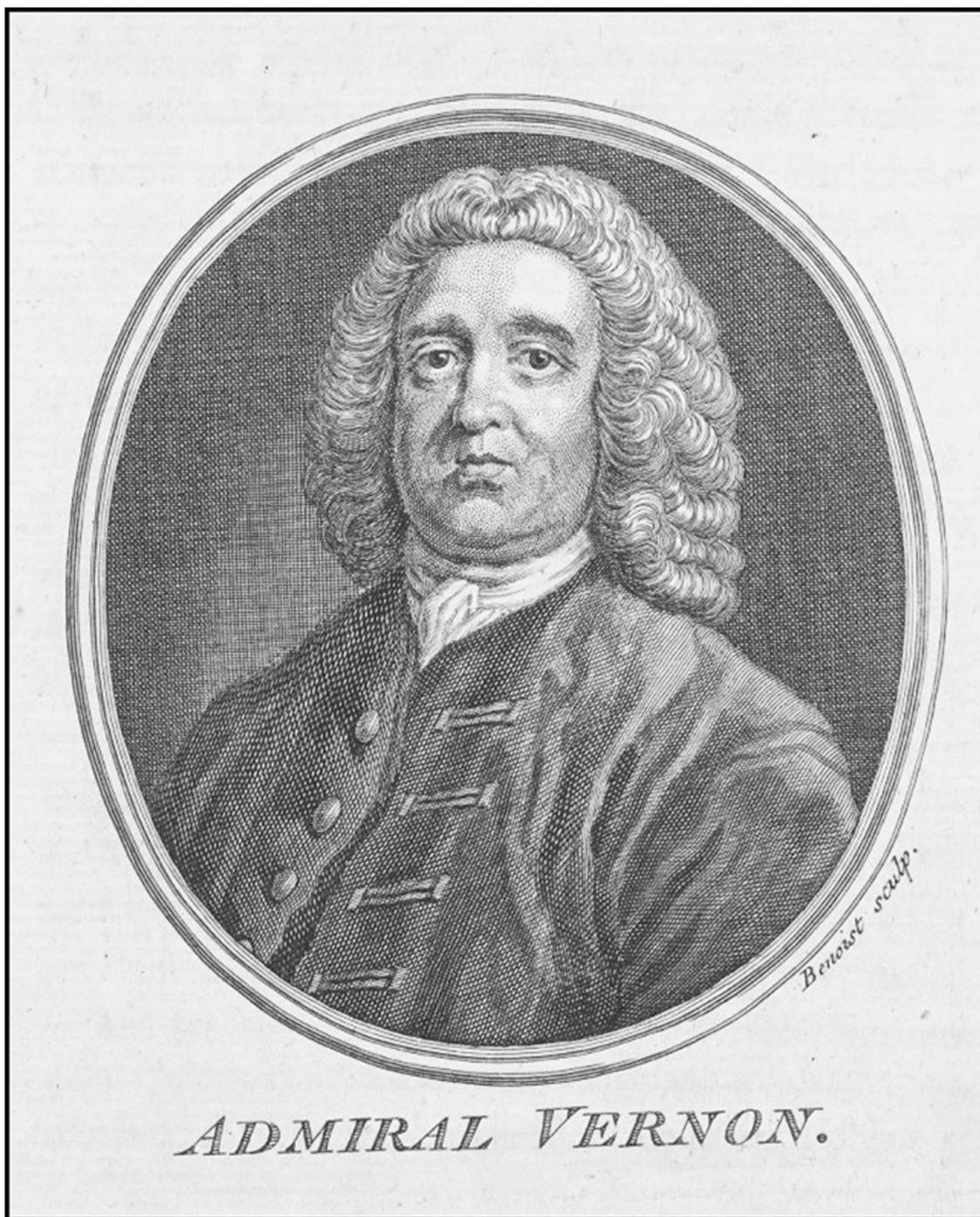
На этом тему литературных источников «Острова Сокровищ» мы закрываем и потихоньку двигаемся дальше, к серебру Порто-Белло и к «Воине из-за уха Дженкинса».

Глава 6. Еще раз о бочке с яблоками, или Откуда пошли лайми

Правительство Англии не хотело начинать войну из-за какого-то дурацкого уха. Несolidно, в Европе засмеют. Мелкий казус белли. Никто еще из-за отсутствия ушной раковины не умирал – если, конечно, рану после ампутации не запустить, если она не загниет и не начнется гангрена. И даже внешний вид не очень страдает, учитывая бытовавший тогда у британских мужчин обычай носить длинные парики, скрывавшие и уши, и их отсутствие.

Главным лоббистом войны выступил адмирал Вернон, известный под прозвищем Старина Грог. Он произносил гневные речи с парламентской трибуны, потрясая над головой стеклянной колбой, – ни дать, ни взять Колин Пауэлл со своей знаменитой пробиркой. В колбе лежало заспиртованное человеческое ухо – якобы то самое, которого лишился Дженкинс.

Хотя нельзя исключить, что прикупил это ухо адмирал в ближайшем анатомическом театре. В конце концов и в знаменитой пробирке Пауэлла оказался безобидный порошок, а не оружие массового поражения. Чего не сделаешь, если сильно хочется повоевать, а им хотелось, и Пауэллу, и особенно Старине Грогу: годы идут, масштабной морской войны нет и нет, того и гляди останешься в памяти народной лишь как изобретатель коктейля, завоевавшего громадную популярность на флоте.

Илл. 17. Адмирал Эдвард Вернон, флотоводец и изобретатель грога

Да, знаменитый глог изобрел именно адмирал Вернон, и напиток получил название в честь его прозвища, а не наоборот. Изобретение оказалось не таким пустячным, как может показаться. Оно реально сохранило множество жизней, в отличие от войны из-за заспиртованного уха, которую Старине Глогу в конце концов удалось развязать.

* * *

Мы помним, как Билли Бонс, обессиленный после кровопускания, устроенного ему доктором Ливси, клянчил у Джима стаканчик рома, и произнес целый панегирик этому напитку:

«Я бывал в таких странах, где жарко, как в кипящей смоле, где люди так и падали от Желтого Джека, а землетрясения качали сушу, как морскую волну. Что знает ваш доктор об этих местах? И я жил только ромом, да! Ром был для меня и мясом, и водой, и женой, и другом. И если я сейчас не выпью рому, я буду как бедный старый корабль, выкинутый на берег штормом».

Что Билли Бонс страдал застарелым алкоголизмом, сомнений нет, однако зерно истины в его словах присутствует. Люди, хлеставшие в тропиках ром, оставались целы, когда вокруг свирепствовали всевозможные местные инфекции. Те же, кто придерживался, выражаясь современным языком, ЗОЖ, – умирали от кровавого поноса. Антисептические и дезинфицирующие свойства этилового спирта никто не отменял.

Британские капитаны и адмиралы, водившие свои корабли и эскадры по тропическим морям, оказались перед неприятной дилеммой: запретить подчиненным пить ром – и люди мрут как мухи, разрешить – и постоянно пьяный экипаж становится трудно управляемым и мало к чему пригодным (команда капитана Сильвера хорошо нам продемонстрировала, как это происходит).

Адмирал Вернон отыскал удачный выход из тупиковой ситуации. Сейчас существует множество рецептов грога, но самый первый, придуманный адмиралом, был чрезвычайно прост: одна часть рома, одна часть воды, одна часть лимонного сока, смешать, но не взбалтывать.

Просто, но эффективно. Процент спирта в коктейле сохранял его обеззараживающие свойства, но не позволял команде напиться в лёжку, морячки оставались относительно дееспособными.

А лимонный сок? Зачем его добавляли?

Для профилактики цинги. О существовании витаминов тогда никто не знал, тем более о том, что один из них, витамин С, предотвращает цингу лучше всего. Но эмпирическим путем выяснили, что лимоны весьма помогают не заболеть. Голландцы первыми это осознали и ввели в рацион своих матросов один лимон в день на человека, и почти все урожаи с плантаций лимонов на голландском о. Кюрасао уходили на нужды флота.

Англичане быстро позаимствовали новшество, доказавшее свою эффективность, Старина Грог был в этом вопросе одним из первопроходцев. Смертность от цинги среди его подчиненных упала в разы и на порядки.

Но целиком и полностью снабдить флот лимонами оказалось сложной задачей. Кораблей у Англии было много, моряков еще больше, при этом лимоны на Британских островах не росли. И в британских колониях не росли – развести их там было можно, климат позволял, но пройдут годы, пока вновь заложенные плантации дадут первые урожаи. А до того пришлось бы закупать огромные количества лимонов за границей либо мириться с высокой смертностью среди личного состава.

Выход английские адмиралы придумали простой: Адмиралтейство предписало во флоте Его Величества вместо лимонов ежедневно употреблять в пищу другие цитрусы – лаймы.

Где взять лаймы, вопрос не стоял. На островах британской Вест-Индии они росли в больших количествах. Возможно, некоторые плантации даже принадлежали людям, принимавшим решение о замене. Но это не точно.

А так-то лайм действительно весьма напоминает лимон – сильнее, чем родственные апельсины и мандарины. Размер разве что маловат, так ведь недолго установить дневную норму в два-три плода вместо одного...

* * *

Когда США в результате многолетней войны добились независимости от Великобритании и отношения между метрополией и ее бывшими колониями начали помаленьку вновь налаживаться, – моряки с британских судов получили от американцев прозвище «лаймы» за непрменные одноименные фрукты в своем рационе. Постепенно так стали называть в США всех британцев. Не слишком комплиментарное прозвище, вроде «макаронников» или «лягушатников» в русском языке.

Но вот что удивительно: моряки-британцы исправно жевали свои лаймы, морщась от кислого вяжущего вкуса, а цингой все равно болели. Чаще, чем во флотах других стран.

Лорды Адмиралтейства, выбирая заменитель лимону, допустили фатальную ошибку, основанную на внешнем сходстве. Лаймы отличаются от родственных цитрусов самым низким в семействе содержанием витамина С. Чтобы покрыть суточную потребность организма, действительно хватает одного апельсина или лимона среднего размера. А вот лаймов надо сжевать десятка полтора или два. Учитывая особенности их вкуса, это сделать непросто даже в наше время, когда века селекции улучшили вкус зеленых плодов, повысили их сахаристость.

Самое обидное, что там же, в британской Вест-Индии, рядом с лаймами в изобилии растет фрукт под названием «барбадосская вишня». К настоящей, к европейской вишне она отношения не имеет, достаточно сказать, что косточек в ее плодах несколько. При этом барбадосская вишня чрезвычайно богата витаминами, в том числе витамином С.

Хуже того, даже в метрополии, на Британских островах, росло в достаточном количестве растение, способное быстро и эффективно решить проблему: самый обычный шиповник. Его плоды – настоящие чемпионы по содержанию витамина С, лидируют с громадным отрывом.

Но дисциплина и традиции свято чтятся в Британском флоте. Лаймы продолжали давиться лаймами и болеть цингой. Американские моряки жевали клюкву (ни лимонами, ни лаймами тогдашняя территория Штатов не была богата), оставались здоровыми и посмеивались над незадачливыми коллегами.

* * *

Один читатель, разбирающийся в сортах яблок, поведал после прочтения «Острова без сокровищ»: дескать, лежкие «зимние» яблоки даже без консервантов способны сохраниться до весны. Какие-то предки тех сортов вполне могли расти в Британии 18 века. Пусть мелкие, пусть кисловатые, но к столу простых матросов отчего бы и не закупить?

Поправка принимается. Да, бочка с яблоками могла находиться на борту «Испаньолы» (но только не на палубе, ничем и никак не закрепленная, в этом вопросе Хокинс наврал вне всякого сомнения). Торговым флотом Адмиралтейство не занималось, лаймы не навязывало, каждый шкипер сам решал, каким способом снабдить экипаж витаминами. Но насколько эффективным оказалось бы содержимое бочки в борьбе с цингой?

Витамина С в яблоках хватает. По его содержанию они не на первых местах в сравнительной таблице, но и не на последних. Съедая по пять-шесть яблок в день, матросы «Испаньолы» могли позабыть о цинге. Они фруктами не пренебрегали, раз уж на дне бочки остался единственный плод. И не болели, нет ни единого упоминания о том, что Ливси пришлось кого-то лечить в ходе плавания к острову. Вновь Стивенсон логичен и точен в деталях.

* * *

Итак, Старина Грог продолжал сотрясать воздух парламента гневными спичами и размахивать колбой с отрезанным ухом. Иногда приводил с собой Дженкинса, тот с речами не выступал, стоял с печальным и понурым видом, обратив к парламентариям Палаты общин пострадавший профиль. Парик, разумеется, не надевал.

Кто же такой этот Дженкинс, чьё ухо прочно прописалось в истории колониальных войн? Версий две.

По одной (звучавшей в британском парламенте) был он честным торговцем, капитаном и владельцем купеческого судна, – и этого кристальной честности человека обобрали испанцы, отняли все, нажитое непосильным трудом, к тому же изувечили, вот и доказательство в склянке лежит, можете посмотреть, господа депутаты, даже в руках подержать.

Испанская сторона придерживалась другой трактовки: Дженкинс злостный контрабандист, не раз нарушавший т. н. «асъенто» (документ, регулирующий и лимитирующий торговлю британских кораблей с испанскими колониями). Рецидивиста изловили и наказали, пусть спасибо скажет, что не повис сушиться на солнышке.

Хотелось бы, конечно, притянуть к этой истории Флинта-Тейлора и гвардакостасов, поимка людей вроде Дженкинса была их прямой и непосредственной задачей. Но нет, изловили контрабандиста и подкорректировали ему внешность моряки испанского регулярного флота.

Случилось это в 1731 году. Флинт-Тейлор к тому времени уже несколько лет плывал под испанским флагом.

Надо отметить, что не все его соратники по подвигам в Индийском океане пошли на испанскую службу. «Всеобщая история пиратства» упоминает, что восемь или девять человек из экипажа Тейлора перебрались из Порто-Белло на Ямайку, а оттуда уехали в Англию. Стоит ли уточнять, что в нашей трактовке «Острова Сокровищ» среди них были и слепой Пью, и трехпалый Черный Пес?

* * *

Необходимо сказать несколько отдельных слов о «Всеобщей истории пиратства», слишком уж часто название мелькает на этих страницах.

«Всеобщая история пиратства» – название сокращенное. Стивенсон использовал еще более краткое: «Какие-то застрявшие в памяти места из книг Эдгара По, Дефо и Вашингтона Ирвинга, экземпляр джонсоновских „Пиратов“, название „Сундук мертвеца“ из книги Кингсли „Наконец“, обрывки воспоминаний о лодочных прогулках в открытом море, о плавании на яхте водоизмещением в пятнадцать тонн и, наконец, сама карта с ее бесчисленными красноречивыми подсказками воображению – вот и все мои источники».

Но речь об одной и той же книге, полное ее название мало кто может огласить по памяти. Вот оно:

«Всеобщая история грабежей и убийств, учиненных наиболее известными пиратами, а также их нравов, политики и правления со времени их первого появления на острове Провиденс в 1717 году, где они основали свое поселение, до нынешнего года 1724; с прибавлением удивительных деяний и приключений женщин-пиратов Энн Бонни и Мэри Рид; коим предпослан отчет о похождениях знаменитого капитана Эвери и его товарищей, с описанием того, какою смерть он принял в Англии».

Да уж, любил Даниэль Дефо замысловатые названия. Хотя свой псевдоним «капитан Чарльз Джонсон», которым подписана книга, он не раскрыл до конца жизни. Слухи об автор-

стве Дефо ходили давно, но лишь в наши времена при помощи компьютерных методов анализа тестов окончательно доказали: книгу написал действительно он.

У тех, кто всерьез исследует пиратскую тему, отношение к труду Дефо двойственное.

С одной стороны, там множество бесценной информации, больше нигде не встречающейся. Дефо в большом количестве использовал не дошедшие до нас источники, в первую очередь устные рассказы моряков, возвращавшихся в Англию из колоний, он был современником описываемых событий.

С другой стороны, в текст, преподнесенный публике как документальный, Дефо включил немало собственных литературных выдумок. Никогда не существовали и не переживали «удивительные приключения» женщины-пиратки Энн Бонни и Мэри Рид. Пиратская республика Либерталия, помещенная автором на Мадагаскар, всего лишь отражает мысли Дефо о справедливом устройстве общества. Пиратам же, действительно строившим небольшие укрепленные форты на мадагаскарском побережье, мысль объединиться в непризнанное государство в головы не пришла.

Илл. 18. Пиратка Энн Бонни, придуманная Дефо и много лет считавшаяся реальной исторической личностью.

Короче говоря, использовать «Всеобщую историю пиратства» в серьезном историческом исследовании стоит с большой осторожностью, пользуясь лишь той информацией, у которой есть хотя бы косвенные подтверждения в независимых источниках.

Однако для исследования «Острова Сокровищ» можно особо не задумываться над исторической достоверностью сообщаемых Дефо сведений. Ведь Стивенсон не задумывался, в его время труд Джонсона-Дефо еще не подвергся кропотливому разбору с опровержениями и разоблачениями.

* * *

И что же нам сообщает «Всеобщая история» об испанском периоде карьеры Флинта-Тейлора?

Практически ничего. Лишь вскользь упомянуто, что он напал в Гондурасском заливе на английских купцов, перевозивших груз драгоценного сандалового дерева.

И у Стивенсона на тот период выпадает провал в разбросанных по тексту воспоминаниях людей, знавших Флинта. Пожалуй, только эпизод, сообщенный сквайром Трелони, можно отнести к этому времени: капитан английского судна увидел над горизонтом мачты корабля Флинта и предпочел не рисковать, вернуться в порт. Не хотел, очевидно, разделить судьбу купцов из Гондурасского залива.

Дело в том, что гвардакостасы занимались примерно тем же, чем и английские приватиры. Пиратством под прикрытием официальной бумаги с печатью. Любое встреченное в море английское торговое судно становилось целью, а уж обвинить его капитана в контрабанде всегда можно было задним числом. А можно было и не обвинять, если не оставлять свидетелей, не высаживать их на пустынных берегах, как Ингленд, а резать, как свиней, на манер Флинта и Билли Бонса.

В любом случае приходная книга последнего свидетельствует: шайка Тейлора-Флинта надолго свою деятельность не прерывала, два десятилетия бороздила моря и океаны.

Может возникнуть вопрос: а зачем вообще немалая часть экипажа «Кассандры» продолжала эту нелегкую и рискованную деятельность? Они ведь были богаты, наверняка не все захваченные у вице-короля алмазы ушли на взятку губернатору Порто-Белло.

По первому впечатлению гораздо более здраво и логично поступили те члены старой команды Ингленда, кто еще в Индийском океане решил покончить с пиратством (когда Тейлор двинул через Атлантику в Вест-Индию, они отправились на Мадагаскар на захваченном португальском судне, и о дальнейшей их судьбе ничего не известно).

И те пираты с «Кассандры», кто в Порто-Белло решил не искушать дальше судьбу, переметнулся на Ямайку и далее в Англию, – тоже, казалось бы, поступили куда более мудро: не стоит начинать новый тур рискованной игры, уже имея на руках недурной выигрыш. Ведь в этих играх проигравшихся игроков не выставляли из казино, а вешали на рее.

Но все не так просто.

Драгоценные камни вообще и алмазы в частности – чрезвычайно неудобная добыча для пиратов. Да, это богатство, но богатство лишь *in potentia*, превратить которое в реальные деньги пирату чрезвычайно трудно. Ему даже не оценить, хотя бы приблизительно, насколько богатство велико. Золото или серебро иное дело: цена известна, взвесил, перемножил и понял, что можно заканчивать, что уже хватает на приобретение поместья в Англии либо плантации на Барбадосе. Если не известна рыночная цена на какой-то другой захваченный груз (на то же сандаловое дерево, к примеру), то узнать ее дело недолгое, а далее тот же алгоритм – посчитал, перемножил, разделил надвое (продавать придется по демпинговым ценам) и понял: для завершения карьеры маловато, придется еще потрудиться, поплавать по морям.

Алмазы – совсем иное дело. Профан может понять лишь одно: что в руки ему попал именно алмаз, для этого достаточно провести камнем по стеклянной поверхности и посмотреть, осталась ли царапина. При этом стоимость алмазов одного веса и размера может различаться в разы, и только ювелир назовет ее, оценив чистоту камня, наличие малозаметных изъянов и пр.

Но загорелому детине с обликом и повадками моряка выложить на прилавок ювелира пару крупных алмазов – это все равно что громко заявить: я, знаете ли, в недавнем прошлом пиратствовал, грабил и топил суда. Честный ювелир камни для оценки возьмет и тут же изве-

стит власти. За разоблаченных и опознанных пиратов, даже бывших, полагались неплохие награды. К тому же прежних владельцев камней крупных или чем-то приметных можно было установить и получить от них премию за возвращенную собственность. Камни, оставшиеся неопознанными, переходили в собственность казны, – опять-таки с премией тому, кто донес об их незаконном происхождении. Профит, возможно, небольшой, если сравнить со стоимостью алмазов, зато и риска никакого.

Ювелир же, склонный к риску и жульничеству, мог поступить иначе: изобразить на следующий день удивленное лицо: вы о чем, любезнейший? Я вас первые вижу! – и что с ним делать? В суд подать?

Идеальный для экс-пирата вариант: он все же получит какие-то деньги, сущие гроши в сравнении с рыночной ценой своих камней. Грех его не обогатить, воспользовавшись ситуацией.

Отличное подтверждение вышесказанному – судьба известного пиратского капитана Эвери. Тот по завершении пиратской карьеры мог увешать себя алмазами и прочими самоцветами, как новогоднюю елку игрушками. Вот только кушать ему было нечего. Голодал в самом прямом смысле.

Помыкавшись в Лондоне, капитан двинулся в Голландию, в Амстердам. Спрос, как известно, рождает предложение. Верно и обратное, и в Амстердаме сформировался черный рынок камней, добытых преступными путями. Там их оценивали, покупали и продавали, камни известные и узнаваемые гранили заново, либо распиливали на части и т. д. и т. п.

Но дилетант, ничего не понимающий в этих играх и заявившийся на черный рынок с партией камней для продажи, шансов разбогатеть не имел. Он был обречен стать персонажем известной поговорки «Без лоха и жизнь плоха».

История капитана Эвери закончилась предсказуемо. Камней лишился и умер в полной нищете.

Человек умный (а Флинт был умен) мог сделать лишь единственный верный ход: сыграть вдолгую, алмазы припрятать и не пытаться немедленно превратить в деньги. Если удастся разбогатеть на другой добыче, то дети или внуки станут уважаемыми членами общества, их визит к ювелиру лишних вопросов не вызовет.

Что у Флинта-Тейлора были наследники, что он отплыл из Плимута в 1719 году, оставив в Англии семью, сомнению не подлежит.

Едва ли он, объявленный на родине вне закона, поддерживал из колоний постоянную связь с семейством, хотя полностью такой вариант исключить нельзя. Но мог изредка присылать с надежными оказиями весточки. В любом случае о родных не забывал.

Доказательство у этой версии одно, но очень веское: карта.

Кто-нибудь задумывался, для кого еще Флинт мог изобразить карту острова с указаниями, где искать сокровища? Для пиратов из своей команды? Ну-ну... Только что прикончил шестерых из них, чтобы сохранить секрет главного тайника, – но внезапно раскаялся, решил, что так нельзя, и занялся прикладной картографией?

Даже если бы пираты вынудили Флинта нарисовать карту, приставив к виску пистолет, а к горлу тесак (что маловероятно, учитывая характер капитана), стал бы он указывать правильное местонахождение сокровищ?

Не говоря уж о том, что пираты, озабоченные этим вопросом, в карте особенно не нуждались, они могли незамедлительно вернуться и по свежим следам работ отыскать тайник. Да, Флинт принял меры, чтобы следы исчезли как можно быстрее, мы разбирали этот вопрос в «Острове без сокровищ». Но за день или два куда бы они не исчезли. Не слежится, например, недавно копанная земля за такой срок до прежнего состояния.

Однако мы не знаем ни о каких попытках немедленно сделать тайну достоянием всего экипажа. Бонс и Сильвер спросили, где сокровища, получили довольно хамский ответ капи-

тана: «Пойдите и поищите!» – и всё, вопрос исчерпан, никто не возмущается, ответа не требует, все дружно плывут в Саванну получать амнистию от властей.

Странным поведение пиратов может показаться лишь в силу нашего послезнания. Мы-то хорошо знаем, что капитан вскоре умрет, штурман наладится в бега, экипаж рассеется и никто из пиратов не сумеет в ближайшие годы попасть на остров, где полностью восстановится растительность и исчезнут все прочие следы работ по сокрытию клада.

Когда «Морж» плывет на всех парусах к Саванне, люди на его борту совсем иначе представляют ближайшее будущее: скоро капитан обеспечит всем амнистию, ибо Флинт голова и палец ему в рот не клади, и все тут же вернутся на остров в том же составе, откопают золото и серебро, и честно поделят, и вывезут, уже находясь в легальном статусе, уже не опасаясь встречи на перегруженном корабле с эскадрой охотников за пиратами.

Бедняги, они не подозревали, что у капитана другие планы, что тот хорошо усвоил уроки Клиппертонна и навсегда запомнил: завершать пиратскую карьеру выгодно, сократив число пайщиков «общака» до минимума, в идеале – до себя одного.

Да, Стивенсон ничего нам не сообщает о таких планах Флинта-Тейлора. Но явственный намек на них имеется в другом романе мэтра – «Владелец Баллантрэ». Там тоже пираты грабили большим коллективом, но когда пришло время делить сундук с золотом, число соискателей в несколько этапов сократилось до двоих, они и поделили всю добычу. Могло бы сократиться и до одного, но Баллантрэ, служивший на пиратском корабле кватермастером, не стал поступать подло по отношению к соратнику по якобитскому мятежу. А мог ведь и его вычеркнуть из списка пайщиков клинком или пистолетной пулей.

На случай, если что-то пойдет не так, Флинт нарисовал карту – для подстраховки, для оставшегося в Англии семейства. Но судьба посмеялась над его планами тоже, не так пошло всё, владельцем карты стал штурман и двинул в бега...

Еще один момент: рисуя карту для членов экипажа, Флинт обозначать на ней координаты острова никаких оснований не имел. Тот, кто сумел бы проложить точный курс к точке с этими координатами (Билли Бонс), и без того их знал. Остальные же в них не нуждались. Примерное местоположение острова они представляли, имели ненулевую вероятность отыскать при помощи карты и компаса. В любом случае эти цифры не представляли интереса для людей, не умеющих пользоваться навигационными приборами.

Нет никаких сомнений: карта была нарисована для тех, кто на острове никогда не бывал. И других ее адресатов, кроме потомков или иных родственников Флинта, не придумать.

Однако, исследуя вопрос о родственниках Флинта, мы слишком далеко ушли от Порто-Белло, индийских алмазов и необходимости для экипажа вступить в ряды гвардакостасов. Вернемся к заявленной теме.

* * *

Из остальных членов шайки с умом распорядиться алмазами был способен лишь хитрый и предусмотрительный Джон Сильвер. Однако он, похоже, попытался пристроить свои камни раньше, в голландском Кочине, – и напоролся на еще больших хитрецов. Недаром же в его лексиконе появилось ругательство «голландские отродья».

Как распорядились своей долей добычи прочие пираты, гадать не приходится. У кого еще оставались алмазы, те продали их за бесценок в Порто-Белло. А когда закончили пропивать выручку, вновь собрались на борту корабля Флинта. Потому что ничего другого делать не умели, да и не хотели. А даже умели бы и хотели бы – никому, кроме Флинта, не были нужны в испанской колонии, чуждой им и языком, и верой, и обычаями.

Новая служба позволяла жить, не бедствуя. Но не более того. Возможностей разбогатеть, захватывая груженные лесом и тому подобными товарами английские суда не было никакой,

мы уже подробно рассмотрели этот вопрос, когда выясняли, отчего Эдвард Тич никак не мог закопать громадный клад на Острове Сокровищ.

Испанские суда перевозили больше ценностей, а Флинт не постеснялся бы при нужде изменить испанскому флагу. Но к «серебряному каравану» одинокому пиратскому судну было не подступиться. Можно было лишь пробавляться до поры мелочами и терпеливо выжидать удобный момент, когда в дело вмешается и поможет «неизбежная на море случайность», – например, шторм разметает «серебряный караван» и появится возможность захватить набитое драгоценным металлом судно, оставшееся без охраны.

Долгое ожидание Флинта и его подельников оказалось не напрасным. Вождеденный шанс взять хорошую добычу появился, но не был связан со штормами и другими природными явлениями: в Порто-Белло во главе мощной эскадры заявился Старина Грог, добившийся-таки от парламента и правительства объявления войны Испании.

Порто-Белло, как отмечалось, был хорошо укреплен, – но в расчете на то, что придется отбивать наскоки флибустьеров. На этот раз в гости заявили не легкие пиратские шхуны, а линейные корабли регулярного флота. Шансов отбить нападение не имелось, город был обречен.

* * *

Настойчивость ли Старины Грога переломило нежелание правительства воевать, или же парламентариям смертельно надоела склянка с не самым аппетитным содержимым, но война была объявлена. Командующим силами Британии в Новом Свете закономерно был назначен тот, кто больше всех ратовал за ее начало, – адмирал Эдвард Вернон.

И сразу же выяснилась любопытная вещь. Похоже, будущий адмирал зачитывался в детстве книгами о пиратских подвигах Генри Моргана. А может, не зачитывался, может, вообще не любил читать, – и слушал рассказы ветеранов походов самого знаменитого флибустьера, их во времена детства и юности Старины Грога оставалось в живых достаточно.

Мальчик читал (слушал) – и мечтал совершить такие же подвиги, а то и превзойти их. Жизнь повернулась иначе, вся служба Вернона прошла под Юнионом Джеком, а не Веселым Роджером. Но детские мечты никуда не подевались, таились в глубине души до поры до времени.

И когда адмирал получил единоличную власть над всеми военно-морскими силами региона, долго над планом кампании он не раздумывал. Тупо начал повторять удары, нанесенные за десятилетия до того Морганом. Один к одному, без малейшего проблеска фантазии.

Но масштаб был иной, надо признать. Все-таки командовал Старина Грог не собранной с бору по сосенке пиратской эскадрой, а флотом самой могучей морской державы мира. Для десантных операций и действий на суше флоту была придана сухопутная армия, причем самая многочисленная из всех, когда-либо использовавшихся Британией в колониальных войнах с испанцами, на пике ее численность превышала 15 тысяч человек, а это невероятно много для колоний.

Старине Грогу того показалось мало, и он дополнительно привлек под свои знамена иррегулярные силы всех мастей: вооруженные для войны купеческие суда, приватиоров, амнистированных пиратов.

Целью первого удара оказалась гавань Порто-Белло.

Победил Вернон легко. Артиллерия испанских фортов была не в силах потягаться с главным калибром линейных кораблей. В порту, как обычно, стояло множество загруженных ценностями испанских судов – но это были мирные купцы, поджидавшие для перехода через океан конвойный флот, базировавшийся в Гаване. Плюс в малом числе гвардакостасы, базировавшиеся в Порто-Белло, никак не приспособленные сражаться с линейными кораблями.

Все они отправились на дно: и набитые серебром торговые суда, и легкие корабли иррегулярной береговой охраны. Утопил их не Вернон – сами испанские капитаны, когда сообразили: выход из бухты перекрыт надежно, не проскочить, и бой на равных тоже не светит, вместо него будет избиение и разграбление. (Флинт-Тейлор в тот момент в порту приписки отсутствовал, что избавило его от необходимости собственноручно затопить «Морж».)

Старина Грог расстроился от потери потенциальной добычи, но не сильно. Береговые склады и пакгаузы, тоже ломившиеся от ценностей, уцелели, и англичане их захватили. К тому же большая часть акватории бухты была относительно мелководна, – и тот, кто стал бы контролировать Порто-Белло по окончании войны, вполне мог организовать работы по спасению затонувших грузов.

Разумеется, Вернон видел в этой роли себя. Он ведь собирался переплюнуть Генри Моргану, действовавшего по незамысловатому алгоритму: приплыл-ограбил-уплыл. Старина Грог планировал иное: навсегда отобрать у Испании ее Панамские владения. Перерезать пуповину, соединявшую атлантические и тихоокеанские земли испанской короны.

Порто-Белло – первая ласточка, ключом к перешейку был город Панама, к нему предстоял поход по суше, и силы для него у Вернона были, даже с избытком.

Но в вместо того адмирал зачем-то устремился морем на восток, к озеру Маракайбо. В план кампании этот демарш не вписывался: занялся Панамским перешейком, так уж закончи дело. Но на Маракайбо ходил походом Генри Морган. Причем после Порто-Белло, но перед рейдом на Панаму. Так что...

Тупо косясь своего кумира, Старина Грог не учел одного: несмотря на все превосходство сил, ни военным, ни организаторским талантом Моргану он не обладал. И удачливостью знаменитого флибустьера не обладал тоже.

До Маракайбо адмирал не доплыл. На полпути лежала Картахена, крупный для тех времен и мест город, оставлять за спиной ее эскадру и гарнизон было опрометчиво.

Вернон решил Картахену взять. Трудной и долгой задачей это не казалось – не сложнее, чем взятие Порто-Белло. Испанскую Картахену за два века ее существования захватывали и англичане, и французы, и интернациональная пиратская вольница. Превосходство в силах было подавляющим: против четырехтысячного гарнизона адмирал выставил 12 тысяч морских пехотинцев. Плюс почти столько же составляли экипажи кораблей, и половину моряков, даже больше, Старина Грог при необходимости мог высадить на берег для участия в штурме. Перевес в артиллерии был четырехкратным. Ну а местную эскадру даже сравнивать не стоило с армадой Вернона, у того скопилось под командой почти две сотни вымпелов, включая вспомогательные иррегулярные суда. Одних линейных кораблей под три десятка (у испанцев – четыре линейных корабля, плюс мелкие и мало пригодные для сражений суда). Даже для Европы силы Вернона были внушительными, а уж для колоний – вообще нечто невиданное и неслыханное. Победа была предрешена и очевидна. Единственным достойным выходом для испанцев была почетная капитуляция с уходом из города налегке, но со знаменами и легким стрелковым оружием, что Вернон и предложил сделать.

Однако коса нашла на камень.

Испанский адмирал Блас де Лесо, известный под прозвищами «Деревянная нога» и «Полчеловека», на предложение сдаться ответил коротко и нецензурно. Испанцы под его началом дрались отчаянно, отбивая приступ за приступом. Превосходство в силах сказывалось, внешние форты были потеряны, но о капитуляции Полчеловека даже не задумался. И мастерски использовал все ошибки противников, а те их сотворили изрядно.

Илл. 19. Адмирал Блас де Лесо-и-Олаварриета, национальный герой Испании. «Полчеловеком» прозван за то, что в конце карьеры воевал с одним глазом, одной рукой и одной ногой. Воевать отменно это ему не мешало.

Среди высадившихся морских пехотинцев, скученных на небольшом пятачке, начались тропические болезни и быстро превратились в эпидемию, угробив не меньше англичан, чем испанские пули и ядра.

Генерал Уитворт, командовавший корпусом морской пехоты, постоянно ссорился с Верноном, который сохранил за собой командование флотом и общее руководство операцией. Каждый считал, что главную тяжесть осады несут на себе его подчиненные, а другой род войск лишь изображает активную деятельность. Точка зрения Уитворта была ближе к истине: под-

чиненные ему силы стремительно таяли от боев и болезней, но Вернон упорно отказывался помочь и высадить десант из моряков.

В довершение бед в тылу начали помаленьку партизанить индейцы. Англичане так активно распространяли «черный пиар» о зверствах испанцев над коренным населением, что сами в него поверили и искренне ожидали поддержки от местных племен. На деле всё обстояло несколько иначе, чем изображали британские пропагандисты, жизнь аборигенов в испанских колониях не была таким уж беспросветным адом, – и вояк Вернона они не встречали цветами, как освободителей, скорее наоборот.

(Не поймите превратно: простые индейцы трудились, конечно, и в шахтах, и на плантациях, стимулируемые ударами бича, всё так. Но к их элите, к вождям-касикам, испанцы всегда относились с уважением, даже в дворянское достоинство возводили и охотно роднились; в британских владениях ничего даже близко похожего в помине не было.)

С тыла беспокоили индейцы, с фронта подчиненные Деревянной Ноги все чаще переходили в контратаки, превосходство в силах таяло, как снег под солнцем.

Кончилось тем, что Вернон свернул операцию и с позором и огромными потерями отправился восвояси. Огромные потери – не фигура речи. Из корпуса Уитворта в живых осталось половина, из них держать оружие к моменту эвакуации были способны 3200 человек, остальные лежали, сраженные дизентерией, малярией, желтой лихорадкой, причем продолжали умирать и на обратном пути, и вернувшись на Ямайку. Но самые страшные потери понес отряд колонистов из Новой Англии, их Вернон намеривался поселить на захваченных у испанцев землях. Вместо того означенные земли они удобрили своими телами, на родину вернулся лишь каждый десятый.

По возвращении Старина Грог с треском вылетел со всех своих руководящих постов. Он, оказывается, после первых успехов, после захвата внешних укреплений, отправил в Англию сообщение с посыльным судном: Картахена взята!

В Лондоне возликовали и шумно отпраздновали триумф. Даже отчеканили медали одиннадцати видов в честь памятного события, одни успели вручить, другие дожидались возвращения героев. Когда стал известен реальный результат похода, позор был на всю Европу.

Илл. 20. Одна из самых редких медалей в мире. Известна в единственном экземпляре, хранящемся в Мадридском музее. На ней изображен Вернон, принимающий капитуляцию от преклонившего колени адмирала Бласа де Лесо-и-Олаварриета. Остальные экземпляры британцы от позора изъяли и уничтожили, но этот испанцы сумели раздобыть и сохранить.

Войска немногочисленного английского гарнизона, оставленного Верноном в Порто-Белло, торопливо эвакуировались, не дожидаясь, когда у противника дойдут до них руки.

В результате подъемом ценностей с затопленных в бухте кораблей занялись вернувшиеся испанцы. И вот тогда-то попугай Сильвера выучился крику «Пиастры!», а у Флинта-Тейлора наконец появился терпеливо ожидаемый шанс одновременно взять большой куш.

Глава 8. При чем здесь Сингапур, или Торжественная порка господина Д.

История с осадой Картахены еще раз подтверждает уже высказанную в этой книге мысль: мореходы из испанцев были так себе, а вот в войне на суше их мало кто мог превзойти. Многочисленные столкновения Испании с Британией, образно говоря, были «войной кита и слона». Англичане много раз, не сосчитать, били на море испанский флот. А у Картахены британский «кит» имел глупость выползти на сушу, где испанский «слон» живо его растоптал.

Но отвлечемся ненадолго от дел военных, от грома пушек, свиста пуль и звона клинков. Поговорим о простом и житейском: о садоводстве, о ревматизме, о Сингапуре...

«При чем здесь Сингапур?! – могут прозвучать недоуменные голоса. – Какое он отношение он имеет к сокровищам Флинта?! Другой край глобуса, другая эпоха, другое всё...»

А вот имеет. Чем дальше вчитываешься в «Остров Сокровищ», тем больше убеждаешься: он необъятный и всеобъемлющий, как Вселенная, и найдется в нем место всему. Даже Сингапур.

Шутка. Но лишь отчасти...

* * *

Может показаться, что изобильно раскидывая ребусы и шарады по страницам своего романа, Стивенсон совершенно не интересовался, разгадает их кто-нибудь или нет. Играл в литературную игру сам с собой, для собственного удовольствия.

Если оно и так, то не всегда, не во всех случаях. Порой мэтр с лукавой улыбкой подмигивает вдумчивому читателю: молодец, ты всё правильно угадал!

Маленький пример. Помните, чем занимался доктор Ливси, впервые появившись на страницах романа? Он откушал в «Адмирале Бенбоу» обед от щедрот миссис Хокинс, затем спустился выкурить трубку в общий зал трактира, где завел со старым садовником разговор о методах лечения ревматизма. Едва ли старик успел дослушать полезные или не очень советы Ливси – пьяный Билли Бонс загорланил свою песню, между ним и доктором началась ссора, а ревматический садовник тихонько и навсегда исчез со страниц романа, о чем ни один из читателей не пожалел.

Однако же эпизод с садовником и его ревматизмом при вдумчивом чтении привлекает внимание очень сильно. Вот чем: садовник назван по фамилии!

При этом, как уже отмечалось в «Острове без сокровищ», все местные жители – безымянная массовка. (Кроме тех, разумеется, кто отплыл на «Испаньоле» за сокровищами.)

Безымянные посетители «Бенбоу» слушают песни Бонса и его рассказы, некоторые из них даже какие-то реплики произносят, но имен все равно не получают.

Столь же анонимны мужчины, обвиняемые миссис Хокинс в трусости в исторический вечер налета контрабандистов на трактир. Безымянный некто вручает Джиму заряженный пистолет для защиты. Юноша, не получивший имени, отправляется верхом звать Ливси на помощь, – но не позвал, очевидно, не отыскал, хотя позже Хокинс и таможенник сделали это без труда, – и надо ли добавлять, что служанка Ливси, отправившая их искать доктора в доме сквайра Трелони, откликнулась на «Эй, ты!», своего имени не имея?

На фоне этого парада обезличенности, этой первомайской демонстрации людей без имен, – ярким пятном сверкает, переливается и за несколько миль привлекает внимание миссис Кроссли, местная жительница С ИМЕНЕМ!!!

Это, конечно же, неспроста, и в «Острове без сокровищ» мы выяснили важнейшую роль миссис и ее сумки в понимании истинной подоплеки событий.

Второе яркое пятно на сером безымянном фоне – старый садовник-ревматик. Но сколько голову ни ломай, – роль в событиях и у него, и у его ревматизма примерно нулевая. Вычеркнуть их напрочь со страниц романа – сидел и курил, допустим, Ливси в одиночестве, когда Бонс начал сольный концерт по заявкам – не изменится ровным счетом ничего.

Представляется, что важную смысловую нагрузку несет не профессия садовника, и не его ревматизм, и вообще не его личность, никак не раскрытая, но исключительно сама фамилия.

Звали садовника Тейлор.

И это сигнал читателю, причем далеко не каждому, а очень внимательному, перечитывающему роман не в первый раз, задумываясь при чтении над каждым словом: все ты правильно, читатель, понял, разгадал авторский код!

* * *

Почему Флинт стал именно Флинтом?

На самом деле это вопрос двойной, с двумя вариантами ответа. Если речь идет о персонаже, до мелких деталей срисованном с реального Тейлора, то можно предположить, что тот не мудрствовал лукаво, и голову не ломал: новой фамилией стало уже бытовавшее среди команды прозвище капитана: Флинт (Кремень) – это удобно, не надо переучивать экипаж и гораздо меньше вероятность, что кто-то из пиратов позабудет новую фамилию и невзначай ляпнет при чужих старую.

А если речь об авторе – тоже есть вариант ответа, где он взял фамилию Флинт для своего знаменитого капитана: в бананово-лимонном Сингапуре.

История эта связана с именем Стэмфорда Раффлза, который, на самом деле, заслуживает отдельной книги. Он прожил всего сорок пять лет, и трудно с лету сказать, на какой стезе Раффлз был более успешен: военного или лингвиста, политика или ученого-естествоиспытателя, колониального администратора или исследователя неизвестных земель... Он был успешен во всем. Всё ему удавалось. Он отвоевал у французов громадный остров Яву и несколько лет был ее губернатором. Он открыл Европе богатейшую индонезийскую культуру, доселе неизвестную, он опубликовал двухтомный фундаментальный труд «История Явы». Он основал Сингапур, а также Лондонский зоопарк и Королевское зоологическое общество. Он был любовником королевской дочери и наследницы британского трона. Он отыскал в диких джунглях самый крупный в мире цветок (размах лепестков около метра) и тот получил его имя. Он боролся с малазийскими пиратами и договаривался о мире с даяками-людоедами.

И лишь однажды удачливому сэру Стэмфорду не удалось задуманное. Он не сумел расшифровать надписи на Сингапурском камне. Правда, и никто другой с тех пор не расшифровал.

Эту огромную горизонтальную стелу, вытесанную из цельной глыбы и покрытую неизвестными письменами, обнаружили рабочие, прокладывая через джунгли просеку на месте нынешнего Сингапура. Целиком артефакт до наших дней не сохранился: фрагменты с надписями аккуратно отделили, а саму скалу, мешавшую работам, взорвали. Взрывными работами руководил капитан Стивенсон. А рабочими, обнаружившими стелу, командовал капитан Флинт.

Роберт Льюис весьма дотошно интересовался генеалогией своего рода и самыми дальними родственниками, разбросанными по просторам Британской империи. И если даже сингапурский Стивенсон всего лишь случайный однофамилец, не могла эта история ускользнуть от внимания мэтра. Надо полагать, звучная фамилия Флинта застряла в памяти и перекочевала на страницы «Острова Сокровищ».

* * *

Читатели, вероятно, уже заскучали от суховатых логических выкладок нашего исследования? Ждут с нетерпением, когда начнутся изложенные в более живой художественной форме эпизоды?

И в самом деле, пора. Но, поскольку изрядная часть этих эпизодов относится к событиям, происходившим до плавания «Испаньолы» к Острову Сокровищ, – мы поневоле вступаем на территорию, истоптанную фанфикёрами, сочинявшими сиквелы, приквелы и вбоквелы к знаменитому роману Стивенсона.

Из сочинений такого рода наиболее известен роман «Приключения Бена Ганна» за авторством Р. Ф. Делдерфилда.

Роман написан и издан давно, шесть с половиной десятилетий назад, и многие фанаты, а особенно фанатки «Острова Сокровищ» (есть такой фэндом, и достаточно многочисленный) уже причисляют его к «канону», пишут свои фанфики, основываясь на «фактах», введенных в литературную вселенную Стивенсона продолжателем, господином Д.

Стоит ли нам обращать внимание на «Приключения Бена Ганна»? Насколько изложенная там предыстория приключений на Острове Сокровищ стыкуется с историческим контекстом, с романом Стивенсона, со здравым смыслом и логикой?

Стыкуется очень плохо. А чаще всего вообще никак не стыкуется.

Творение Делдерфилда можно изучать в литературных институтах, показывая будущим писателям и критикам на живом примере, как писать нельзя, особенно романы, действие которых происходит в иные исторические эпохи.

Самое забавное, что Википедия представляет господина Делдерфилда как историка. При этом выдает он перлы, от которых у любого настоящего историка волосы дыбом встанут.

Рассмотрим несколько самых одиозных примеров.

События, происходящие в «Приключениях Бена Ганна», датированы автором точно. Бен Ганн, по версии Делдерфилда, скончался в 1805 году восьмидесятилетним старцем. Пиратские же свои приключения начал на девятнадцатом году жизни, то есть в 1743 году, и продолжались они несколько лет до смерти Флинта в Саванне (точный срок не назван, а разбросанные по тексту намеки позволяют сделать вывод, что плывал Ганн на «Морже» не меньше пяти лет, но никак не больше десяти). Затем Бен четыре года трудился в экипажах коммерческих судов, затем три года робинзонил на Острове Сокровищ. Если посчитать по максимуму, то получается, что в романе описан временной промежуток между 1743 и 1762 годами. Анахронизмов, противоречащих этим датам, в романе недопустимо много, особенно если учесть, что автора позиционируют как историка.

В тексте «Приключений» мелькает Порт-оф-Спейн, но эту (только эту) ошибку автору можно простить: она, так сказать, оправдана авторитетом Стивенсона – если уж мэтр упомянул город, которого не было в тот момент на карте, то продолжателей грех за это ругать.

Но вот что пишет Делдерфилд о том, как Флинт стал капитаном и хозяином «Моржа». Тот, оказывается, захватил корабль на Ямайке, в гавани Порт-Ройала. Подготовка к захвату велась на суше, в Порт-Ройале, и описан он вполне процветающим городом.

Прочитав эту бредятину, можно в дальнейшем не задаваться вопросом об уровне исторических познаний Делдерфилда. Он, уровень, равен примерно нулю. В 1692 году Порт-Ройал был полностью разрушен землетрясением, частично опустился на дно моря. Вялые попытки восстановить административный центр Ямайки пресекали ураганы и оползни, увлекавшие на дно новые кварталы, а окончательно поставил точку большой пожар 1703 года, уничтоживший последние дома. Порт-Ройал не существовал к моменту прибытия Бена Ганна в Новый Свет. И сейчас не существует.

Об острове Тортуга Делдерфилд тоже пишет нечто очень странное. Там у него по-прежнему «пиратский рай», как во времена Питера Блада, и якобы как раз на Тортугу изначально собирался Флинт доставить ту богатую добычу, что из-за стечения обстоятельств пришлось зарыть на Острове Сокровищ. Плохая новость для поклонниц Делдерфилда: «пиратский рай» на Тортуге существовал в середине 18 века лишь в больном воображении вашего кумира, с реального же острова джентльменов удачи попросили на выход за полвека до того.

Трудно в точности сказать, у кого Делдерфилд заимствовал фактуру- у Сабатини или у Эксквемелина, но века он точно попутал. Постоянно описывает реалии предшествовавшего столетия. Но иногда не брезгует стянуть приглянувшийся эпизод и в девятнадцатом веке: «Морж», перевозивший арестантов, и мятеж на нем, позволивший Флинту захватить корабль, – позаимствованы из рассказа Конан Дойла «Глория Скотт».

Не только города и острова совершают у Делдерфилда прыжки во времени. Люди тоже.

Например, Сильвер в этой версии всю службу у Флинта ходил на двух ногах, а Пью смотрел на мир двумя глазами, – оба получили свои увечья в последнем бою «Моржа», когда сокровища были уже закопаны на острове, а Флинт, получивший тяжелую рану в процессе ликвидации шестерых своих подчиненных, лежал в полубреду и никак в событиях не участвовал. Кое-как потрепанный «Морж» добрался до Саванны. И там раздробленную ногу Сильвера ампутировал хирург из экипажа Робертса. Тот самый доктор, повешенный сушиться на солнышке в 1722 году (а дело, как мы помним, происходит в 1750-х годах). Очевидно, поработал костной пилой над конечностью Долговязого Джона врач-зомби. Или врач-хронопутешественник. Хотя, если ничем не сдерживать фантазию, можно допустить третий вариант: ни пеньковая петля на шее, ни африканское солнышко доктора прикончить не сумели – повисел, повисел, дождался ночи и смылся потихоньку с виселицы.

И как же, по мнению Делдерфилда, этот недоповешенный оказался в Саванне? Очень просто. Приплыл на судне известного пирата Дэвиса, оно как раз отшвартовалось в Саваннском порту, а в числе команды находились остатки пиратов Бартоломью Робертса, доктор в их числе. И глубоко плевать Делдерфилду, что Дэвис погиб в 1719 году – одним зомби меньше, одним больше, какая разница. О том, что не уцелевшие люди Робертса плавали с Дэвисом, а ровно наоборот: остатки экипажа Дэвиса избрали Робертса капитаном, – не стоит даже заикаться. «Историк» Делдерфилд выше таких мелочей.

* * *

Если пишешь о пиратах, надо хоть немного разбираться в парусных кораблях той эпохи, какую описываешь. Это аксиома, но Делдерфилд на нее плевать хотел.

«Морж» у него вечный корабль, непотопляемый и не знающий износа. Флинту «Морж» достался далеко не новеньким: отслужил свой срок в военном флоте, потом был переделан в арестантское судно и доставлял каторжников на тропические острова. Флинт переделал корабль обратно в боевой и пиратствовал на нем до конца карьеры. Причем пиратствовал в теплых водах Карибского моря.

Не бывает. Бред сивой кобылы. Порождение больной фантазии.

Почитайте пиратские хроники Южных морей. Они пестрят эпизодами такого плана: корабль капитана Имярек обветшал и пираты пересели на захваченный, продолжили разбойничать на нем. А если сменить судно не удавалось, то жизнь у пиратов начиналась тяжелая, в корпусе открывались течи, приходилось постоянно откачивать помпами воду из трюма.

Век пиратских, приватирских и коммерческих судов в тропических и экваториальных морях был очень короток. Причина в том, что в этих водах в огромных количествах водятся паразиты, совокупно именуемые «морскими древоточцами».

Самые опасные из них – корабельные черви, их насчитывается свыше 60 видов. Название с точки зрения зоологии неправильное, на самом деле это не черви, а моллюски, но своеобразные: не сидят в раковинах, те у них трансформировались в острый инструмент в передней части тела, работающий на манер долота или сверла, – им-то черви и сверлят свои ходы в деревянных корпусах судов.

Илл. 21. Корабельный червь (сверху) и известковый «тюбинг» (снизу), которым червь облицовывает свой ход, чтобы не раздавила разбухающая от влаги древесина.

Некоторые виды корабельных червей дорастают до метра длины, а прогрызаемые ими в обшивке туннели достигают диаметра 5 сантиметров. Нетрудно представить, что происходит, когда такой туннель становится сквозным, напрямую соединяет океан и трюм корабля.

Кроме червей-моллюсков, к морским древооточцам относятся ракообразные нескольких десятков видов, приспособившиеся питаться древесиной.

Все эти корабельные паразиты очень чувствительны к характеристикам среды обитания: к температуре воды, ее солености и т. д., – и за пределами тропических морей почти не встречаются. Но в тропиках водятся в сверхизобилии.

Может возникнуть вопрос: а чем питались корабельные черви до появления в их ареале обитания больших европейских кораблей? В тонком борту туземной пироги туннель диаметром 5 см не пробурить при всем желании (толщина досок внешней обшивки парусника, если кто не знал, 6-8 дюймов, есть где разгуляться червяку хоть с руку размером).

Ответ такой: вся эта свора вредителей до начала эпохи океанских плаваний поедала древесину мангровых лесов, в прилив заливаемых по самые кроны. Появление европейских кораблей стало для паразитов настоящим подарком судьбы: и размножились необычайно, и расплозились по миру, захватили новые ареалы, – моряки сами развозили повсюду напасть, губившую их суда.

Защитить корабль от паразитов можно на этапе постройки, пустив на доски внешней обшивки дерева ценных пород деревьев, произрастающих в тропиках – очень плотные и твердые, они почти не поддаются гниению и паразитам. Например, тиковое дерево, используемое в судостроении, – его древесина содержит кремний в приличном количестве и не боится древооточцев (не только морских, сухопутные термиты тоже пасуют перед тиком).

Но такие породы деревьев редки и очень дороги, их использовали для кораблей особых, когда долговечность была важна, а с расходами не считались. Для манильских галеонов, например. Или для «Виктории», флагманского корабля Нельсона, сохранившегося до наших дней. Ни рядовым военным кораблям, ни коммерческим или приватирским шхунам и бригам такая роскошь не полагалась, равно как и обшивка корпуса медным листом, к тому же очень утяжелявшая судно.

Можно было бороться с древооточцами пассивными способами уже в ходе эксплуатации. Совершить, например, рейс в северные широты, куда-нибудь к Лабрадору, и в холодных водах паразиты погибнут. По возвращении в теплые края заведутся новые, но срок службы корабля

все же увеличится. Можно подняться вверх по течению реки, подальше от устья, заливаемого приливом, постоять там на якоре недельку-другую, и корабельные черви, чувствительные к солености, передохнут. Можно завести судно в сухой док, хорошенько просушить корпус, затем пропитать доски обшивки креозотом.

Способы были. Но колониальные арматоры ими практически не пользовались. Они шли другим путем: заказывали у корабелов суда в эконом-варианте, без излишеств. И эксплуатировали в самом интенсивном режиме, стремясь отбить затраты и получить прибыль до того, как днище и борта превратятся в дуршлаг.

В 1760-х годах было проведено масштабное статистическое исследование. Специалисты Адмиралтейства дотошно перетрясли архивы, изучая срок и район службы судов и материалы, из которых они были построены (фиксировали все, вплоть до стран, где выросли пошедшие на постройку деревья, и даже регионов в странах больших, таких, как Россия, – материалы для обновления своего громадного флота англичане закупали по всей Европе). Среди итоговых цифр привлекают внимание две. Средний срок службы без капремонта составлял для всех британских судов одиннадцать с половиной лет. Но если выделить суда лишь колониальные, эта характеристика падала до трех с половиной лет. Причем не учитывались суда, погибшие от штормов, пиратов, пожаров и т. д., изучался лишь естественный износ.

То есть какой-нибудь торговый шлюп мог бодро плавать по Северному морю, даже разменяв третий десяток. А его систер-шип, спущенный в том же году, после трех-четырех лет службы в колониях отправлялся на капремонт, на полную замену обшивки (на т. н. тимберовку). Но на тимберовку – это в лучшем случае, если корабельные черви не добрались до шпангоутов, иначе с судна снимали все пригодное для дальнейшей эксплуатации и буксировали в деревянную гавань, на слом. Больше одной тимберовки колониальные корабли не выдерживали, ибо до шпангоутов паразиты рано или поздно добирались.

Ниже приведены конкретные сроки службы реально существовавших колониальных судов, и это не выборка, названия и цифры взяты подряд.

HMS Cydnus – 3 года 2 месяца.

HMS Eurotas – 3 года 8 месяцев.

HMS Niger – 3 года.

HMS Meander – 3 года 4 месяца.

HMS Pactolus – 3 года 11 месяцев.

HMS Tiber – 4 года 10 месяцев.

HMS Araxes – 2 года 8 месяцев.

Ну и как бы выглядел в этом ряду придуманный Делдерфилдом вечный «Морж»? Несколько нелепо, правда?

Тут и «Арабелла» капитана Блада смотрелась бы не очень, захватил ее капитан не новенькой, не на верфи, и отплавал пять лет, днище было как решето, наверное... Но к помпам никто из пиратов Блада не встал, не царское это дело.

Многие читатели «Острова Сокровищ» гадают: что за старый брошенный корабль гнил в Северной бухте? Делдерфилд дает ответ: это корабль Ле Бона, подельника Флинта по пиратским налетам. Есть и другие версии, например такая: этот корабль был некогда захвачен пиратами, именно с него сняты сокровища, зарытые на острове.

Но если не вводить лишние сущности, можно объяснить все проще: это предыдущий корабль самого Флинта. Отплавать всю карьеру на «Морже» он мог лишь в бредовых фантазиях господина Делдерфилда.

Реконструкция № 1. Завещание

(Трелони-Холл, лето 1748 года)

Письмо пришло из Бристоля, с неизвестного мне адреса, почерк я не узнал, однако первым делом подумал: неужели Ливси вернулся? Последние весточки от доктора приходили именно так, в конвертах, надписанных чужой рукой, с незнакомыми именами отправителей. И лишь внутри лежали страницы, исписанные хорошо знакомым мне почерком. Разумная предосторожность со стороны человека, не желающего, чтобы кто-то разбогател, получив награду за его голову.

Я, впрочем, надеялся, что вскоре жизненные обстоятельства Ливси изменятся к лучшему. Война завершилась еще весной подписанием перемирия, в Ахене шли переговоры о прочном мире, и, поговаривали, что одним из его условий станет распространение амнистии Уэйда на якобитов-эмигрантов.

Очень хотелось вскрыть конверт, не медля. Но я, конечно же, сдержался. Перекинулся несколькими фразами с миссис Везер, вернувшейся с почтовым дилижансом, затем неторопливо, ничем не выдавая радостного нетерпения, пошагал в «Бенбоу». Разумеется, после перестройки бывшего трактира с него исчезла вывеска с именем знаменитого адмирала, но все местные жители по привычке называли мое жилище именно так. И будут называть еще долго, наверное.

Лишь оказавшись в одиночестве в своем кабинете, я сломал печать испанского воска, извлек из конверта единственный наполовину исписанный листок, – и все надежды получить весточку от старого друга развеялись.

Короткое послание, выдержанное в сухом деловом тоне, приглашало меня в будущий четверг, в два часа пополудни, в Трелони-Холл, – на оглашение завещания покойного сквайра. Письмо на бланке бристольской адвокатской конторы «Гэрсли и партнеры» написал какой-то младший клерк с неразборчивой подписью, но рядом приложил руку сам мистер Гэрсли, старший партнер.

Поразмыслив, я небрежно кинул письмо в груду маловажных бумаг и решил никуда не ходить. Ничего хорошего от завещания Трелони ждать не стоило с учетом наших с ним отношений, сложившихся за время злосчастного плавания «Испаньолы». Скорее всего, мне предстояло стать адресатом посмертной издевки: в конце списка облагодетельствованных слуг прозвучит моя фамилия, и я стану счастливым обладателем двух-трех гиней, причем с непременным наказом усердно молиться за упокой души сквайра. Ради такого не стоило терпеть усмешки Трелони-младшего и его дружков, которыми он как-то на удивление быстро обзавелся в наших краях.

К четвергу я успел позабыть и о письме солиситора, и об оглашении завещания. Так и не вспомнил бы, однако рядом с «Бенбоу» в тот день, за час до назначенного срока, остановилась бричка – дорогая, с новомодными берлинскими рессорами, с новеньким кожаным верхом.

К великому моему изумлению, в бричке сидел тот самый бристольский стряпчий, мистер Гэрсли, и изъявил желание самолично доставить меня на оглашение последней воли сквайра.

– Собирайтесь, мистер Хокинс, собирайтесь, – пресек он мои попытки уклониться. – Раскрыть подробности до срока я не вправе, однако же поверьте: присутствие ваше решительно необходимо.

* * *

Во время недолгого совместного путешествия в бричке мистер Гэрсли задал мне пару вопросов, показавшихся в тот момент совершенно не важными. Отвечал я машинально, занятый другими мыслями: пытался понять, чем вызван личный визит солиситора и его слова о необходимости моего присутствия.

Похоже, я ошибся и речь не идет о двух-трех гинеех. Неужели сквайр перед смертью раскаялся и попытался в завещании хоть как-то искупить свои темные дела и особенно замыслы? И оставил мне что-то гораздо более серьезное, чем грошовая подачка?

Ничем иным я слова и действия стряпчего объяснить не мог, и гадал, что же именно мог мне завещать Трелони. Хорошо бы тот кусок земли, где стоит «Бенбоу», только целиком, с выходом и к тракту, и к морю. Простить я сквайра все равно не прощу, но разочек помолюсь, чтобы в аду огонь под его котлом горел не так жарко.

И тут мистер Гэрсли произнес слова (расслышал я их с середины фразы), заставившие насторожиться и отбросить мысли о возможном наследстве.

– ...бывать во Франции, мистер Хокинс? – вот что он сказал.

Во Франции я никогда не бывал, да и не собирался. Но название этой страны сразу же навело на мысль о Ливси, знакомство с которым я старался в последние годы лишней раз не поминать вслух. А если спрашивали прямо, отвечал так: не встречались мы уже несколько лет, совсем потерял доктора из вида после возвращения «Испаньолы», – понятия не имею, где он и что с ним.

– Не доводилось бывать, – произнес я осторожно и внимательнее присмотрелся к Гэрсли, пытаюсь понять, что у того на уме.

Надо заметить, что спутник мой несколько отличался от тех (впрочем, немногих) стряпчих, что мне доводилось к тому времени встречать. Одежда у него была обычная для адвокатского сословия – неброская, из темной ткани. И речь, составленная из гладких правильных фраз, вполне приличествовала юристу. Но вот лицо... Лица у адвокатов обычно серые, бесцветные, словно бы утерявшие жизненные краски в душных судах и полутемных архивах. Цвет кожи Гэрсли, напротив, свидетельствовал, что немало времени он проводит под открытым небом. Мало того, на левой щеке я разглядел шрам, живо напомнивший о покойном Билли Бонсе, – хотя лицо пострадало не столь сильно, как у старого штурмана, шрам был не велик и напоминал по форме букву «V».

Я заподозрил, что Гэрсли может лишь использовать личину солиситора для прикрытия каких-то тайных сторон своей жизни, а сам разбирается в законах не лучше, чем Ливси в медицине. Забегая вперед, скажу, что ошибся: все тонкости юриспруденции он знал отлично и мог щедро насытить свою речь латинскими терминами (однако при нужде мог поговорить с матросами в порту на простом и понятном тем языке, не стесняясь выражений, в приличном обществе не принятых). И все же в чем-то я был прав, и многие щекотливые поручения своих доверителей Гэрсли исполнял отнюдь не на судебных слушаниях.

Но это я узнал и понял позже, а в тот момент не мог взять в толк, чего он добивался, вновь спросив:

– Может быть, мистер Хокинс, вам хотя бы проездом доводилось бывать во французских портах? Во время вашего известного морского путешествия?

– Ни в один континентальный порт «Испаньола» после Бристоля не заходила, и на обратном пути тоже, – ответил я и решил, что пора изменить ход разговора, начинавшего напоминать допрос.

Спросил сам:

– А Франция имеет какое-то отношение у делу о наследстве, ради которого вы посетили нашу глушь?

Говорил я, опустив руку в карман камзола и поглаживая давний подарок Ливси, небольшой двустольный пистолет. С некоторых пор появилась у меня такая привычка. Тогда казалось, что она придает уверенности мне, по сути мальчишке, в беседах с людьми более опытными и значимыми. Сейчас всё видится иначе: заряженное оружие в кармане добавляло мне лишь щенячьей наглости.

Гэрсли ответил после недолгой паузы:

– Имеет, мистер Хокинс. Но очень, очень опосредованное отношение. Однако коли уж вы во Франции не бывали, то и говорить не о чем.

Говорить нам было не только не о чем, но и некогда: бричка свернула на подъездную дорожку, ведущую к Трелони-Холлу. Давненько я там не появлялся.

* * *

Обширная гостиная, хорошо мне памятная, была заполнена людьми.

Здесь собрались, что называется, «сливки общества», насколько это выражение можно применить к нашим глухим провинциальным местам.

Присутствовал судья Майнинг, в партикулярном платье он смотрелся не менее величественно, чем в мантии, и восседал в кресле с таким неприступным и важным видом, словно собирался вынести кому-то очередной приговор. В соседнем кресле устроился мистер Шусберри, владелец «Гостиницы короля Георга» и чуть ли не половины недвижимости в округе, – этот держался более непринужденно: закурил трубку и прихлебывал вино из большого бокала.

Еще несколько джентльменов, чьими именами мне не хотелось бы утомлять читателей, устроились вокруг большого стола, и среди них сразу же привлекал внимание полковник Блюменфельд. Ни одно мероприятие в округе из тех, что можно отнести к «светской жизни», не обходилось без его участия. На похоронах и на крестинах, на венчаниях и отпеваниях можно было увидеть его красный камзол военного покроя и услышать его звучный голос, рассказывающий желающим послушать очередную историю из богатой приключениями жизни полковника.

Бен Ганн выглядел на фоне собравшихся белой вороной. Он надел свой лучший костюм и дешевый парик из конского волоса – но все равно бывший пират казался здесь совершеннейшим чужаком. Он и сам это понимал и чувствовал себя не в своей тарелке, забился в угол, ни с кем не вступая в разговоры.

Впрочем, внимания на бедолагу Бена никто не обращал. Все взгляды приковывал Трелони-младший, которому в самое ближайшее время предстояло стать официальным владельцем и усадьбы, и окружавших ее земель.

* * *

Человек, которого многие называли «молодой сквайр Трелони», был не так уж молод, прилично за тридцать, – а ровесников своей матери я в те времена считал людьми уже пожилыми. Лицом он не походил на «старого сквайра», но в остальном сходство имелось: Трелони-младший был такой же высокий, дородный, багроволицый, шумный.

Он не приходился ни сыном, ни хотя бы племянником покойному владельцу Трелони-Холла. Дальний родственник, седьмая вода на киселе. Но фамилию носил ту же самую.

Наследник появился в наших краях пару месяцев назад. Официально вселиться в Трелони-Холл он пока не мог, и квартировал неподалеку, заняв весь верхний этаж «Гостиницы короля Георга» – три смежных номера. Там не прекращались шумные пирушки, привлекавшие

со всей округи юных и не очень джентльменов, любивших угоститься на дармовщинку. Трелони-младший быстро завоевал у них непререкаемый авторитет своей щедростью (хотя ходили слухи, что и квартирует, и гуляет он в кредит, охотно предоставляемый мистером Шусберри в видах грядущего богатого наследства).

И сейчас Трелони сопровождала свита из пяти или шести прихлебателей, хотя я очень сомневался, что они упомянуты в завещании.

Наш совместный с мистером Гэрсли приход вызвал среди присутствовавших оживление. Я отметил пару весьма недоуменных взглядов, наверняка вызванных тем, что появились мы со стряпчим вместе, чуть ли не под ручку.

Майор Аксон, помещик, чьи земли граничили с севера с владениями Трелони, бросил взгляд на каминные часы, те показывали без двадцати два. И предложил, обращаясь к Гэрсли:

– Давайте начнем пораньше? Я собирался сегодня в Мидборо на петушиные бои, а в гонг там ударят в три пополудни.

– Опасаюсь, дорогой мистер Аксон, что вам придется выбирать между двумя развлечениями, – невозмутимо ответил солиситор. – Процедура предстоит отнюдь не быстрая.

Его помощник тем временем выставил на стол письменный прибор и теперь выкладывал документы из объемистого портфеля. Мне показалось, что их многовато для обычного завещания.

* * *

Чтение документа тянулось и тянулось, и, казалось, не закончится никогда.

В какой-то момент в гостиной стало очень тесно: из соседней комнаты пригласили слуг – тех, кого не рассчитали душеприказчики, оставили приглядывать за усадьбой. Люди сквайра выслушали, чем напоследок отблагодарил их за службу покойный хозяин, и вновь удалились. Меня в этом списке не оказалось, чему я лишь обрадовался, Бена Ганна тоже.

Далее следовали распоряжения, касавшиеся джентльменов, друзей покойного. Оказалось их, и распоряжений, и друзей, множество. Далеко не все упомянутые в завещании люди присутствовали в гостиной. Многие жили в Бристоле, в Лондоне, в других местах, и приехать не смогли или не захотели. Ничего существенного своим друзьям сквайр не завещал. Мне запомнилась коллекция курительных трубок, отошедшая «капитану Спейду либо его наследникам».

Некоторые распоряжения могли вызвать смех, если бы не серьезность момента. Например, майор Аксон получил пожизненное право удить рыбу в пруду сквайра, но если карпы и лини переходили при этом в собственность майора, то при поимке форели в количестве двух и более штук, Аксону доставалась лишь одна, другие должны были отправиться на кухню Трелони-Холла. Мне этот пункт завещания показался смешным, но Бен Ганн отнесся к нему серьезно: достал из кармана восковую табличку, сделал пометку. Ведь он был главным смотрителем парка сквайра, заведовал несколькими акрами рощ и лужаек, двумя полуразрушенными павильонами и большим проточным прудом.

Список друзей, казавшийся бесконечным, завершился. Наши с Беном имена вновь не прозвучали. Сквайр приготовил для нас нечто особенное, понял я, когда мистер Гэрсли объявил, что переходит к следующему разделу завещания.

Угадал, речь пошла уже не о линиях с карасями, не о коллекции курительных трубок. Бен Ганн и его потомки по прямой мужской линии получали в пожизненное неотчуждаемое владение дом, где сейчас проживал Бен, вместе с прилегающим участком земли.

Я понял, что угадал. И сейчас, скорее всего, получу на тех же условиях землю, на которой стоит «Бенбоу». Успел подумать, что невозможность продать землю не столь уж важна в моем случае, и тут меня ошарашила следующая фраза мистера Гэрсли. Оглушила, как удар вымбовкой по затылку.

Сказал он вот что:

– Главную же часть принадлежавшего мне имущества, усадьбу Трелони-Холл и все земли, прилегающие к ней согласно межевым планам, утвержденным в Палате, за исключением отдельно упомянутых выше, я завещаю и отдаю во владение...

Гэрсли выдержал драматическую паузу. Трелони-младший выпрямился на стуле, присанился и расправил плечи.

– ...Джеймсу Милзу Хокинсу, эсквайру, проживающему ныне во владении, именуемом «Адмирал Бенбоу».

* * *

Тишина в гостиной воцарилась гробовая, нарушал ее лишь голос солиситора. Смолкли перешептывания джентльменов. Не доносились голоса слуг из соседней комнаты, туда успела как-то просочиться новость. Даже муха, с громким жужжанием бившаяся о стекло, – прекратила это делать, до глубины своей насекомьей души потрясенная последней волей сквайра.

Мистер Гэрсли зачитал последние слова завещания: имена свидетелей, удостоверивших, что сквайр находился в здравом уме и твердой памяти, дату составления документа, – как я ни был ошарашен, но отметил, что она совпадает с последним появлением Ливси в наших краях, и многое стало мне понятнее.

– Наверное, джентльмены, нам стоит поздравить нового хозяина Трелони-Холла, – произнес Гэрсли.

Из всех присутствовавших отреагировал на эти слова лишь Трелони-младший. Но поздравил меня на свой манер.

– Завещание подложное! – вскочив на ноги, завопил он так, что в окнах задребезжали стекла. – Я оспорю его в суде!

– Очень не советую вам это делать, – произнес Гэрсли, не повышая тона. – Зря потратите время и деньги.

– Любой суд встанет на сторону законного наследника! В этой стране нет законов, позволяющих безродным нищелюдам захватывать земли, дарованные Богом и королем благородным людям! Ясно вам, господин крючоктвор?!

– Хорошо, обращайтесь в суд, – пожал плечами Гэрсли. – Но учтите, что для начала вам придется объяснить судьям, по какому праву вы носите фамилию Трелони. Да, я знаю, что церковь, где венчали ваших родителей, сгорела вместе со всеми метрическими книгами. Но вот что интересно: еще до пожара на процесс «Мак-Треворы против Лейтона» были предоставлены обширные выписки из этих книг, нотариально заверенные. Они до сих пор хранятся в архиве суда в Солсбери. Мне продолжать?

Продолжать мистеру Гэрсли не потребовалось. Удар угодил не в бровь, а в глаз. Трелони буквально рухнул обратно на стул. Он покраснел еще сильнее, беззвучно открывал и закрывал рот, словно рыба, извлеченная из воды.

– Мистер Хокинс имеет полное право принять наследство, – заговорил адвокат, обращаясь уже к остальным присутствовавшим, – и по своему происхождению, и по родственным связям с покойным. Обратите внимание на этот документ...

Он говорил и говорил, демонстрировал старые документы либо заверенные копии с них, и я с удивлением узнал, что роды Хокинсов и Трелони роднились через брак, причем дважды: первый раз еще в позапрошлом веке, второй раз относительно недавно, при Карле Втором. Не меньшее удивление вызвал тот факт, что мой давний, но прямой предок Хокинс во времена королевы Бесс был адмиралом, имел титул и герб... Отчего же мой отец никогда, ни словом не упоминал свое благородное происхождение? Наверное, отчаянно стыдился, что потомок

таких славных предков принужден стечением жизненных обстоятельств к низкому ремеслу трактирщика...

Я не успел завершить свои мысли, а Гэрсли – краткий экскурс в историю рода Хокинсов. Помешал нам Трелони: вновь вскочил на ноги, опрокинутый стул загремел по полу, а несостоявшийся наследник ринулся на меня. Мы с ним сидели на разных концах стола, но пять футов полированного палисандра не помешали Трелони – он прыгнул, завершив прыжок тем, что проехался животом по столешнице, сбросив на пол бумаги и опрокинув письменный прибор, – и двумя руками стиснул мне горло.

Воздух тут же перестал попадать в легкие. Я задыхался. Попытался разомкнуть смертельную хватку, но тщетно, Трелони был крупнее и много сильнее. Джентльмены смотрели изумленно, что-то кричали, но ни один не помешал мерзавцу убивать меня.

В глазах темнело. В ушах гремел набатом пульс. Я понял, что погибну сейчас очень глупой смертью, если не предпринять самых решительных мер для спасения.

В отчаянии я схватился за пистолет, взвел оба курка большим пальцем, но не успел выстрелить прямо сквозь камзол, как намеревался. Другая моя рука, слепо шарящая по столу, натолкнулась на что-то небольшое, твердое и увесистое. Позже оказалось, что то была бронзовая песочница, откатившаяся от упавшего письменного прибора. Но в тот момент я не выяснял, что именно подвернулось под руку – покрепче стиснул ниспосланное Господом оружие и с размаху обрушил его на висок Трелони.

* * *

На следующий день, ближе к полудню, ко мне в «Бенбоу» прикатил полковник Блюменфельд (я отложил переезд в Трелони-Холл, решив, что сделаю это позже, избавившись от вещей, напоминавших о прежнем владельце).

Поначалу я удивился визиту полковника, но тут же сообразил, что теперь птицы такого полета станут у меня частыми гостями. Надо привыкать к новому положению в обществе.

Блюменфельд не стал подбираться окольными путями к цели своего визита, заявил сразу с военной прямоотой и решительностью:

– Мистер Хокинс, вчера между вами и мистером Трелони имел место... м-м-м... имел место некий инцидент. И я прибыл для того, чтобы помочь упомянутый инцидент уладить без малейшего ущерба для чести его участников.

Я не хотел ничего улаживать с Трелони. Я хотел его застрелить. Следы от пальцев краснорожего негодяя на моей шее превратились в синяки, а сегодняшний завтрак показал: глотаю еду и напитки я с трудом и с болезненными ощущениями в горле. Теперь я жалел, что не проломил мерзавцу голову, что череп у него оказался слишком толстым – песочница лишь рассадила кожу на виске и слегка оглушила Трелони, но до поджидавшего во дворе экипажа он добрался на своих ногах.

Однако быстро выяснилось, что слово «уладить» мы с полковником понимаем по-разному. Он привез мне вызов на дуэль, не больше и не меньше, и добровольно вызывался исполнить обязанности моего секунданта, если я соглашусь принять его услуги.

Я согласился, не имея близких знакомых, хоть что-то понимавших в дуэлях.

– В иных обстоятельствах я советовал бы уладить дело миром, – говорил полковник. – Но вчера имело место оскорбление третьего рода, самое тяжкое, связанное с физическим насилием. И письменные либо устные извинения не смогут исчерпать конфликт без пятна на чести его участников. Вы ведь совершеннолетний, мистер Хокинс?

– Да. Уже целый месяц.

– Значит, отклонить вызов по этой причине не получится...

– Я не собираюсь ни извиняться, ни отказываться от поединка. Но я мало что понимаю в дуэлях, полковник. Вообще ничего не понимаю. Что от меня требуется?

– Сейчас? Выбрать оружие и условия поединка. Место и время выберет вызывающая сторона.

– Каким должно быть оружие?

– Любым. Но безусловно смертоносным. Фехтовать, к примеру, дамскими веерами дуэльный кодекс не позволяет.

– Тогда я выбираю плотницкий топорик. Условия – по очереди метать его друг в друга с пятнадцати шагов до первого попадания.

Полковник возрился на меня изумленно, подозревая шутку или издевку. Но я не шутил. Мальчишкой, наслушавшись рассказов об индейцах Виргинии, я потратил немало времени и сил, но обучился их искусству метать небольшие топоры. И до сих пор иногда упражнялся, окончательно испортив стену ветхого сарая, стоявшего у нас на задворках.

– Неплохо придумано, – одобрил полковник, сообразив, что я не шучу. – Дуэльный кодекс нигде прямо не запрещает такое оружие, и можно держать пари, что Трелони владеть им не учился. Но я вынужден посоветовать (всего лишь посоветовать) выбрать что-то иное.

– В чем причина, дозволейте спросить?

– В судье Майнинге. Как вы помните, он стал очевидцем вчерашней ссоры, и, если прольется кровь, историей о несчастном случае на охоте судью не обмануть. А как относится закон к дуэлям, вы, очевидно, знаете.

И полковник рассказал, что утром успел посетить судью, обсудил с ним щекотливую ситуацию и получил заверения: закон посмотрит на наш поединок сквозь пальцы, но лишь если участники ни на йоту не отступят от дуэльных правил. Если же один будет убит топором, то... Лучше не рисковать и если выбирать холодное оружие, то классическое: шпагу, рапиру или короткий меч.

– Тогда я выбираю пистолеты.

– Разумно. Полет пули зависит от многих случайностей, что несколько уравнивает шансы искусных и начинающих стрелков. А Трелони, должен заметить, заядлый охотник и стреляет изрядно. Какую дистанцию выбираете? Я посоветовал бы тридцать шагов, максимально возможную. Больше шансов отделаться легкой раной либо вообще обойтись без кровопролития.

В этот момент нас прервали.

– Мастер Хокинс! – в дверь просунулась рыжая голова Джея, до вчерашнего дня единственного моего слуги. – Приехал и желает с вами...

– Исчезни! – рявкнул я. – Даже если приехал король Георг, пусть подождет, пока я закончу говорить с полковником!

Джей испуганно ретировался, а я спросил у Блюменфельда:

– Какая наименьшая дистанция допускается кодексом?

– Шесть шагов.

– Я выбираю ее.

– Хм... Уверены? Я был секундантом, когда в Хайд-Парке капитан Кларк уложил на шести шагах Иннеса. Первой же пулей, сэр! Наповал!

– Мне это подходит. Хочу закончить дело раз и навсегда.

Полковник пожал плечами и не стал уговаривать меня передумать. Мы обсудили еще несколько нюансов предстоявшего поединка, а напоследок Блюменфельд дал мне совет:

– Ни в коем случае не пейте накануне вечером спиртное! Если бы вы знали, Хокинс, сколько людей погибло на поединках из-за пренебрежения этим правилом!

Я хотел было сказать, что выпиваю на ночь лекарство, настоящее на спирту, но промолчал. От лауданума все равно не отказаться, что бы ни сказал по этому поводу полковник.

Мы распрощались, и он поехал известить секундантов моего противника об условиях дуэли.

* * *

Оказалось, что приехал в «Бенбоу» и желает встретиться со мной вовсе не король Георг, глупо было надеяться, – солиситор мистер Гэрсли. Я был рад его увидеть. Хотел уточнить кое-какие детали процедуры вступления в наследство. Да и вообще этот человек мне нравился хотя бы тем, как лихо он обошелся вчера с Трелони: даже не повысив голос, загнал мерзавца в тупик, не оставил тому никаких выходов, кроме идиотской попытки меня задушить. И я постарался принять Гэрсли как самого дорогого гостя.

– Он действительно незаконнорожденный? – спросил я, когда мы осушили по паре бокалов хереса и закурили трубки.

– Понятия не имею. Я стрелял наугад. В Англии и Уэллсе есть шесть или семь церквей, чьи архивы сгорели. Тот факт, что родители Трелони венчались как раз в одной из них, мог быть простым совпадением. Но, судя по его реакции, дело и впрямь нечисто.

– А ваш интерес к Франции и моим визитам туда? Теперь-то можете объяснить?

– Теперь могу. Все бумаги, касающиеся вашего происхождения и вашего рода, мистер Хокинс, подлинны. На них есть штампы, свидетельствующие: они хранились в архиве Сент-Джеймского дворца. Я проверил – действительно хранились, числятся в описях. Но возникает много вопросов... Кто изъял их из архива? Когда и зачем? Кто вывез во Францию? Именно оттуда их прислали на адрес моей конторы без какого-либо сопроводительного письма...

Я знал ответ на терзавшие адвоката вопросы, и был тот очень коротким: Ливси. Но ничего объяснять не стал. Мы помолчали, снова угостились хересом. Затем Гэрсли решительно отодвинул бокал подальше.

– Отличное вино, однако необходимо завершить формальности, ради которых я сегодня приехал. – Он водрузил на стол свой объемистый портфель. – Хотел поговорить с вами вчера наедине, но не сложилось по известным причинам.

Я кивнул, машинально коснувшись побаливающего горла.

Гэрсли продолжил:

– Вступление в права наследования налагает и некие обязанности, в том числе финансовые. Во-первых, известно это вам или нет, почти любой объект наследования облагается у нас коронной пошлиной.

– Понятно... Сколько денег мне приготовить?

Гэрсли без запинки отчеканил, словно бы зачитывая по бумаге:

– Согласно Закону о гербовых сборах от 1694 года, любое личное имущество на сумму более двадцати фунтов стерлингов, наследуемое по завещаниям либо административным письмам, облагается наследственной пошлиной в размере...

Он замолчал. Гэрсли, как я заметил, очень любил драматические паузы.

– Сколько?! – не выдержал я. Если жадные щупальца короля Георга оттяпают значительную часть наследства, уйду к тори. Нет, нет... вообще запишусь в якобиты! К дьяволу такую жадную династию!

– ...облагается наследственной пошлиной в фиксированном размере пять шиллингов, или одна крона, или четверть фунта.

Я шумно выдохнул. Ганноверская династия могла выдохнуть тоже, но она не подозревала, какого страшного врага чуть не обрела в моем лице.

– Извините, мистер Хокинс. Не удержался. У вас было такое лицо...

– Не шутите так больше, мистер Гэрсли. Я воспитывался не в пансионе для юных джен-три. В трактире. Где за неудачные шутки разбивали головы пивными кружками.

Он не обиделся на мои слова. Рассмеялся, а позже я узнал, насколько редко Гэрсли это делал.

– А вот сейчас говорю без всяких шуток: у доставшегося вам, мистер Хокинс, наследства имеется очень серьезное обременение. Прошу внимательно ознакомиться с этим документом, а затем я отвечу на возникшие вопросы.

Я ознакомился, и смысл документа мне решительно не понравился.

– То есть в любой момент ко мне может явиться какой-то... – я запнулся, проглотив нехорошее слово, – ...какой-то человек, потребовать сто семьдесят тысяч фунтов, – и если я не заплачу, поместье перейдет к нему? Да еще и половина доходов должна уходить непонятно кому?

– Именно так. Подозреваю, что покойный Трелони владел своими землями на таких же условиях. Они действительно тяжелые, но сейчас, мистер Хокинс, у вас имеется возможность отказаться от вступления в права наследника.

Отказаться... Легко сказать. Я уже мысленно перестроил Трелони-Холл по своему вкусу, и вообще успел свыкнуться с мыслью, что стал влиятельным лендлордом.

Но сто семьдесят тысяч... Неоткуда взять такие деньги. Свою долю сокровищ, найденную найденных на острове, я частично истратил на ремонт и перестройку «Бенбоу», а почти все остальное вложил в ценные бумаги, безусловно надежные, хоть и приносящие скромный доход, – даже если удастся реализовать их без потерь, нужной суммы не наберется.

Хотя... Я вдруг понял, что знаю, как можно решить проблему и стать полноправным владельцем Трелони-Холла. Но сначала надо поговорить с одним человеком.

– Отказываться от наследства не буду, – сказал я решительно. – И если деньги потребуют не в ближайшие недели, а хотя бы через год, то я их заплачу.

А сам подумал: или не заплачу, сверну шею в попытке раздобыть нужную сумму. Но тогда и спроса никакого не будет. Мертвые, как говорил один мой знакомый, не кусаются. И обременений наследства не выплачивают.

* * *

– Рад вас видеть, мастер Хокинс! – расплылся в улыбке Бен Ганн. – Добро пожаловать в каюту старого Бена!

– Старым ты станешь, когда вон тот вишневым саженец принесет свой первый бушель плодов, – сказал я, проходя в «каюту». – Если не ошибаюсь, на Пасху тебе сравнялось тридцать семь.

– Старость не в годах, она вот здесь, – елейным тоном сказал Бен, коснувшись левой стороны груди. – Я пережил больше, мастер Хокинс, чем иные переживают за три жизни.

– Еще на прошлой неделе ты называл меня просто Джимом.

– На прошлой неделе, мастер Хокинс, вы не были моим хозяином. И владельцем всего вокруг тоже не были.

– Так уж и всего... По-моему, мы сейчас сидим в твоём доме, а стоит он на твоей земле.

– Действительно... Тогда пусть здесь, в моей каюте, все будет по старому, Джим. Но снаружи я буду говорить «мастер Хокинс».

– Договорились. Закрепим наш уговор парой стаканчиков?

– Я поклялся памятью матери никогда не пить больше ром, – сказал Бен очень серьезно.

– Знаю. И прихватил бутылку отличного шерри-бренди, на этот напиток клятва не распространяется.

Одной бутылкой дело не ограничилось, когда она показала дно, я принес из двуколки вторую.

– Расскажи мне о серебре Флинта, – попросил я, когда решил, что Бен созрел для разговора, в трезвом виде он категорически не желал говорить о своем пиратском прошлом.

– Серебро... Иногда я думаю, что вам с доктором и сквайром стоило бы приплыть на остров именно за серебром. Возможно, тогда многие из погибших остались бы живы. Ведь то серебро не проклято, как золото Флинта. Оно чистое.

Я не очень понимал, как он разделяет пиратскую добычу по степени чистоты, и Бен пояснил в ответ на мой вопрос:

– Это серебро не полито чужой кровью. Мы отобрали его не у людей, у моря. Хотя все-таки и тогда без крови не обошлось, у Флинта иначе не бывало... «Пиастры!», кричал он, и делал вот так... вжик! – и на палубу «Моржа» сыпались пиастры... и лилась кровь... Вот тогда-то, Джим, попугай Сильвера выучил это слово.

* * *

Набитый серебром испанский шлюп нащупали нав первый же день поисков, затопленные суда густо лежали на дне бухты Порто-Белло.

– Peso, peso! – кричал вынырнувший мулат Матео, старшина нанятой Флинтом команды водолазов-ныряльщиков, и махал над головой сжатым кулаком.

Что в кулаке, с палубы «Моржа» было не разглядеть, но там оказались именно они, pesos, пиастры.

Начались работы по подъему серебра. Ныряльщики (в основном индейцы и мулаты) уходили под воду, зажав между колен тяжелый тридцатифунтовый камень и держа в руках жестяное ведро – и к тому, и к другому были привязаны прочные длинные линии. Проникнув в трюм затонувшего судна, водолазы набивали монетами свои ведра, пока хватало дыхания, потом всплывали. Матросы начинали тянуть за линии, поднимая и добычу, и камни.

Вечером с людьми Матео рассчитывались, они получали каждую сотую монету из поднятых, и уплывали на каноэ ночевать на берег.

Так продолжалось два дня, а вечером третьего Флинт прошелся вдоль маленького строя ныряльщиков, стоявших у фок-мачты – обнаженных, прикрытых лишь набедренными повязками. Вглядывался в каждого внимательно, словно видел в первый раз.

– Пиастры, – задумчиво произнес капитан, – пиастры...

Его рука совершила молниеносное, не различимое глазом движение.

– У-а-а-а-а... – издал Матео сдавленный звук и вцепился руками в живот, из-под его ладоней поползло красное.

– Пиастры!!! – завопил Флинт и ударил ножом еще раз.

В красно-серой мешанине, выпавшей на палубу, виднелись несколько кругляшей, измазанных чем-то мерзким.

– Пиастры! – кричал капитан, словно позабыл все другие слова.

Ныряльщики всё сообразили и бросились к борту. Заранее предупрежденные матросы были наготове – навалились, скрутили, не ускользнул ни один.

– Пиастры? – спросил Флинт, нагнувшись к первому, и взмахнул ножом. – Пиастры! Пиастры!!!

Наконец смолкли вопли и капитана, и людей, которых он заживо потрошил. Монеты нашлись во вспоротых кишках у всех восьмерых. Ныряльщики глотали их под водой, пытаясь таким способом увеличить свою долю.

– Соберите всё, – сказал Флинт, тяжело дыша. – И вымойте палубу. А падаль бросьте за борт.

Матео был еще жив, когда его переваливали через фальшборт, хрипел что-то неразборчивое, – но эти звуки перекрыл громкий крик попугая:

– Пиастры! Пиастры! Пиастры!!!

* * *

– Да, Джим, новых ныряльщиков Флинт не нанял, и за неполные две недели старому Бену Ганну пришлось нырять больше, чем за всю предыдущую жизнь и всю последующую. Пиастры лежали только в маленьком носовом трюме, дальше пошли слитки, и большие, и маленькие, и было их столько... Мои глаза, и глаза других ребят стали красными, как у кроликов, от полопавшихся жилок, а кожу разъела морская соль. Но мы подняли все до последнего слитка, и «Морж» осел в воде так, словно собирался вот-вот уйти на дно. Мы не доплыли бы до острова, клянусь чем угодно, первый же легкий шквал пустил бы нас на дно.

– Но как-то ведь доплыли? – сказал я, разлив по стаканам остатки шерри-бренди.

– Доплыли... Нам ведь не досталось всё, что удалось поднять. Выход из бухты Порто-Белло перекрывали четыре испанских фрегата, чтобы никто из собравшихся для подъема сокровищ не вздумал удрать с добычей, – и проскользнуть мимо их пушек никто бы не сумел. Вернее, Флинт сумел, но отдал не меньше четверти поднятого, чтобы выйти в открытый океан.

По всему получается, думал я, что серебра пираты закопали на острове тысяч на двести, и это еще самая нижняя оценка. Достаточно, чтобы окупить затраты на новую экспедицию, и чтобы стать полноправным владельцем поместья, и даже немного останется, хватит на... на долю Бена Ганна, например.

– Поедешь со мной на остров, Бен? – спросил я напрямик. – Хочу забрать серебро, но мне не обойтись без надежных людей. Кто знает, что придет в голову матросам, когда они увидят такую груду серебра... Вернее, я-то знаю.

Я опасался, что разомлевший от выпитого Бен Ганн сейчас согласится, а протрезвев – откажется.

Ошибся, отказался он сразу:

– Нет, мастер Хокинс, – сказал Бен, перейдя на официальное обращение. – Отправляйтесь без меня. Из любви к вам я вышел бы в море, хотя очень не хочу туда возвращаться. Но плыть к проклятому острову выше моих сил.

* * *

Дома меня поджидала записка от полковника. Трелони выбрал время поединка: завтрашнее утро, спустя час после рассвета. И место: укромный уголок побережья недалеко от Киттовой Дыры. Блюменфельд писал, что заедет за мной и доставит к месту дуэли.

Да, не стоило мне пить ни херес с адвокатом, ни шерри-бренди с Беном. Но кто же ждал такой спешки от Трелони. Хотя можно было, наверное, догадаться: наверняка мистер Шусберри прикрыл кредит для моего неприятеля.

* * *

Каждый из дуэлянтов имел право на два выстрела, пистолеты (одна из двух одинаковых пар) мне достались по жребию, а вот пули, чтобы их зарядить, я отобрал сам. На возражения: дескать, заряжать оружие прерогатива исключительно секундантов, – ответил, что выбор оружия за мной, а пуля в данном случае его неотъемлемая составная часть; заряжают же пусть секунданты, я не против.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.